ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
ЗА РУБЕЖОМ

ПРАВО

ЯН ПЕЩАК

СЛЕДСТВЕННЫЕ ВЕРСИИ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

ЗА РУБЕЖОМ

ПРАВО

JÁN PJEŠČAK

VYŠETROVACIE VERZIE

KRIMININALISTICKÁ ŠTÚDIA

NAKLADATELSTVÍ ČESKOSLOVENSKÉ AKADEMIE VED
PRAHA

ЯН ПЕЩАК

СЛЕДСТВЕННЫЕ ВЕРСИИ

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Перевод со словацкого
доктора юридических наук А. М. ЛАРИНА

Под редакцией и со вступительной статьей
доктора юридических наук проф. А. Р. РАТИНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
МОСКВА 1976

Редактор Л. Ф. ШАРАПОВ

Редакция юридической литературы

© Перевод на русский язык с изменениями
Издательство «Прогресс», 1976

П $\frac{11003\text{-}673}{006(01)-76}$ 20—75

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья (автор д-р юрид. наук А. Р. Ратинов) 5

Предисловие автора к русскому изданию 15

1. Предмет исследования 19
2. Состояние разработки вопроса о сущности следственных версий 24
3. Мышление в форме следственных версий — единство познавательного, психического и логического процессов 31
4. Следственные версии как один из путей познания и доказывания объективной истины в уголовном судопроизводстве 57
5. Следственные версии как одна из форм сложного мыслительного процесса 73
6. Интуиция в построении и проверке следственной версии 97
7. Определение понятия «следственная версия» 109
8. Принципы построения и проверки следственных версий 134
9. Собирание фактического материала и его оценка . . . 136
10. Формулировка предположения — выводной части следственной версии 170
11. Проверка следственных версий 194

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Среди многих сложных и ответственных задач коммунистического строительства одной из важнейших является задача полного искоренения преступности как явления, органически чуждого нашему обществу. Значительная роль в ее решении принадлежит правоохранительным органам, и в частности следственным аппаратам, которым вменяется в обязанность раскрытие каждого совершенного преступления и обеспечение справедливого наказания виновных с тем, чтобы ни один невиновный не был необоснованно привлечен к уголовной ответственности. Эффективность же предварительного следствия при решении этой двуединой задачи в значительной мере зависит от научной оснащенности и теоретической разработки насущных проблем следственной практики.

К числу ключевых вопросов теории и практики расследования преступлений относится проблема следственных версий, комплексному рассмотрению которой посвящена предлагаемая монография чехословацкого криминалиста доктора юридических наук Я. Пещака.

Ян Пещак — один из ведущих ученых-правоведов ЧССР, профессор Карлова университета в Праге, председатель Научного совета по государству и праву Чехословацкой Академии наук, заместитель председателя Высшей аттестационной комиссии и начальник Высшей школы МВД ЧССР.

В прошлом он был организатором и руководителем ряда научных подразделений, в том числе Института кри-

миналистики при юридическом факультете Пражского университета.

Научно-педагогическую работу автор сочетает с практической деятельностью в области борьбы с преступностью и укрепления социалистического правопорядка. Ныне генерал-майор Я. Пещак — заместитель министра внутренних дел ЧССР.

С его именем связано становление и развитие социалистической криминалистики в Чехословакии. Он является автором около 80 печатных трудов по актуальным проблемам раскрытия, расследования и предупреждения преступлений. Особенно значительны работы Я. Пещака по методологическим вопросам криминалистики и сопредельных отраслей научного знания. В социалистических странах хорошо известны его фундаментальные труды: «Актуальные вопросы социалистической криминалистики», «Введение в криминалистику», «Следственные версии», ряд учебников, пособий и иных публикаций.

Настоящая книга, изданная Чехословацкой Академией наук, избрана для издания на русском языке по ряду соображений. Прежде всего проблематика следственных версий ведет нас в наиболее интересную и малоисследованную область следственного мышления, основательно извращенную в трудах буржуазных криминалистов. Книга Я. Пещака последовательно решает все вопросы этой проблемы с диалектико-материалистических позиций, разоблачая идеалистические мистификации, широко распространенные в западной криминалистической литературе. В условиях обостренной идеологической борьбы внимание к методологическим вопросам прикладных отраслей научного знания придает несомненную актуальность этой работе.

Проникнутая духом социалистической законности, книга Я. Пещака является свидетельством заботы о правомерной деятельности органов расследования и опровергает тем самым клеветнические измышления по адресу социалистического правосудия. Содержащиеся в ней положения вместе с тем показывают и другую сторону деятельности этих органов, направленную на раскрытие каждого совершенного преступления и на максимальную оптимизацию этого процесса.

Известное указание Ф. Энгельса о том, что мыслительной формой развития естествознания является гипотеза,

имеет принципиальное значение для всех областей человеческого познания. Можно сказать, что формой развития наших знаний в процессе расследования является версия, которая представляет собой криминалистическую разновидность гипотезы.

Этим определяется значение проблемы, которой посвящена настоящая книга.

Буржуазные юристы, рассматривая процесс расследования с позиций агностицизма и ссылаясь на несовершенство и ограниченность познавательных возможностей человека, полагают недостижимым достоверное знание в уголовном судопроизводстве. Опираясь на марксистскую теорию познания, автор убедительно доказывает полную несостоятельность таких пессимистических концепций. При этом он вовсе не впадает в противоположную крайность, наблюдаемую в некоторых работах, а показывает гносеологические трудности процесса расследования, который имеет ретроспективный характер и протекает в условиях дефицита времени и противодействия заинтересованных лиц, оперирует ненадежной информацией и т. д.

Как же в этих условиях достигается истина, как осуществляется движение человеческой мысли от незнания к неполному знанию, а от него к знанию достоверному? Этот общий методологический вопрос имеет огромное прикладное значение в деятельности следователя.

Отвечая на него, в юридической литературе обычно ограничиваются рассмотрением логической стороны мыслительных процессов. В таком освещении исследование происходит путем выдвижения и проверки различных версий, сама же версия оценивается лишь как формально-логическая конструкция, как гипотетическое умозаключение.

Автор одним из первых в криминалистике более широко и многосторонне взглянул на этот предмет, указав, что речь должна идти не об одной лишь версии (предположении), а о мышлении в форме версии, которое имеет гносеологическую, логическую и психологическую стороны.

И в самом деле, версия — это не только логическое выражение мысли. Между логическими операциями и отражаемой действительностью находятся важные посредствующие звенья, протекают сложные познавательные процессы, и было бы слишком упрощенным представлять себе мыслительную работу следователя только как систе-

му логически развернутых рассуждений. Одна логика, по справедливому замечанию Марио Бунге, так же мало способна привести человека к новым идеям, как одна грамматика — создавать поэмы.

Автор избежал формально-логической односторонности и рассмотрел ряд психологических вопросов следственного мышления.

В их числе заслуживает специального упоминания убедительное решение остро дискуссионного вопроса о следственной интуиции. Демистификация явления интуиции и его освещение с материалистических позиций имеет не только теоретический, но и большой практический интерес. Правильное определение природы, источников, возможностей и пределов использования в процессе расследования интуитивного знания обогащает познавательный арсенал следователя и предостерегает его от ошибок и заблуждений.

Нельзя не отметить отличную от традиционных взглядов идею автора об аналитико-синтетическом характере следственного мышления.

Почти в каждой работе по тактике и методике расследования говорится об аналитической деятельности следователя: анализе исходных данных, анализе доказательств, так называемом психологическом анализе и т. п., но в редких случаях — о синтетической работе ума. Создается вполне определенное впечатление, что ведущей умственной операцией для следователя является анализ.

Такая мысль имеет свое оправдание, если учесть сложность, противоречивость и большой объем материала, подлежащего изучению и использованию в ходе расследования, в частности при разработке версий, что невозможно без анализа. Однако понимание и систематизирование этого материала, подготавливаемое анализом, достигаются в результате его синтеза. Как без анализа нет синтеза, так без синтеза бесплоден анализ. Версии, план расследования, оценка доказательств — все это синтетические образования, без которых остаются одни лишь частности, механический набор данных, не организованных в единую систему. Понимание чего бы то ни было — это объединение; непонимание же — отсутствие объединения, подобно тому, как можно знать каждое слово и не понимать значения фразы на иностранном языке.

Человек с аналитическим складом ума, который так превозносится в юридической (и детективной) литературе, чаще теряется в многочисленных деталях дела. Синтетический ум, пренебрегая частностями, также является жертвой печальных ошибок. Следственное мышление в форме версий требует гармонического сочетания анализа и синтеза, на что справедливо указывает автор в настоящей книге.

Конечно, читатель может заметить, что не все стороны версионного мышления разработаны в книге с равной полнотой и обстоятельностью. Логика все же преобладает над психологией. Ряд психологических вопросов темы лишь намечен, а некоторые еще и не поставлены вовсе.

Сказанное относится, например, к роли воображения при построении версий. Автор лишь вскользь и очень осторожно коснулся этого вопроса, тогда как в психической деятельности следователя (впрочем, как в любой творческой деятельности) воображение занимает одно из ведущих мест. Умственная работа при построении версий имеет характер тесного переплетения воображения и мышления.

Будучи обращено в прошлое, воображение из отрывочных сведений создает цельное представление о расследуемом событии. Не представив себе картины преступления, невозможно построить следственные версии, проверка которых подтвердит или опровергнет правильность этой воображаемой картины. Отражая явление *настоящего* времени, воображение рождает предположение об имеющихся следах, остатках, отпечатках и иных отображениях — последствиях расследуемого события, посредством которых оно может быть установлено и доказано. Наконец, планируя, регулируя и направляя свои действия, следователь смотрит в будущее. А предвидеть — значит вообразить. Не вообразив готовый результат труда, нельзя выполнить никакой работы. «В конце процесса труда,— писал К. Маркс,— получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника» [1].

Реконструктивная деятельность следователя хорошо иллюстрируется в книге сравнением с работой реставратора, который из осколков витража воссоздает утрачен-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVIII, стр. 189.

ную картину. Автор показывает, как из отдельных фактических данных складываются различные фрагменты расследуемого события и различные его варианты — версии.

Упомянутое сравнение правильно, но, на наш взгляд, недостаточно. Эти положения работы целесообразно соотнести с современными представлениями о процессе познания как механизме умственного моделирования.

В сознании следователя воображаемые картины не остаются застывшими фотоснимками, а являются движущимися и звучащими кинокадрами. Они сохраняют жизнь, темп и те формы движения, которые были свойственны отражаемым объектам в действительности. Такая динамическая система и есть модель преступления, построенная в сознании следователя на основе имеющейся информации. Каждый новый кусочек знаний включается в это движение и в результате комбинирующей деятельности вступает во взаимодействие с другими элементами и устанавливает с ними те или иные связи либо отсеивается как несущественный.

В процессе мышления следователь оперирует некоторым умственным материалом, который имеет двоякую психологическую природу. Это, во-первых, более или менее яркие образы; во-вторых, это тот или иной смысл, значение образов, выраженных в понятиях и суждениях. Смысл является содержанием, а образ — как бы формой определенной идеи. При получении чувственной и словесной информации в сознании взаимосвязанно возникают и образы и понятия. Слова рождают образы, образы наполняются смыслом, обозначаясь словами. Свойственное человеку образно-понятийное отражение действительности представляет собой ее мысленную модель.

На более высоком уровне абстракции следователь отвлекается от живых образов действительности и оперирует только понятиями, суждениями и умозаключениями. Здесь мы уже имеем дело с собственно логическим процессом и версиями, как таковыми, которые, по нашему мнению, являются словесно-логическими моделями.

По-своему отражая то или иное событие, эти модели действуют на разных уровнях, взаимно питая и переходя друг в друга. Как интерпретация в конкретно-образной форме познаваемых явлений, образно-понятийная модель — это промежуточное звено между логическим

мышлением и объективной действительностью. Она действует в двух направлениях: во-первых, от действительности — к интерпретации (версии) как наглядное воспроизведение в сознании возможного механизма, причин, участников и обстоятельств расследуемого события. Во-вторых, от интерпретации (версии) — к действительности как указатель на недостающие знания, неустановленные факты, ненайденные следы, подлежащие выяснению и отысканию с тем, чтобы придать нашим знаниям характер достоверности.

Сказанное является необходимым, на наш взгляд, дополнением к книге, которая была написана до того, как эти положения получили распространение в литературе [1].

В основном правильно и в соответствии с последними данными гносеологических и логико-психологических исследований определяется соотношение версии и гипотезы, что является камнем преткновения для многих криминалистов. Различие версии и гипотезы Я. Пещак видит не в познавательной природе, а в специфических условиях их использования, построения и практической проверки.

Автор убедительно доказывает, что версия и гипотеза — однозначные формы мышления — имеют одинаковую логическую и психологическую структуру. Гипотеза о жизни на Марсе, предположительный диагноз врача, версия о характере происшествия по природе своей однотипны. Версия возникает в том же порядке и на той же основе, проходит те же этапы развития, имеет такую же структуру и не может отвечать каким-то иным требованиям.

Как частная гипотеза, охватывающая какое-то отдельное событие или явление, версия вовсе не является специфическим средством, присущим только процессу расследования. Достаточно вспомнить интересные исследования Ираклия Андроникова о М. Ю. Лермонтове, чтобы убедиться, что они представляли собой проверку целой системы различных предположений, которые по своей логико-психологической природе ничем не отличаются от следственных версий.

Автор прав, показывая, что гипотезирование является универсальным, обязательным и неизбежным приемом как

---

[1] См.: «Теория доказательств в советском уголовном процессе», изд. 2-е, М., 1973.

научного, так и практического познания. Всякие попытки усмотреть принципиальное отличие гипотезы от версии и какую-либо специфику последней в познавательном механизме представляются бесплодными. Напротив, признание их общности позволяет распространить на версионное мышление многие плодотворные идеи, ранее сформулированные применительно к научным гипотезам.

Подобно тому как гипотеза не исчерпывается проблематическим суждением, так и следственная версия не есть лишь одно предположение об обстоятельствах происшествия. Предположение — лишь ядро версии (гипотезы). Само же мышление в форме версии много богаче. Содержательная его характеристика полно раскрывается в работе. При этом автором определяются две функции версии: упорядочение и систематизация имеющейся информации и отыскание и получение новой информации. Соответственно этому версия представляется читателю, во-первых, как готовое, хотя еще и неполное, недостоверное отражение исследуемого события, и, во-вторых, как инструмент дальнейшего его исследования, в итоге которого достигается истинное и достоверное знание о нем.

В соответствующих разделах книги детально освещаются все стадии этого процесса, который демонстрируется поучительным разбором примеров из чехословацкой следственной практики. Попутно отметим, что сама по себе «казусная» часть работы представляет значительный интерес для нашего читателя. Ценными являются и практические рекомендации, которые формулируются по ходу теоретического исследования проблемы.

Вместе с тем некоторые положения, выдвигаемые автором, не являются бесспорными. К их числу можно отнести распространенную в криминалистической литературе мысль о стадийности следственного познания, согласно которой недопустимо «преждевременное» построение версии. Вначале якобы следователь должен собрать необходимые и достаточные для того фактические данные.

Согласно этой точке зрения, сбор первичного материала не сопровождается построением версий. «К ним мы придем еще не скоро, когда подвергнем логическому анализу всю нашу деятельность за определенный период и ее результаты»,—пишет автор. Естественно, возникает вопрос: в рамках каких познавательных форм протекает накопление первичного материала, сбор исходных данных,

необходимых для последующего построения и обоснования следственных версий?

По этому поводу автор замечает лишь, что нужно собирать данные, могущие иметь отношение к делу. Но решение об относимости к расследуемому событию тех или иных фактов возможно только на основе определенного представления об этом событии. А это представление не может быть не чем иным, как определенной версией события. Следовательно, справедливая мысль автора о том, что первый же устанавливаемый факт, любая исходная информация о событии вызывает соответствующие логико-психологические процессы, неизбежно должна привести к признанию того положения, что версии возникают немедленно и взаимосвязанно с получением первичной информации. Мысль не ждет, когда копилка фактов у следователя наполнится до какой-то заранее предопределенной отметки. Требование же воздерживаться до поры до времени от построения версий равносильно запрещению мыслить в проблемной ситуации, в условиях информационной неопределенности, что противоречит природе человеческого разума.

Первоначальные действия следователя подобны первому этапу работы врача, которая не сводится к пассивному, стихийному, неорганизованному обследованию больного, а представляет собой его избирательное и целенаправленное исследование. Реализуется же это объективное требование также в рамках гипотетического, версионного мышления.

Очень заманчива, но практически не всегда выполнима рекомендация автора об одновременной и параллельной проверке всех возможных версий без оценки их большей или меньшей вероятности. В криминалистической литературе это требование считалось общепризнанным и неоспоримым. По этой концепции исследование происходит путем полного перебора всех вариантов, то есть в результате более или менее систематических попыток, в ходе которых неудачные пробы отбрасываются и после исключения всех иных версий положительно подтверждается одна.

Несомненно, исключение всех иных возможностей необходимо для доказывания определенного положения, но при этом вовсе не обязательно специально исследовать и доказывать ошибочность всех возможных предположений.

Тот же результат достигается путем достоверного подтверждения правильной интерпретации события, исключающей все иные объяснения.

Большой экспериментальный материал по психологии мышления показывает, что концепция механического перебора вариантов по методу «проб и ошибок» не оправдывает себя, ибо полный перебор всех возможностей в сложных случаях неосуществим, не эффективен и не соответствует реальному процессу решения задач человеком. Анализ следственной практики и наши специальные исследования показывают, что подобный путь не является оптимальным в ходе расследования.

Фактически методом перебора исследование происходит лишь в процессе ориентировки в ходе первоначальных следственных действий при чрезвычайно ограниченном объеме информации. Однако и здесь этот образ действий носит избирательный характер. Из неограниченного круга возможностей происходит отбор небольшого числа вариантов, из которых за основу исследования принимаются несколько наиболее вероятных.

Эвристические приемы основаны на использовании таких средств, которые суживают область поиска, сводя к минимуму количество возможных вариантов решения.

Подобно тому как в спорте количество попыток определяет подготовку спортсмена, так количество «проб» следователя указывает на его квалификацию и проницательность. Чем эффективней его решение, тем меньше проб и меньше ошибок, хотя точные «попадания» неизбежно связаны с поисками правильного пути методом приближения, «пристрелки».

Как видно из предыдущего, спорные положения предлагаемой читателю работы служат импульсом к дальнейшим размышлениям по отдельным вопросам данной проблемы, что повышает интерес, которого заслуживает настоящая книга.

Можно надеяться, что ее издание на русском языке и ознакомление с нею советских читателей — как научных, так и практических работников юстиции — послужит обмену опытом и делу социалистической интеграции в области правоведения, юридической практики и укрепления правопорядка в социалистическом обществе.

Проф. А. Р. РАТИНОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Советскому читателю представляется возможность ознакомиться с первой чехословацкой криминалистической монографией на русском языке, посвященной одному из важнейших криминалистических вопросов — следственным версиям.

Хотя с момента написания данной книги прошел сравнительно небольшой период, тем не менее за это время мы были свидетелями ряда событий, которые должен иметь в виду советский читатель.

В основу работы положена кандидатская диссертация, которую автор защитил на юридическом факультете Карлова университета в Праге. В то время работа представляла первую в Чехословакии попытку монографического исследования данной проблемы с марксистско-ленинских позиций. Издание работы было встречено общественностью положительно, и книга быстро исчезла с полок книжных магазинов.

В нашей тогда еще малочисленной криминалистической литературе остро чувствовалось отсутствие обзорной работы, которая могла бы серьезно приблизить эту проблематику к читателю, ознакомить его с различными, а иногда и противоположными теоретическими положениями, дать ему возможность осведомленным взглядом посмотреть на современное состояние этой проблемы, отделить необоснованные и непроверенные утверждения и дать направление для дальнейших исследований.

«Следственные версии» являются результатом многолетнего изучения автором следственной практики и обобщения относительно большого числа конкретных уголовных дел. Главными источниками этого исследования послужила прежде всего советская философская, теоретико-правовая, уголовно-процессуальная и криминалистическая литература. При этом пришлось ограничиться литературой, доступной тогда в Чехословакии.

Как увидит читатель, автор не разделяет взгляды некоторых чехословацких и иностранных криминалистов и процессуалистов по ряду основных вопросов темы. За последнее десятилетие криминалистическая наука достигла небывалого развития. Главная заслуга в этом прежде всего советских криминалистов. Я рад, что развитие криминалистического знания подтвердило правильность основных положений настоящей работы.

Одновременно автор сознает, что в его работе имеются также и недостаточно исследованные вопросы, которые требуют дальнейшего изучения.

Как известно, в 1968—1969 годах в ЧССР имела место попытка контрреволюционного переворота. Социализм в ЧССР был защищен только благодаря интернациональной помощи СССР и других братских социалистических стран. Эти события оказали глубокое влияние на правовую науку. И в этой отрасли науки отмечались деформации и извращения, правооппортунистические, ревизионистские, антисоциалистические и антисоветские взгляды.

Сильные традиции социал-демократизма и буржуазного либерализма в Чехословакии, традиции буржуазно-демократического политического и правового развития домюнхенской республики, так называемый прозападный культ общественной жизни проникали в сознание мелкобуржуазных слоев некоторой части интеллигенции, отдельных групп рабочего класса и крестьянства. В науке о государстве и праве имели место идеи о «специфичности» чехословацкого юридического развития. Антисоветизм проявился и здесь как типическая черта современного ревизионизма.

От ревизионистских влияний пострадала и область социалистической законности. В тот период было приложено немало усилий, чтобы дискредитировать понятие социалистической законности вообще. Эти взгляды, естественно, наложили отпечаток и на борьбу с антиобщест-

венными явлениями. Преодоление этих отрицательных последствий в процессе консолидации потребовало немало времени и сил.

Наш исторический опыт кризисных лет убедительно доказывает, что любое примиренчество с буржуазной идеологией, любое отступление от марксизма-ленинизма неизбежно ведут к измене идеям социализма и коммунизма. Этот горький опыт заставляет уделять повышенное внимание не только идеологической работе, как таковой, но и идеологической основе отдельных наук, в том числе и криминалистики, ее способности эффективно влиять на практику борьбы с преступностью.

Издание настоящей книги на русском языке в стране, где криминалистика достигла высочайшего уровня, автор считает не только за честь, оказанную ему лично. Это прежде всего положительная оценка работы большого коллектива чехословацких криминалистов, признание ее верной службы коммунистической партии. Этот факт выражает процесс социалистической интеграции в области науки. Именно сейчас в гораздо большем масштабе, нежели когда-либо, мы осознаем бескорыстную помощь, которую оказывала и оказывает советская криминалистика в развитии чехословацкой науки.

Эта помощь была весьма ощутимой при организации криминалистических научных и учебных заведений. Создание в 1966 году кафедры криминалистики, а затем и Института криминалистики при юридическом факультете Карлова университета в Праге обеспечило новое криминалистическое направление в юридическом образовании. Мы тем самым приобрели необходимую научно-организационную базу дальнейшего развития этой науки.

Советская криминалистика имеет значительные заслуги и в области воспитания и повышения квалификации научно-педагогических кадров, и в подготовке учебных пособий для высших учебных заведений Чехословакии. Абсолютное большинство наших научных работников и преподавателей криминалистики защитили или защищают в ближайшее время диссертации в советских научных центрах. Кандидатские диссертации, которые недавно защитили чехословацкие криминалисты в СССР, как, например, «Методика расследования краж», «Осмотр места происшествия», «Следственный эксперимент», «Повинная и самооговор», «Криминалистический учет» и другие, ока-

зывают позитивное влияние на развитие криминалистической теории и практики в ЧССР.

В Чехословакии издан ряд учебных пособий, в подготовке которых принимали участие советские авторы («Краткий очерк введения в общую теорию криминалистики», «Судебная психология для следователей» и др.). В последнее время вышло несколько переводов советских учебников по криминалистике. Ряд учебных пособий и статей в области криминалистики и смежных дисциплин был написан чехословацкими авторами под значительным влиянием трудов советских ученых.

Эта помощь и сотрудничество, которые неоднократно высоко оценивались нашими высшими партийными и государственными органами, являются конкретным выражением пролетарского интернационализма в одной из важных сфер общественной практики — в области борьбы с преступностью.

В заключение, выражая благодарность всем, кто принял участие в издании этой работы на русском языке, хочу высказать искреннее желание, чтобы русский перевод «Следственных версий» не только внес вклад в более глубокое ознакомление с чехословацкой криминалистикой, но и способствовал дальнейшему укреплению дружбы и сотрудничества между чехословацкими и советскими юристами.

Прага, март 1974 года — *Ян ПЕЩАК*

1. Предмет исследования

Выяснение объективной истины в предварительном расследовании, обеспечение, чтобы все установленные обстоятельства преступления соответствовали объективной действительности, существовавшей в момент совершения преступления,— это сложный процесс, диалектический, противоречивый путь от незнания к знанию, от знания мелких, частных факторов расследуемого преступления к познанию всех его сторон, к установлению лица, его совершившего. Это «кривая линия, бесконечно приближающаяся к ряду кругов, к спирали» [1].

Для последующего анализа необходимо обратить внимание прежде всего на два вывода, вытекающие из этого ленинского положения: во-первых, наше сознание способно познавать объективную истину и, во-вторых, при ее установлении, познании и доказывании возникают определенные трудности, препятствия. Однако это трудности практического характера, которые с помощью определенных методов могут быть успешно преодолены.

И поэтому агностический пессимизм, под какими бы громкими и псевдонаучными названиями ни преподносили нам его буржуазные теоретики, не должен иметь места в работе наших криминалистов, теоретиков и практиков, в том числе и наших следователей. Это относится и к так называемому героическому пессимизму, за который ратуют в последнее время разные модные теоретики в стремлении выдать обреченность своего класса за кризис человечества и цивилизации.

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 322.

К таким «теоретикам» в полной мере относятся критические слова известного советского процессуалиста М. С. Строговича о том, что «истину не находят не потому, что ее нельзя найти, даже не потому, что ее трудно найти, а потому, что ее не желают найти и заведомо ищут не там, где она находится» [1].

На совершенно противоположных позициях стоят криминалисты в странах социализма. Это позиции марксистского оптимизма. Материалистическое мировоззрение позволяет им последовательно придерживаться и исходить из реальной действительности, всесторонне изучать и оценивать каждый факт, видеть сложность развития общественной жизнп и при временных неудачах не впадать в отчаяние или пессимизм. В этом состоит основа стиля работы и жизни каждого настоящего марксиста. Для криминалистов-марксистов к этому добавляется еще и то обстоятельство, что познание и доказывание объективной истины — это не только возможность, но и правовая обязанность, закрепленная законами.

Знание закономерностей сложного процесса познания объективной истины в предварительном следствии и их последовательное использование в практической деятельности являются основной предпосылкой успешного раскрытия преступлений, установления и изобличения преступников.

Криминалистическая наука открыла целый ряд закономерностей процесса познания объективной истины в предварительном следствии; одновременно она выработала для нужд следственной практики эффективные научно-технические средства, тактические способы и методы познания расследуемого преступления. Одним из таких методов является мышление следователя в форме следственных версий, разработка и проверка следственных версий. Это определенный процесс познания и доказывания объективной истины в предварительном следствии, состоящий из следующих элементов:

а) последовательное установление существования (или несуществования) отдельных следов расследуемого события;

---

[1] М. С. Строгович, Учение о материальной истине в уголовном процессе, М., 1947, стр. 19—20.

б) составление, уточнение или дополнение на этой основе определенных выводов, предположений, которые бы реально объясняли определенные связи и обстоятельства;

в) последующая проверка этих выводов или предположений.

В этом смысле следственную версию можно определить как самостоятельное, специфическое криминалистическое средство (криминалистический метод расследования), которым пользуется следователь для познания и доказывания объективной истины в предварительном следствии. Это средство, или метод, заключается в построении и проверке следователем (при строгом соблюдении требования уголовно-процессуального закона) всех основанных на собранных материалах предположений о формах связи и причинах отдельных явлений расследуемого события (или его в целом) как реально возможных объяснений установленных к настоящему времени фактов, а также обстоятельств, связанных с данным событием, которые могут понадобиться для проверки старых и поиска новых фактов. Тем самым вырабатывается направление расследования на определенном его этапе.

Представляется целесообразным здесь же указать на два существенных обстоятельства, которые обусловливают весь дальнейший ход наших исследований предмета и, следовательно, систему изложения материалов данной книги.

Во-первых, приведенное выше определение следственной версии является результатом подробного изучения нами отдельных сторон процесса мышления в форме следственных версий. Материалы этого изучения излагаются с соблюдением определенной последовательности; что же касается самого определения следственной версии, то мы даем его в начале, руководствуясь только соображениями целесообразности, так как мы хотим сразу же познакомить читателя с нашей точкой зрения на предмет исследования, не отсылая его в глубь данной работы. К такой системе изложения материалов нас побуждает и то обстоятельство, что эта проблематика в социалистической криминалистической литературе до настоящего времени остается еще недостаточно разработанной. Все еще отсутствует единство в толковании сущности, значения и задач следственной версии. Так, например, в прежней социа-

листической криминалистической литературе о проблеме следственной версии вообще говорилось мало. К тому же раньше следственную версию неправильно отождествляли с гипотезой. В то время следственная версия не выступала еще как специфическое криминалистическое понятие. Разработка следственной версии как понятия началась лишь в связи с решением вопросов планирования расследования, в чем заслуга прежде всего советского криминалиста С. А. Голунского, который уже в 30-е годы посвятил этим вопросам несколько своих выдающихся работ. Взгляд на следственную версию как на гипотезу можно встретить в литературе и более позднего периода, и в частности в работах А. Р. Шляхова и М. А. Чельцова (в его учебниках уголовного процесса 1948 и 1950 годов издания).

В социалистической криминалистической литературе нет единства и в толковании содержания следственной версии. Одна группа криминалистов исходит из концепции, что содержание следственной версии может составлять только преступление как целое, иначе говоря, объективная сторона преступления в целом — объект преступления, способ совершения преступления и лицо, его совершившее. Другие криминалисты смотрят на следственную версию как на предположение о причинах возникновения определенных фактов. Третьи в свою очередь отстаивают взгляд, что следственная версия есть один из способов решения вопроса о дальнейшем направлении расследования дела.

По-разному решается и вопрос о роли и значении следственной версии в криминалистической тактике: одни криминалисты смотрят на следственную версию как на составную часть планирования расследования, причем в самом плане расследования ей отводится фактически подчиненная роль, поскольку она сводится к собственно логическим выводам. Противоположную позицию занимает другая группа криминалистов, рассматривающих разработку и проверку версий как самостоятельную, значительную сторону следственной деятельности. Согласно взгляду этой группы криминалистов, разработка и проверка следственных версий практически предшествует планированию расследования; таким образом, планирование расследования они сводят, по существу, к плану проверки следственных версий. Следующая группа криминалистов

вообще обходит вопрос о следственных версиях. В своих трудах проблему версий представители этой группы подменяют общими рассуждениями об обстоятельствах, подлежащих выяснению в ходе расследования.

Расхождение взглядов можно встретить и в других вопросах, например при решении вопроса о месте и значении следственной интуиции в процессе разработки следственных версий и их проверки. Подобные суждения криминалистов по вышеуказанным и другим вопросам обусловливают соответствующий их взгляд и на понятие «следственная версия».

Место следственных версий в процессе познания объективной истины в предварительном следствии, их роль в этом процессе познания, специфические особенности этой формы мышления — это и есть те основные вопросы, которые рассматриваются в первой части нашей работы. При этом мы руководствуемся следующим методом. Вопросы следственных версий, как это будет видно ниже, изучаются прежде всего с точки зрения известного тезиса марксистской философии о сложности и многогранности процесса мышления. В выяснении познавательной, логической и психической сторон мышления в форме следственной версии, а также характера цели познания мы находим ответ на многие вопросы, которые обусловливают также правильность объяснения и нашей проблематики. Таким образом, мы приходим к выводу, что мышление в форме следственной версии — это единый процесс, включающий как построение (создание) следственных версий, так и их проверку. Анализу этого вопроса посвящается значительная часть данной работы. Но не меньше внимания уделяется и таким вопросам, как значение и роль следственной интуиции в процессе познания объективной истины в предварительном следствии, значение и роль следственной интуиции в построении и проверке следственных версий. Выяснение всех этих вопросов позволит нам правильно определить соотношение следственной версии и гипотезы, чтобы на этой основе в дальнейшем приступить к определению существенных и необходимых признаков следственной версии и тем самым к определению собственно понятия «следственная версия» и мышления в форме следственных версий как специфического криминалистического научно-тактического способа расследования.

2. Состояние разработки вопроса о сущности следственных версий

Правильное, целенаправленное использование мышления в форме следственных версий приводит к быстрому, полному и объективному расследованию уголовного дела. Это испытало абсолютное большинство наших следователей на собственном опыте. Часть из них сделала отсюда необходимые выводы в своей практической деятельности, но только в тех случаях, когда это касается наиболее сложных уголовных дел — убийств, крупных грабежей и т. п. Сейчас, пожалуй, уже не встретишь мнения о том, что успешное расследование подобного дела якобы возможно без последовательного применения научно-тактических и технических методов и средств, выработанных криминалистической наукой, в том числе и без применения следственных версий. Об этом свидетельствует и повышение активности при обобщении положительного опыта в форме анализа конкретных случаев на страницах «Криминалистического сборника», который в данном направлении сыграл поистине значительную позитивную роль. Положение на этом участке может быть признано удовлетворительным.

В настоящее время наиболее серьезные преступления, как правило, полностью раскрываются. Так, например, в ЧССР раскрываемость убийств достигает 96—97 процентов.

Как показывает изучение следственной практики, менее благополучно положение с раскрытием так называемых заурядных преступлений. Здесь можно еще встретить отсутствие единства взглядов на необходимость примене-

ния достижений криминалистической науки вообще и следственных версий в частности для успешного расследования упомянутых преступлений. Но вместе с тем нельзя не замечать и того факта, что и на данном участке достигнуты определенные успехи. Очевидным доказательством этого является последовательное снижение процента нераскрытых преступлений.

В качестве примера можно привести сообщение следователя бывшего окружного отделения общественной безопасности в Босковицах о расследовании кражи продуктов. В деревне В. неизвестный преступник с помощью отмычки проник в кладовую Л. П. и похитил множество продуктов — сала, копченого мяса и домашних колбас. В саду за домом, находившимся на краю деревни, был обнаружен след резиновой обуви, который, очевидно, оставил преступник. Из оценки результатов осмотра места происшествия и исходя из местных обстоятельств, а также оперативных данных, возникли, по существу, две следственные версии: по первой версии кражу совершило случайное лицо (бродяга, лицо без постоянного местожительства, дезертир и т. п.); по второй — кражу совершил некто Д. из бывшего поместья в соседней деревне К.

Первая версия вытекала из следующих данных: раньше в этой местности подобные кражи не отмечались; продукты в кладовой можно было увидеть через окно, выходящее в сторону прилегающей улицы.

Основанием для второй версии послужили прежде всего такие факты: в свое время гражданин Д. работал на строительстве данной кладовой; проходя по дороге рядом с кладовой, он мог заметить продукты через окно; к тому же в последнее время этого гражданина дважды видели в деревне, где была совершена кража; кроме того, имелись свидетельские показания, согласно которым в тот вечер видели незнакомого человека, направлявшегося в сторону деревни К. с тележкой, прикрытой пальто; и, наконец, ночной сторож в деревне К. подтвердил, что он тоже видел какого-то гражданина, который поздно вечером прошел мимо милицейского участка в деревне К. и потом свернул во двор бывшего поместья, где в последние годы жил гражданин Д.

Благодаря этим версиям и тщательной их проверке был обнаружен и изобличен преступник. Им оказался гражданин Д., у которого при обыске дома нашли не

только похищенные им продукты и резиновый сапог, след от которого остался в саду, но и ряд других вещей, похищенных им по месту своей работы.

Однако и те немногие следователи, которые все еще недооценивают значение криминалистической теории для своей практической деятельности и начинают расследование дел, как говорится, «с существа», полагаясь на свой «навык», все-таки вынуждены пользоваться, хотят они того или нет, вышеуказанной формой мышления. В ходе расследования и они проверяют разные мысли, догадки, предположения, которые их «осеняют», и они находят новые факты, по-своему их объясняя и оценивая. Но все это они делают неточно, нецелеустремленно. Таковы же и результаты их труда: они слабы и не соответствуют затраченным усилиям и времени.

Часть недостатков, которые еще имеют место при установлении объективной истины в предварительном следствии, как показывает изучение конкретных следственных дел, состоит также в том, что не все наши следователи знают, как правильно проводить логический анализ и оценку отдельных фактов и обстоятельств событий и на этой основе правильно строить следственные версии, производить их проверку. Во всем этом и надо видеть одну из главных причин еще относительно высокого процента нераскрытых или не полностью раскрытых «мелких» преступлений и несвоевременного раскрытия некоторых важных уголовных дел. Это обстоятельство, естественно, отрицательно сказывается и на борьбе с преступностью.

Поэтому каждому работнику-криминалисту крайне необходимо помнить и постоянно руководствоваться в своей повседневной практической деятельности указанием В. И. Ленина о том, что «важно не то, чтобы за преступление было назначено тяжкое наказание, а то, чтобы *ни один* случай преступления не проходил нераскрытым» [1].

И очевидно, было бы неправильно видеть причину такого положения с расследованием дел только в неиспользовании следственных версий. Надо признать справедливым критическое замечание наших практиков о том, что сама криминалистическая наука не оказывает в этом направлении достаточной помощи практике. Действительность такова, что вопросы криминалистической тактики

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 412.

вообще и следственной версии в частности не получили в криминалистической литературе разработки на уровне, который отвечал бы современным потребностям практики. В нашей криминалистической литературе нет еще монографического труда, где бы эти важные вопросы были специально разработаны, хотя необходимость в такой разработке отмечалась уже не раз. «Настало время,— отмечалось еще в материалах к 15-й годовщине освобождения нашей страны Советской Армией,— чтобы наши специалисты-криминалисты перешли от анализа отдельных случаев к их научному обобщению. Практика социалистического строительства предоставляет в наше распоряжение фактический материал, позволяющий более конкретно и глубоко рассматривать многие вопросы, которые раньше наука могла объяснить лишь в общей форме. До сих пор у нас проводится еще мало научных исследований, которые бы могли быть использованы руководством министерства внутренних дел и партийными органами» [1].

Это не значит, что вопрос о следственных версиях совершенно неизвестен нашей криминалистической литературе. Можно найти, например, на страницах «Криминалистического сборника» небольшие, но ценные работы, написанные нашими практиками. Их вклад в развитие криминалистической науки состоит прежде всего в освещении многих существенных практических вопросов методики разработки и проверки следственных версий. Однако это статьи, в которых проблема следственных версий разрабатывается лишь побочно, главным образом в связи с другими существенными вопросами расследования и только применительно к той или иной категории преступлений. При этом авторы статей не высказывают своей точки зрения о сущности, месте и роли следственных версий в процессе познания объективной истины в предварительном следствии; они даже не ставят эти вопросы, хотя, как можно заключить при изучении статей, все они признают важность и большую значимость следственных версий как познавательного средства.

Несколько лучше выглядит ситуация в советской криминалистической литературе [2]. Но и здесь проблемы след-

---

[1] Kriminalistický sborník, čis. 5, roč 1960, str. 196.

[2] Этот вывод сделан лишь по тем работам советских криминалистов, которые имеются в нашем распоряжении. За этими пределами вывод был бы неоправдан.

ственных версий до недавнего времени разрабатывались лишь в связи с постановкой других существенных вопросов расследования преступлений, как правило в связи с вопросами планирования расследования и методики расследования отдельных видов преступлений [1].

Исключения составляют кандидатская диссертация О. В. Никренц «Судебная версия как разновидность гипотезы», в которой автор рассмотрел многие вопросы, относящиеся к сущности следственной версии как логической структуры и ее значению для раскрытия преступления, и две работы А. А. Старченко «Логика в судебном исследовании» (М., 1958) и «Гипотеза» (М., 1962). Из статей, посвященных проблематике следственных версий, наиболее ценной в теоретическом плане представляется статья А. Н. Васильева «Следственные версии» [2]. Есть, правда, и некоторые другие статьи, но в них рассматриваются лишь частные вопросы общей проблематики следственных версий [3].

---

[1] См.: А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин и Н. А. Якубович, Планирование расследования преступлений, М., 1957; Статья А. А. Пионтковского «К вопросу о теоретических основах советской криминалистики» в сборнике «Советская криминалистика на службе следствия», 1955, № 6, стр. 3—45; А. Н. Васильев, Планирование следствия, «Социалистическая законность», 1956, № 4, стр. 47—57. Некоторые вопросы о сущности следственных версий рассмотрены в работе М. С. Строговича «Материальная истина и судебное доказательство в советском уголовном процессе», М., 1955, прежде всего в гл. III «О вероятности и достоверности», стр. 83—106.

Ответ на отдельные вопросы можно найти и в некоторых советских учебниках: М. С. Строгович, Уголовный процесс, М., 1946, стр. 114—145 и его же, Курс советского уголовного процесса, М., 1958; учебник под ред. Тарасова-Родионова «Криминалистика», ч. II, стр. 19—28, и др. Много ценных материалов по вопросам методики разработки и проверки следственных версий содержится в коллективном труде А. И. Винберга, Г. М. Миньковского, Р. Д. Рахунова «Косвенные доказательства в советском уголовном процессе», глава первая — «Следственные версии», М., 1958, стр. 86—101. Можно указать также на методическое пособие Всесоюзного института Прокуратуры СССР «Расследование убийств», М., 1954, стр. 130—167 и др.

[2] См.: «Советское государство и право», 1960, № 8, стр. 54—63.

[3] См.: В. И. Теребилов, К вопросу о следственных версиях и планировании расследования, «Советская криминалистика на службе следствия», 1955, № 5, стр. 104—112; А. Н. Колесниченко, Роль следственных версий и построение их при расследовании преступлений. — «Ученые записки Харьковского юридического института», вып. 9-й, 1957, стр. 163—171.

Следует, однако, признать, что советские криминалистические источники, публикации не находят еще должного распространения в Чехословакии. Этому препятствует прежде всего то обстоятельство, что часть работ советских криминалистов не поступает в нашу страну, а все те публикации, которые в ЧССР завозятся представителями различных ведомств и организаций, находятся, как правило, в ведомственном или личном пользовании и тоже малодоступны. Положение усугубляется тем, что до сих пор у нас нет хорошо отлаженной службы по сбору и обработке документации в области криминалистики.

Работы советских криминалистов содержат весьма ценные сведения, которые помогают чехословацким специалистам определять направление дальнейших теоретических исследований в области криминалистики. В каждой такой работе красной нитью проходит стремление советских авторов решать вопросы следственной версии с применением новейших данных марксистско-ленинской теории. Можно сказать, что это является общим для всех советских криминалистов. Благодаря такому правильному методическому подходу в этих работах поднимаются и решаются многие из тех существенных теоретических вопросов, которые составляют предмет нашего исследования. Поэтому в этой области есть чему поучиться у советских ученых. Учиться у советских специалистов — в этом состоит одно из основных условий успешного развития криминалистической теории в Чехословакии.

В то же время при изучении работ советских криминалистов обнаруживаются расхождения во взглядах некоторых специалистов при освещении вопросов, связанных с сущностью, местом и ролью следственных версий в процессе познания объективной истины в предварительном следствии. Так, например, отсутствует единое мнение об обоснованности самого существования следственной версии: одни криминалисты (А. Н. Васильев, А. Н. Колесниченко и др.) смотрят на следственные версии как на часть планирования расследования, причем в самом плане расследования отводят им, по существу, подчиненную роль. Такой взгляд долгое время преобладал среди определенной части советских криминалистов. Иную точку зрения занимает другая группа советских криминалистов, представляемая В. И. Теребиловым и недавно скончавшимся А. А. Пионтковским. Они смотрят на раз-

работку и проверку следственных версий как на самостоятельный значительный этап следственной деятельности.

Этот взгляд в последнее время становится все более и более распространенным. Согласно взгляду данной группы советских криминалистов, разработка и проверка следственных версий фактически предшествует планированию расследования; планирование расследования они сводят в принципе к плану проверки следственных версий. Некоторые советские криминалисты вообще обходят вопрос о следственных версиях; в своих работах они подменяют этот вопрос, как правило, общими рассуждениями об обстоятельствах, которые подлежат выяснению в ходе расследования.

Расхождения во взглядах можно встретить и в некоторых других вопросах, например при определении понятия «следственная версия», при решении вопроса о месте и роли интуиции в процессе разработки следственных версий и их проверки, о чем более подробно будет сказано ниже.

3. Мышление в форме следственных версий — единство познавательного, психического и логического процессов

Теоретическое положение о единстве многогранного процесса мышления распространяется и на мышление, которое происходит в форме следственных версий. Продемонстрируем это прежде всего на кратком анализе мышления следователя при разработке и проверке следственных версий в конкретном уголовном деле.

23 июня 1957 года органам народной безопасности стало известно, что в старом русле небольшого ручья К. обнаружен труп девушки. По прибытии на место происшествия выяснилось следующее: свидетель Мартин Б., первым обнаруживший труп, заявил, что незадолго до этого он видел недалеко от места происшествия незнакомого солдата, который, отойдя от ручья, очистил руки и колени брюк и направился медленным шагом к деревне Д. Другая свидетельница, Божена М., которую Мартин Б. пригласил к месту нахождения трупа, опознала в убитой Илону Х. Одновременно она показала, что Илону Х. видела 19 июня 1957 года в сопровождении незнакомого солдата (которого, однако, при повторной встрече определенно бы узнала) идущими по шоссе из деревни П. в направлении деревни К. Солдат при этом вел старый велосипед. Согласно объяснениям родителей погибшей, а также ее сослуживцев, Илона Х. бесследно исчезла после 16 часов 19 июня 1957 года, когда ушла с завода, но домой больше не вернулась.

При осмотре места происшествия выявились следующие обстоятельства: ручей, в котором оказался труп Ило-

ны Х., течет от деревни К. по направлению к деревне П. По обоим берегам ручья растут деревья. В месте обнаружения трупа ручей почти пересох, и вода течет лишь на дне между камнями. Место обнаружения трупа находится на разграничении кадастра трех деревень: П., К. и Д. До ближайшего жилого дома насчитывается около 150 м. По обе стороны ручья — нескошенная трава. В месте обнаружения трупа глубина русла составляет два метра. Более удобный подход имеется с правого берега, где рядом с трупом стоит дерево и возле него еще два небольших деревца. На расстоянии около 1,2 м от первого дерева находится округлой формы углубление в глине диаметром примерно 20 см., похожее на след головы человека. На дне углубления ничего существенного обнаружено не было. На правом берегу, под деревом замечена дорожка следов на траве. По этим следам была пущена служебная собака, которая прошла примерно 100 м в сторону деревни Д., после чего следы окончательно потеряла.

Труп Илоны Х. лежал на дне русла перпендикулярно течению ручья, животом вниз, головой к правому берегу, правая щека лежала на правой руке, подогнутой к подбородку. Ноги были сомкнуты, ступни упирались в берег ручья. У ног трупа лежала хозяйственная сумка. В хозяйственной сумке был мужской костюм, пропуск на завод, сберегательная книжка на имя Илоны Х. с вкладом на 60 крон и мелкие дамские принадлежности. Одежда на трупе была в нормальном состоянии, и ничто не указывало на признаки насилия. При осмотре трупа выяснилось, что правая сторона лица была покрыта мелкими, отчасти кровянистыми ссадинами. Но на голове не оказалось видимых ранений, кроме кровоподтека на правом верхнем веке; нос также не был ранен, хотя были следы, указывающие, что из него текла кровь. На шее оказался небольшой кровоподтек в форме подковы; на месте кровоподтека было множество ссадин округлой формы.

При дополнительном, более тщательном осмотре трупа выявились следующие важные обстоятельства: прежде всего множество отложенных мухами яичек было замечено в волосах головы с левой стороны — на ссадинах. На лбу, над левым глазом, была ссадина размером 25×15 мм с кровянистым основанием. На затылке — группа мелких, более глубоких ссадин размерами 4×5 мм. В области пра-

вого глаза, правой стороны носа и правой половины рта кожа стала коричнево-серой окраски, разбухшая и покрытая множеством живых личинок насекомых. В середине нижней губы виднелась глубокая кровянистая ранка. На левом глазном яблоке, с левой стороны, было сильное кровоизлияние. Спереди на шее были видны отдельные поверхностные изменения, которые было трудно как-то классифицировать; сзади, три сантиметра ниже границы волосяного покрова, были фиолетовые пятна величиной около 3×2 см, слабо заметные и с легкой поверхностной экскориацией. Над левой лопаткой, между позвоночником и левой ямкой ключицы, виднелось овальное пятно величиной 13×15 см с большим числом мелких и больших ссадин с кровянистым дном. Во влагалище имелось множество мелких сероватых сгустков, по виду похожих на сперму.

При вскрытии трупа было установлено, что под кожей на левой стороне лба, где находилась ссадина размером 1×1 см, было неглубокое кровоизлияние (около 1 см). Ниже, над краем глазницы,— мелкие точечные кровоподтеки. В венозных сосудах кровь была жидкой. На мозговых извилинах виднелась отечность, сама мозговая ткань была разбухшей, на разрезе — липкой, без заметных гематом или иных изменений. Правое и левое легкие — обычного размера; на подлегочной ткани с обеих сторон — множество мелких кровоизлияний, на разрезе ткань светло-красной окраски. В легочной ткани — отдельные мелкие гематомы. Слизистая была желто-розовой окраски. Левый желудочек сердца — несколько расширен, с закругленной верхушкой и с немного увеличенным сердечным клапаном. В желудочке содержалось много жидкой и частично свернутой крови. В правом желудочке и предсердии, которые соответствовали нормальной величине, содержалась жидкая кровь. Мочевой пузырь был пустым.

На основании данных вскрытия судебный эксперт пришел к выводу, что смерть наступила около четырех дней назад и причиной смерти была асфиксия (удушение). Согласно данным вскрытия, смерть была насильственной. Окончательное заключение эксперт обещал представить после гистологического и микроскопического исследования. Между асфиксией и ранением головы, которое произошло, вероятно, при падении в ручей, следовал, по данным вскрытия, весьма короткий промежуток времени.

Из опросов родителей Илоны Х. выяснились следующие сведения: их дочь в последнее время поддерживала тесное знакомство с солдатом Яном О. из гарнизона М. 20 июня 1957 года они навестили этого солдата с целью выяснить, где находится их дочь. Они предполагали, что дочь должна находиться где-то рядом с ним. Поведение Яна О. показалось им подозрительным, поскольку, с одной стороны, на вопросы он отвечал уклончиво, говорил, что не знает, где Илона, и что последний раз встречался с ней 16 июня 1957 года, с другой стороны, по поводу исчезновения их дочери он не выражал почти никакого сожаления, никак не был этим удивлен, и, больше того, он заявил, что немедленно отправится к своим родителям и ввиду этого сможет навестить родителей Илоны Х. только 23 июня. Однако в тот день он не пришел к ним.

Одновременно родители Илоны заявили, что исчезли серьги и кошелек, принадлежавшие их дочери. Опросом девушек, с которыми Илона Х. в последнее время дружила, выяснилось, что она нередко бывала в обществе других мужчин, хотя и поддерживала тесное знакомство с Яном О.

Когда этот материал был собран, следователь приступил к его всестороннему логическому анализу и оценке. Эта сложная аналитико-синтетическая деятельность привела к разработке нескольких следственных версий. Твердо придерживаясь всех собранных материалов, следователь построил три следственные версии. Первая: Илону Х. убил Ян О., когда узнал о ее неверности; вторая: убийство совершил кто-либо из ее случайных знакомых; третья: смерть наступила по каким-либо другим причинам. При этом неизвестный солдат, который 23 июня проходил вблизи места обнаружения трупа, рассматривался как личность, которая имеет отношение к убийству. В первых двух версиях следователь исходил из того, что Илона Х. была убита. Этот вывод подтверждали прежде всего два обстоятельства: следы на трупе, которые свидетельствовали о насильственной смерти и удушении, а также то обстоятельство, что Илона Х. была здоровой, сильной, веселой девушкой. Уходя последний раз с работы, она не жаловалась ни на какие трудности, печаль и т. п.

Собранные к этому времени материалы еще не позволяли сделать однозначный вывод. Поэтому необходимо

было допустить и нечто противоположное, выраженное в третьей версии.

После построения этих следственных версий следователь рассуждал далее следующим образом. Если убийство совершил Ян О., то должны существовать такие обстоятельства: солдат Ян О. не сможет подтвердить свое алиби, относящееся к критическому времени, в противном случае выяснится, что он пытается создать себе алиби с помощью лжесвидетельства других лиц; Илона Х., вероятно, защищалась, и потому на теле или одежде Яна О. должны остаться следы борьбы. У Илоны Х. были похищены серьги и кошелек. Эти предметы должны находиться у преступника, или где-то рядом с ним, или на дороге от места обнаружения трупа к гарнизону. Свидетель Божена В. заявила, что видела с близкого расстояния солдата, который провожал Илону Х. вечером 19 июня 1957 года, а потому она должна была бы его опознать. Солдата Яна О. должен опознать и Мартин Б., который (допуская предположение, что это одно и то же лицо) вместе с другими свидетелями, прежде всего со свидетельницей Н., видел солдата, проходящего вблизи места обнаружения трупа 23 июня 1957 года.

Но поскольку имеется и вторая версия, то должен быть еще кто-то, с кем бы Илона Х. познакомилась хотя бы за день до 19 июня. С завода она ушла в 16 часов на свидание с солдатом. Она намеревалась вернуться домой поездом в 18 часов и потом сходить в кино. Меньше чем через полчаса после ухода с завода Божена В. видела Илону Х. идущей по шоссе в сторону деревни К. в обществе солдата. Возможно, это лицо известно кому-нибудь из знавших Илону Х., поскольку она посвящала приятельниц во все тайны своих знакомств. На основе этого следователь выработал план проверки следственных версий, которые должны были либо подтвердить, либо отвергнуть правильность трех разработанных следственных версий. Все внимание было сосредоточено на установлении связей Илоны Х., проверке алиби Яна О., выявлении солдат из гарнизона М., которые 19 июня ходили в деревню П., установлении солдата, который 23 июня проходил недалеко от места нахождения трупа, и на розыске велосипеда.

Из показаний Яна О. было видно, что он познакомился с Илоной Х. в апреле 1957 г. С этого времени он ре-

гулярно, каждую субботу и воскресенье, бывал в доме ее родителей. Последний раз он встречался с Илоной в субботу 15-го и в воскресенье 16 июня. В воскресенье в 22 часа 30 минут он проводил Илону на поезд. 20 июня к нему в казарму пришли ее родители. Разговор с ними Ян О. описал точно в соответствии с их показаниями. 21 июня в 19 часов отправился к своим родителям. В часть возвратился 24 июня в 5 часов 15 минут. Илону Х. любил, между ними были регулярные половые сношения, хотел на ней жениться. Никто из свидетелей не опознал в нем солдата, который в критическое время держал путь в деревню К. или который находился недалеко от места обнаружения трупа. Соответствие реальной действительности показаний Яна О. и его алиби были достоверно подтверждены, ввиду чего версия о его виновности отпала.

Розыск солдата, который проходил 23 июня около места обнаружения трупа, долго оставался безрезультатным. В гарнизоне М. свидетелям были представлены все солдаты, но никто из них не был опознан. Только на общественный призыв добровольно отозвался военнослужащий Ярослав Д., который сообщил, что 23 июня шел по полевой дороге на свидание со своей девушкой. И поскольку у него было достаточно времени, по пути он отдыхал, где его и видели свидетели. Правдивость его показаний, как и его алиби, были также достоверно доказаны. Поэтому считать Ярослава Д. лицом, причастным к смерти Илоны Х., не приходилось.

Более успешным оказался розыск велосипеда. Нашелся свидетель Андрей Ф., который 19 июня около 13 часов одолжил на время свой велосипед знакомому солдату Петру Д. В свою очередь Петр Д. при допросе сообщил, что 19 июня 1957 года в 17 часов он встречался с девушкой, имени которой он не знает, но с которой познакомился поздно вечером 16 июня, когда возвращался из деревни К. в свою воинскую часть вместе с другими солдатами. Тогда он договорился с девушкой о свидании в деревне П. 19 июня в 17 часов. Но на свидание он пришел несколько раньше назначенного времени — в 16 часов 45 минут. Девушка (позже оказалось, что речь шла об Илоне Х.) появилась около 17 часов 5 минут. Сначала Илона Х. предполагала ехать домой поездом в 18 часов, но он уговорил ее идти домой пешком проселочной дорогой. По

пути в уединенном месте они остановились, сели на траву и начали обниматься и целоваться. По ее поведению он заключил, что она девица «легкого поведения». Однако до полового сношения у них дело не дошло. Около 19 часов вокруг все вдруг потемнело — надвигалась сильная гроза. Поэтому Илона Х. предложила прекратить свидание и разойтись по домам каждый своей дорогой. На прощание расцеловались, и Илона Х. пошла по направлению к деревне К., а сам он, подкачав шины велосипеда, отправился прежней дорогой в деревню П. По дороге его застигла гроза. Он свернул на шоссе и укрылся от дождя под навесом ворот одиноко стоявшего дома. В свою часть он вернулся около 20 часов.

И следователь выдвинул новую следственную версию, согласно которой преступником был именно Петр Д. Однако при проверке этой следственной версии не оказалось ничего такого, что противоречило бы показаниям Петра Д. На велосипеде не было следов грязи, которые бы свидетельствовали, что Петр Д. ехал по грязной проселочной дороге, размытой дождем. Оставались, однако, непроверенными и неподтвержденными его показания в той части, где говорилось о расставании с Илоной Х. Но зато были показания свидетельницы Ш., которая в это время пасла коров и которой хорошо был виден весь участок поля, где Петр Д. должен был находиться вместе с Илоной Х., и место, где был обнаружен ее труп. Свидетельница Ш. показала, что до начала дождя никто по проселочной дороге в сторону деревни К. не проходил.

В ходе дальнейшего расследования выяснились еще некоторые факты, которые свидетельствовали, что убийство Илоны Х. мог совершить ее бывший возлюбленный П. Но и эта версия была исключена подтвержденным алиби. Выяснилось также, что Илона Х. не имела при себе в критическое время ни кошелька, ни серег, поэтому вероятность версии об убийстве с целью ограбления снизилась до минимума.

После этих «неудач» и недолгих размышлений над тем, что же, собственно, произошло, следователю вдруг пришла в голову мысль: Илона Х. могла быть убита ударом молнии. В то мгновение следователь еще не знал, как объяснить эту внезапную мысль, да он и не задумывался над этим. Но если вникнуть в процесс мышления, то оказывается, что эта «внезапная мысль» ни в коей мере не

была каким-то «прорицанием». Она явилась следствием тщательного изучения материалов дела и опыта самого следователя. Из анализа следственных материалов вытекает, что, в сущности, все свидетели, которые в критическое время находились возле места, где был обнаружен труп Илоны Х., сообщили, что в то время разразилась гроза, сверкали молнии, гремел гром, лил дождь.

В криминалистической литературе следователь читал о случаях смерти от удара молнии. Это и явилось основой мысли следователя о том, что Илона Х. была убита ударом молнии. Правда, из протокола осмотра места происшествия (проведенного другим следователем), а также из акта вскрытия трупа и предварительного заключения эксперта эта версия никак не вытекала. Поэтому данная версия и не была своевременно разработана.

Следователь решил произвести новый осмотр места происшествия. Выяснилось, что недалеко от места, где находился труп, на площади размером приблизительно в 10 $м^2$, валялось много веток, оторванных от рядом стоявшего дерева. Характерным прежде всего было то обстоятельство, что сломанные ветки находились в труднодоступных местах. Решено было проконсультироваться по этому вопросу с компетентным экспертом. Последний прибыл на место происшествия и по ознакомлении с материалами высказал мнение о том, что ямка под деревом вблизи трупа Илоны Х. образовалась не от удара молнии; на месте не было установлено следов удара молнии, поскольку молния вообще не оставляет следов в электропроводной среде (имеются в виду следы динамических сил или высоких температур). Однако, по заключению эксперта, смерть Илоны Х. от удара молнии не исключалась; смерть могла наступить и при непрямом ударе молнии. В момент удара молнии Илона Х. стояла на дне русла полувысохшего ручья К., а молния могла поразить все живое на расстоянии 20—30 м по обе стороны от средней линии ручья. Илона Х. в момент удара молнии стояла на земле, обладающей высокой электропроводностью. В этом случае электроразряд имеет всегда большую интенсивность и может смертельно поражать даже при непрямом попадании удара в объект. Если бы Илона Х. находилась под деревом возле упомянутой ямки, то есть на дне русла, лежащего на 2,2 м ниже верхнего уровня берега, то все равно ее смерть могла наступить от удара смежно-

го электроразряда, так как при наличии даже всех упомянутых обстоятельств поражающая сила молнии сохранялась в радиусе не менее 10—20 м от места обнаружения трупа.

Таким образом появилась версия о том, что смерть Илоны Х. наступила не от прямого, а от смежного грозового разряда. А то обстоятельство, что на месте обнаружения трупа в пространстве примерно до 100 кв. м вдоль обоих берегов высохшего ручья не было установлено ни одного следа удара молнии, эксперт объяснил тем, что в данном случае молния и не могла оставить видимых следов. Так происходит, например, когда молния ударяет в проводник электротока или в какой-нибудь металлический предмет. В критический момент удары молнии происходили при сильном дожде, в результате которого была значительно повышена электропроводность деревьев и почвы и при этом была снижена вероятность сохранения видимых следов от удара молнии. Таким образом, эксперт пришел к окончательному выводу, что смерть Илоны Х. наступила в результате удара молнии, по крайней мере эту причину нельзя было исключить.

Итак, построив версию о том, что Илона Х. была убита молнией, следователь вместе с тем начал определять факты, которые должны были подтвердить истинность этой версии. Прежде всего он предположил, что на трупе должны остаться следы, характерные для высокого напряжения; лица, находившиеся недалеко от места обнаружения трупа, должны были подтвердить, что в критическое время именно здесь имели место грозовые разряды и удары молнии.

Проверка этой следственной версии полностью подтвердила ее истинность и одновременно исключила версии, согласно которым Илона Х. была убита другим способом. Прежде всего из показаний свидетелей вытекало, что действительно в то место, где лежал труп Илоны Х., ударяла молния. Проанализировав данные судебно-медицинского вскрытия и данные микроскопического и гистологического исследования, судебно-медицинская экспертиза уже в новом составе однозначно установила, что причиной смерти является асфиксия; все происшедшие внутри организма изменения подтверждали вывод, согласно которому асфиксия произошла в результате поражения дыхательных центров, что может быть только при поражении

молнией. На шее трупа оказались определенные изменения, которые, однако, не были характерны для асфиксии. Они могли возникнуть при падении трупа с берега на дно русла ручья после поражения молнией. Об асфиксии однозначно свидетельствовало наличие мелких кровоизлияний в плевре, значительное разбухание легких, нахождение в теле жидкой крови, полное опорожнение мочевого пузыря, расширение обоих сердечных желудочков, микроскопические изменения в сердце и печени. Все это говорило о более продолжительном периоде действия механизма смерти, как это бывает, например, после удара электротоком. Судя по внешним признакам на шее и лице, смерть могла наступить путем насильственного удушения или в результате удара грозовым электроразрядом высокого напряжения (включая и молнию). хотя для подтверждения последнего вида смерти на трупе не было обнаружено видимых следов (электрометок и т. п.), что впрочем, встречается в судебно-медицинской практике. Эти признаки, особенно на лице, могли быть уничтожены насекомыми или ливневым дождем, трупными изменениями, нарушением размокшей кожи и усыханием кожи, если учесть при этом, что вскрытие производилось лишь на четвертый день после смерти, и т. д.

Новая судебная экспертиза также подтвердила, что врач, производивший вскрытие трупа, дал неправильную оценку результатов вскрытия и микроскопического и судебно-медицинского исследований, что в конечном итоге повлияло и на его вывод о причине смерти. При вскрытии не было выяснено ни одного обстоятельства, которое бы противоречило выводу, что смерть произошла в результате поражения молнией.

На криминалистическую экспертизу следователь отправил восемь веток и сучьев с места происшествия, чтобы проверить, не сломаны ли они ударом молнии. В заключении криминалистической экспертизы об этом сказано: прилагаемые ветки и сучья имеют длину от 15 до 20 см, толщину от 2 до 3 см. Концы в месте излома значительно расщеплены и потемнели. Расщепление концов могло возникнуть от кручения дерева. Однако признаков кручения ни на одной ветви не обнаружено. В сущности, все образцы имеют на коре пузырчатые изменения светло-коричневой окраски. На одном образце выщеплена кора и тонкий слой древесины размером 60×15 мм. Подобное

нарушение могло бы, очевидно, произойти при сломе или надломе ветки. Однако ветка имеет первоначальную равномерно изогнутую форму, и на изгибе имеются потемнения. Таким образом, отрыв ветвей и сучьев от ствола путем изгиба, кручения исключался. На основании установленных морфологических признаков на ветвях, прежде всего на основании пузырчатых изменений, эксперт пришел к выводу, что они были повреждены молнией, ударившей в них с близкого расстояния.

Криминалистической экспертизе были также представлены металлические застежки-молнии от свитера и брюк погибшей с тем, чтобы выяснить, не имеют ли они признаков действия тока высокого напряжения — молнии. Криминалистическая экспертиза подтвердила, что в верхней части застежки под микроскопом хорошо видны следы обжига, причем почернение верхних граней отдельных звеньев застежек возникло, вероятно, от сгорания поверхностной грязи. На отдельных звеньях, преимущественно в незакрытой части застежки, отмечается латунная окалина, которая находится главным образом на зубчиках звеньев. При осмотре углублений в звеньях видно, что окалина была выплавлена именно из каждого соседнего углубления. Окалина латунная имеет яркую золотистую окраску без малейших следов окисления и коррозии, что указывает на ее возникновение за очень короткий промежуток времени. Следы оплавления имеют и грани многих звеньев, и эти оплавления обладают такими же признаками, как и описанная окалина. Микроскопическому исследованию была подвергнута ткань между отдельными звеньями, и при самом тщательном рассмотрении не были найдены следы обгорания или обугливания ни на одном волокне, расположенном рядом с окалиной или оплавлением.

Таким же способом было проведено исследование застежки свитера. На звеньях застежки установлены также следы окалины в углублениях соседних звеньев и оплавления на гранях некоторых звеньев. Однако тех и других следов на застежке свитера было меньше, чем на застежке брюк. Для контроля была исследована бывшая в употреблении застежка, изготовленная из того же материала, что и застежки от свитера и брюк, и выяснилось, что описанных окалины и оплавлений на контрольной застежке-молнии не имеется и что эти окалина и оплавления

не могли возникнуть от повседневного использования застежек.

Из проведенного исследования повреждений звеньев обеих представленных застежек, главным образом в виде окалины и оплавлений, вытекало, что описанные явления могли возникнуть только под кратковременным действием высокой температуры. Из того обстоятельства, что ткань между звеньями застежек осталась неповрежденной, следовал вывод, что нагревание электропроводного материала (звеньев застежек) произошло с помощью электрического разряда, вероятно путем электроиндукции. Индукцию следовало принять во внимание ввиду оплавления главным образом граней звеньев. Подобное явление при обстоятельствах, в которых был найден труп Илоны Х., могло быть вызвано только разрядом атмосферного электричества — молнией.

Как известно, напряжение атмосферного разрядного электричества достигает нескольких миллионов вольт при силе тока от девяти до двадцати тысяч ампер, причем продолжительность действия составляет от 0,001 до 0,1 секунды. Количество электроэнергии при атмосферном разряде огромно и составляет от нескольких десятков до нескольких тысяч кулонов. Электрический разряд такой величины способен вызвать описанные явления на обеих застежках как направленным током, так и индукционным нагревом. В разных учебниках судебной медицины описано несколько случаев, когда смерть от удара молнии наступала без заметных признаков повреждения на теле, причем металлические предметы, которые имели убитые (кольца, часы, монеты, металлические застежки, кошельки, зажигалки и т. п.), были под воздействием высокой температуры оплавлены, хотя ткань (а часто и кожа), находившаяся в непосредственной близости или в соприкосновении с этими металлическими предметами, оставалась неповрежденной.

На основании данных упомянутых исследований, анализа энергетических параметров при грозовом разряде, а также данных, почерпнутых из судебно-медицинской литературы, эксперт пришел к окончательному выводу, что на обеих застежках одежды погибшей Илоны Х. находились следы нагрева, а также повреждения, которые не могли возникнуть ни от чего другого, как от разряда атмосферного электричества — молнии.

Таков был, в сущности, путь установления объективной истины по данному конкретному делу. Мы намеренно привели такой пример, в котором сложность и некоторые ошибки, допущенные следователем при первом осмотре места происшествия и потом судебным врачом при оценке данных вскрытия и микроскопического и гистологического исследования, позволят нам сделать некоторые обобщения.

Из вышеприведенного анализа процесса мышления следователя в конкретном уголовном деле можно сделать несколько выводов теоретического и практического характера.

Во-первых, можно констатировать, что познавательная деятельность не требует, чтобы следователь всюду и всегда скрупулезно разграничивал отдельные стороны процесса мышления. Логический процесс не существует без познавательного и психического и, наоборот, познавательный — без логического и психического и психический — без познавательного и логического. Все они взаимно связаны и обусловлены. Это практически разные стороны единого процесса мышления. Такое единство четко выразил известный советский ученый С. Л. Рубинштейн. Он говорит, что психическая деятельность есть деятельность мозга, органа мышления (психическая сторона процесса мышления), но в то же время она является отражением, познанием мира (познавательная сторона процесса мышления); мысль является прежде всего продуктом мышления, конечным выражением мыслительного процесса (логическая сторона процесса мышления) и т. д. Но не только это. Эти отдельные стороны процесса мышления настолько взаимосвязаны, что способ решения одной стороны уже сам по себе обусловливает и способ решения другой. Это вытекает из известного положения марксистско-ленинской теории о том, что каждое воздействие на что-либо является одновременно взаимодействием. Этим может быть объяснено то объективно существующее обстоятельство, что всякое изменение одного явления отражается на всех остальных и само изменение является не чем иным, как ответной реакцией других явлений, которые воздействуют на это изменение [1].

---

[1] См.: С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира, М., 1957, стр. 4, 10, 49 и др.

Различать отдельные стороны этого сложного процесса — трудная задача. При этом разграничение диалектически развивающихся сторон этого процесса можно осуществить лишь с помощью абстракции. Между ними нет никакой абсолютно неподвижной разделительной черты. Пытаться провести такую черту — значит допустить «огрубление» объективной деятельности, которую они отражают. И к этому в полной мере относятся известные слова Ленина, высказанные им при определении диалектического развития как единства и борьбы противоположностей, при определении сущности диалектики вообще: «Мы не можем себе представить, выразить, смерить, изобразить движение, не прервав непрерывного, не упростив, угрубив, не омертвив живого. Изображение движения мыслью есть всегда огрубление, омертвление, — и не только мыслью, но и ощущением, и не только движения, но и всякого понятия» [1].

Как показано будет ниже, разграничение отдельных сторон процесса мышления имеет в рассматриваемом нами случае определенные особенности, которые обусловлены характером объективной истины, устанавливаемой в уголовном судопроизводстве.

По нашему мнению, разграничивать отдельные стороны процесса мышления следует, лишь когда намереваются изучать отдельные стороны этого процесса самостоятельно и определять их специфические признаки с целью более глубокого познания сущности данного единого процесса и выяснения определенных его моментов, признаков. В рассматриваемом нами случае мы избрали именно такой способ разграничения процесса мышления, чтобы путем изучения его отдельных сторон (частей) выяснить прежде всего значение и место следственных версий в процессе познания объективной истины в предварительном следствии, роль следственной интуиции в этом процессе познания, причины, которые привели к ошибкам при осмотре места происшествия и оценке данных судебно-медицинского вскрытия, отношение следственных версий к планированию расследования и др.

При этом самостоятельное исследование отдельных сторон единого процесса мышления вовсе не означает еще метафизического способа мышления. При оценке правиль-

---

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 233.

ности мышления, как это неоднократно подчеркивали классики марксизма-ленинизма, решающим является то, чтобы эти отдельные стороны не абсолютизировались и не изолировались только для данного исследования и чтобы после включения этих отдельных сторон (частей) в общий процесс мышления они вновь рассматривались в общей взаимосвязи и взаимообусловленности[1]. Первое, общее ознакомление с объектом познания, подробное изучение его отдельных сторон, определение их взаимной связи и связи с другими процессами и явлениями — вот те три момента познавательного процесса, о которых говорил Ф. Энгельс в своей знаменитой работе «Анти-Дюринг».

Во-вторых, подчеркивание единства познавательных, психических и логических сторон в процессе мышления следователя при разработке следственных версий вовсе не означает отождествления отдельных сторон этого процесса мышления. Отождествлять — значит не признавать единства этого процесса. Нельзя согласиться с тем, что из процесса мышления следователя в форме следственных версий в отличие от мышления вообще якобы исключаются некоторые формы познавательной деятельности, например познавательная деятельность в форме художественного отражения действительности. При таком «сужении» познавательный процесс как будто еще больше отождествляется, совпадает с логическим процессом. Однако следственная практика показывает, что это не так. Определенное сужение здесь действительно существует, однако и в данном случае познавательный процесс гораздо шире, чем логический. Следователь обогащает свое знание о преступлении и преступнике не только посредством построения выводов логическим путем, в форме различных формально-логических построений предположений, догадок. Обогащению его знаний помогает практическое проведение им неотложных следственных действий, допросы свидетелей и обвиняемых, особенно в случае самооговора, признания своей вины и т. п., а равно и психическая деятельность, и интеллектуальная интуиция самого следователя. Следует, однако, помнить, что данная аргументация относится только к логическому процессу в узком смысле слова. В других же случаях логический

---

[1] См.: А. В. Савинов, Логические законы мышления, Л., 1958, стр. 55.

процесс в том широком понимании, в каком его толкует марксистско-ленинская теория (диалектическая логика), действительно «сливается» с познавательным процессом. Это результат того, что всякое познание «...совершается посредством абстрагирующей работы мышления,— посредством абстракции, обобщения и вывода, заполняющих повседневную, научную и художественную познавательную деятельность людей» [1].

Так было и в рассмотренном нами случае расследования смерти Илоны Х. Следователь в конце концов установил объективную истину по делу. Он установил ее прежде всего благодаря правильной разработке и применению следственных версий. Можно заметить, как на определенных этапах этого сложного, многостороннего мыслительного процесса действительно на первый план выступала логическая сторона. Так было, например, при составлении следственных версий и определении следствий, которые должны были бы существовать в случае истинности отдельных следственных версий. Логическую сторону надо было «видеть» еще на этапе отбора исходных материалов и при проверке следственных версий. Только недостатком опыта можно объяснить тот факт, что следователь, первый проводивший осмотр места происшествия, не обратил внимания на такие важные обстоятельства, какими, несомненно, были свежесломанные ветки недалеко от места обнаружения трупа и др.

В-третьих, можно утверждать, что и мышление в форме следственных версий является определенным отражением материального мира в сознании следователя и одновременно средством его познания. Именно материальный мир, существующий независимо от сознания людей и отражающийся в их сознании, составляет основу единства многостороннего процесса познания. Без признания этой общей основы вообще невозможно было бы объяснить указанное единство процесса познания. Но одного признания, что в голове следователя отражаются объективные отношения между установленными фактами и выводимыми из них следственными версиями, недостаточно для полного понимания этого сложного вопроса. Такое признание представляет лишь знание некоторых основных отноше-

[1] А. В. Савинов, Логические законы мышления, Л., 1958, стр. 46.

ний, которые существуют в сознании в процессе отражения материального мира. Не менее важно обладать знаниями и той психической и логической деятельности, посредством которой эти отношения познаются, и тех психических и логических отношений, которые при этом возникают между отдельными умозаключениями или психическими явлениями. Без знания этих вопросов невозможно было бы объяснить, например, характер такого отражения, как и роль следственной практики в его формировании. Без этих знаний нельзя было бы объяснить, например, почему неспециалист, дилетант не сможет всегда правильно и быстро определять отдельные, заслуживающие внимания связи между установленными фактами и совершенным преступлением. Без этого невозможно было бы объяснить различия в практике отдельных следователей.

Вся история следственной практики свидетельствует, что не каждому следователю всегда «приходит в голову» правильный вывод, который можно было бы обосновать установленными фактами и обстоятельствами дела. Причину следует искать именно в навыках следователя, в образе мышления, в его профессиональном и политическом опыте, в общеобразовательном уровне и т. д. Взаимодействие индивида с окружающим миром, его жизнь со всеми потребностями, его практическая деятельность — это и есть та «...реальная материальная основа,— как говорил С. Л. Рубинштейн,— в рамках которой раскрывается познавательное отношение к миру, та «онтологическая» основа, на которой формируется познавательное отношение субъекта к объективной действительности»[1]. Но здесь есть еще одно существенное обстоятельство, которое заключается в том, что субъективное отражение объективного мира неразрывно связано с потребностями, интересами человека. У следователя эти потребности и интересы сводятся к желанию установить объективную истину, раскрыть преступление и в этой связи изобличить преступника.

Следователь, коль скоро он собрал определенную совокупность фактов, свидетельствующих о том, что произо-

---

[1] С. Л. Рубинштейн, Бытие и сознание. О месте психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира, М., 1957, стр. 7.

шло событие, но не знает еще точно какое, прежде всего составляет об этом событии умозрительную картину на основе установленных фактов, расставляя их по своим местам. Возникает определенная картина со свободными (незаполненными) местами. Основываясь на законе всеобщей взаимосвязи и всеобщей обусловленности явлений, следователь начинает, образно говоря, временно «монтировать» в эту картину определенные отношения, конструирует дополнительные связи, переплетения, зависимости, которых ему недостает. Затем он выводит из сконструированных таким образом переплетений определенные объективные последствия и связи, которые в случае, если это событие действительно имело место, должны объективно существовать или в сознании людей, очевидцев этого происшествия, или на отдельных предметах,— различные следы и другие «доказательства» этого события.

Понятно, что вмонтировать можно лишь такие недостающие связи и переплетения, присутствие которых в общей картине оправданно и объяснимо и которые не противоречат друг другу. Иначе было бы невозможно получить правдивые результаты. При несоблюдении этого требования можно доказать и «истинность» ложного. Как показывает практика, многие следственные версии вырабатывались без всякого обоснования, и поэтому уже в самом начале проверки они отпадали как неправильные, необоснованные и ложные.

Эту мыслительную деятельность следователя можно было бы образно и в довольно упрощенной форме представить как деятельность специалиста, перед которым стоит задача восстановить разобранную большую и сложную мозаичную картину из мелких стеклышек и перед которым теперь находится лишь груда осколков. Специалист благодаря своему богатому опыту практической деятельности обладает определенными навыками, сноровкой и знаниями. В данном случае он имеет и некоторое представление о будущей картине; когда-то среди сотен подобных картин он видел и эту, но точно не знает, какая картина сейчас имеется в виду. После полной общей оценки «остатков» он берет раму и вставляет в нее стеклышки, которые, как он убедился уже на основе первоначальной оценки, могут быть расставлены только на свои определенные места; никакие другие объяснения пока что во внимание не принимаются. Получается картина, но с пу-

стыми местами. Поэтому он берет новые стеклышки, оценивает их как в отдельности, так и в совокупности и, определив приблизительно место каждого стеклышка, вставляет его в раму на предполагаемое место. Однако его деятельность осложняется тем, что тот, кто разобрал картину, смешал в одну кучу и те стеклышки, которые не относятся к данной картине, чтобы таким образом затруднить, а подчас и сделать невозможным восстановление картины.

При дальнейшем размещении стеклышек специалист неоднократно убеждается, что неправильно определил место какого-то стеклышка, и потому удаляет его, а заодно и другие связанные с ним стеклышки либо заменяет некоторые из них, дополняет другими и т. д. Так постепенно, шаг за шагом перед его глазами растет картина, все более отчетливыми становятся ее контуры. Чем меньше в ней пустых мест, тем больше приближаются его догадки к действительности.

Естественно, что это сравнение является чрезмерным упрощением мыслительного процесса, происходящего в действительности в голове следователя при разработке и проверке следственных версий по конкретному уголовному делу. Пример с Илоной Х.— убедительное тому доказательство. Там речь шла, как мы убедились, не о поисках отдельных дополняющих стеклышек. Там следователь должен был представить сложные дополняющие связи, отношения, вытекающие из взаимосвязи и взаимообусловленности отдельных явлений. Первостепенное значение имели отношения причины и следствия между отдельными достоверно установленными фактами и обстоятельствами случая, с одной стороны, и происшедшим в прошлом событием — с другой.

Мыслительный процесс в форме гипотез является не только отражением материального мира, но одновременно и орудием познания объективно существующей действительности. Нелишне будет указать, что к познанию этой действительности, как учит марксистская философия, человечество пришло постепенно, после того как это орудие было бесчисленное количество раз успешно использовано в практической деятельности человека. Так же обстоит дело и с разработкой следственных версий.

Мышление в форме следственных версий — это не только отражение фактических обстоятельств события, относящегося к прошлому, но и средство его познания.

Следственная версия является средством познания объективной истины в предварительном следствии, поскольку выражает, подобно гипотезе, предварительную оценку собранных материалов и тем самым подсказывает, какие (соответствующие ей) последствия необходимо установить, указывает направление дальнейшего планомерного расследования. Тем самым следственная версия способствует и поиску новых доказательств, на основе которых можно было бы сделать вывод о степени соответствия представлений следователя объективной действительности.

Но криминалистическая наука пришла к этому не сразу, а лишь после того как отдельные следователи, сознательно или неосознанно использовали это средство бесчисленное количество раз в своей практике при расследовании конкретных уголовных дел. Мы полагаем, что не будет вульгаризацией марксистской теории, если в данном случае сошлемся на общеизвестное положение, высказанное В. И. Лениным в «Философских тетрадях» о том, что «...практическая деятельность человека миллиарды раз должна была приводить сознание человека к повторению различных логических фигур, дабы эти фигуры могли получить значение аксиом. Это Nota bene»[1]. Именно в этом заключается обоснование положения о том, что практика составляет основу и критерий истины, устанавливаемой при помощи следственных версий в предварительном следствии.

Наконец, в-четвертых, знание отдельных сторон сложного мыслительного процесса является предпосылкой успешной работы каждого следователя.

В социалистической криминалистике еще встречается определенная недооценка прежде всего вопросов психологии и формальной логики — тех отраслей науки, предмет исследования которых составляет именно некоторые частные аспекты познавательной, психической и логической сторон мыслительного процесса. Подобное положение отрицательно влияет на практику расследования в целом.

Следственная практика показывает, что без знания основных данных психологии нельзя, например, правильно провести допрос свидетеля и обвиняемого, правильно оценить их показания. Многие буржуазные криминалисты

[1] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 29, стр. 172.

абсолютизировали эти отдельные стороны. В большинстве случаев они также обращаются к вопросам психологии, но только в ее идеалистическом понимании. Этим, очевидно, объясняется появление на свет большого количества различных трудов по так называемой криминальной психологии. И наша криминалистическая литература периода домюнхенской республики не избежала влияния реакционных буржуазных взглядов, что особенно характерно для таких работ чехословацких криминалистов, как, например, «Криминальная психология» Иозефа Шейноги, «Следственные методы службы безопасности» В. Челанского, «Преступления в письме» Роберта Саудека, «Психологические исследования в криминологии» Франтишека Кавки, «Введение в науку о душе» Яна Шонки и других, часто встречаются дословные повторения и ссылки на взгляды Ганса Гросса («Kriminalpsychologie»), Альберта Гельвига («Psychologie und Vernehmungstechnik bei Tatbestandsermittlungen»), Эдуарда Мезгера («Kriminalistische Probleme im Strafrecht»), В. Штерна («Beiträge zur Psychologie der Aussage»), Эриха Вульфена («Kriminalpsychologie des Täters») и др.

Социалистическая криминалистика с полным основанием отклонила многие из этих концепций как совершенно несовместимые с следственной практикой в социалистическом государстве. Однако с точки зрения теоретических разработок она осталась в большом долгу перед следственной практикой.

Многие теоретические вопросы не разработаны подробно, не определены достаточно четко значение и роль отдельных положений марксистской психологии в следственной практике. Так, например, в нашем ведомственном криминалистическом журнале «Криминалистический сборник» на протяжении длительного периода была опубликована всего лишь одна статья, посвященная этой проблематике. Имеется в виду статья Мирослава Оправила «Применение норм об опознании с точки зрения общей психологии в практической деятельности работников общественной безопасности», опубликованная в упомянутом журнале № 12 за 1957 год. Этим, очевидно, косвенно создавалась возможность «оживления» разных реакционных взглядов буржуазных психологов-криминалистов.

В криминалистической литературе недавнего прошлого также встречались подобные «оживления» реакцион-

ных концепций. Богата такого рода «родимыми пятнами» работа Яромира Фацека «Психологические проблемы уголовного права». Судя по названию работы, можно было ожидать, что ее автор решает основные вопросы следственных методов (подзаголовок работы — «Пособие к анализу следственных методов») с позиций психологии и социалистической науки уголовного процесса. Но ни того, ни другого в действительности там не содержится. В работе имеется нечто иное. Например, автор рекомендует для изобличения преступника использовать так называемые реактивный, выразительный и исполнительный эксперименты.

Первый (реактивный) состоит, в сущности, в том, что испытуемый должен определенным образом реагировать на импульсы. При этом импульсом может быть какой-нибудь сигнал, на который испытуемый реагирует, например, сжатием или кручением пуговицы или жестами руки. Если импульсом служит слово, то испытуемый будет реагировать на него любым другим словом, которое первым взбредет ему на ум.

Второй (выразительный) эксперимент состоит в определении душевного состояния допрашиваемого по выражению его лица — выражению глаз, бледности, покраснению, потению, плачу и смеху либо по определенным внутренним трансформациям — изменению пульса, давления и т. д.

Третий (исполнительный) применяется при исследовании памяти, воли и внимания. Еще менее приемлемы для следователя социалистического государства рассуждения Я. Фацека о возможности использования в следственной практике, например, гипноза. В его работе об этом можно прочесть следующее: «Особым видом эксперимента, который высоко ценится некоторыми криминалистами, является применение гипноза. Его применение может использоваться для восстановления действия, картины преступления либо для установления, способен ли преступник совершить снова преступление (так называемая нравственная устойчивость преступника), либо для достижения признания, получения правдивых свидетельских показаний, либо для содействия восстановлению событий в памяти». При выяснении склонности подозреваемого к повторному совершению преступлений автор работы рекомендует приказывать загипнотизированному совершить

преступление; и если он попытается это сделать, то, по мнению автора, загипнотизированный не признает нравственных запретов, что является решающим доказательством того, что испытуемый — преступник.

Уже из этих рассуждений видно, что автор механически применяет некоторые правильные указания психологии к уголовному процессу, а где-то воскрешает старые реакционные взгляды буржуазных криминальных психологов. Как в первом, так и во втором случае он вовсе не принимает во внимание качественного различия между действующим уголовным судопроизводством и уголовным процессом, существовавшим в период домюнхенской республики. В одном месте своей работы автор констатирует, что в ряде следственных органов происходит быстрая смена кадров и что «старшие по возрасту коллеги ввиду ожидаемой ими замены не выражают большого желания передавать другим свой опыт», и расценивает это как серьезный недостаток. Если автор имеет в виду «опыт», о котором упоминает в своей работе, то, на наш взгляд, было бы на пользу дела, чтобы этот «опыт» не перенимали наши молодые, преданные делу социализма следователи. Но это отнюдь не значит, что наши молодые следователи вообще не должны использовать опыт старых коллег.

При рассмотрении работы Я. Фацека на первый план выступают еще два момента: во-первых, автор часто пользуется концепциями буржуазных психологов, не высказывая при этом своей собственной точки зрения. Поэтому во многих случаях трудно судить, какие из цитируемых концепций автор разделяет и какие нет. Так, например, он не высказывает своего отношения к понятию системы и методов криминальной психологии, к использованию при допросе различных приспособлений, приборов, к применению одурманивающих средств и т. д. Во-вторых, автор вообще не опирается на работы советских психологов, юристов и криминалистов, хотя именно в них мог бы найти ответ на целый ряд исследуемых вопросов. Во всей своей работе он ссылается, и то лишь во второстепенных вопросах, только на работы М. Л. Шифмана «Прокурор в уголовном процессе», А. И. Винберга «Основные принципы советской криминалистической экспертизы» и А. Я. Вышинского «Теория судебных доказательств в советском праве».

Материалистическая психология не отрицает, что между эмоциями, чувствами и разными функциями организма существует тесная связь. Изменения в деятельности сердца, сосудов, дыхательных органов, мускулатуры и т. п. находятся в тесной связи с эмоциями, чувствами и переживаниями человека. Из этого, однако, не следует вывода, что по функциям организма можно в уголовном процессе исследовать правдивость или ложность показаний и придавать подобным «экспериментам» значение доказательств. Опытному криминалисту результаты психологического исследования оказывают необходимую помощь в правильном выборе тактики, подхода к допрашиваемому. По внешним проявлениям допрашиваемого лица наряду с другими установленными материалами можно судить о его душевном состоянии и чувствах, которые он действительно переживает.

Но всякая переоценка этих взаимосвязей, построение на этой основе выводов о правдивости или неправдивости и тем более признание за ними характера уличающего доказательства неправильно, антинаучно и потому совершенно неприемлемо для социалистического уголовного процесса. Достаточно вспомнить стремление Ферри и его сторонников подменять процессуально-правовые правила доказывания изучением обвиняемого и свидетелей медицинскими и психологическими методами. Несомненно, в следственной практике имеют значение различные впечатления, которые создаются у следователя при проведении отдельных следственных действий, прежде всего от поведения допрашиваемого. Но ни в одном случае эти обстоятельства не могут служить доказательствами, на основе которых можно было бы судить о правильности, например, показаний свидетелей или обвиняемого. И уж ни в коем случае они не могут служить доказательствами для «изобличения» преступника. Их влияние проявляется главным образом при оценке установленных фактов и тем самым при формировании внутреннего убеждения следователя или прокурора.

Подобным же образом обстоит дело и с логикой. Без знания логических правил и логических законов нельзя строить правильные выводы, например, о возможной взаимосвязи фактов, которые были установлены в ходе неотложных следственных действий, как и выводы об обоснованности обвинения, его доказательности или недо-

казательности и т. д. Нельзя успешно работать со следственными версиями, если не исходить из принципиального тезиса логики о гипотезе как определенной системе суждений, понятий и умозаключений.

На наш взгляд, это логическое положение сохраняет свою ценность и применительно к следственной версии. При построении и проверке следственной версии следователь имеет дело с определенной системой суждений, понятий и умозаключений, встречается как с аналогией, так и редуктивными заключениями, дедукцией и т. п. Но это вовсе не означает, что роль всех форм мышления всегда одинакова. Это относится и к отдельным формам умозаключений. Так, с умозаключением по аналогии следователь встречается сразу же в начале процесса мышления в форме следственных версий, то есть при построении предположения — основы следственной версии. Аналогичные данные других следственных дел, почерпнутые следователем из собственной практики или из изучения опыта коллег, служат импульсом к возникновению у него предположения, которое он кладет в основу следственной версии. В этих случаях редуктивное умозаключение появляется уже на следующем этапе мыслительного процесса. Его роль состоит в обосновании выводимого предположения.

Данное отношение умозаключений выразил, на наш взгляд, очень точно П. В. Копнин: «Если аналогия рождает предположение, то индукция его обосновывает, поэтому аналогия дополняется в дальнейшем процессе исследования индукцией» [1]. Но при построении следственных версий можно встретиться не только с этой формой умозаключений, но и с дедукцией. Правда, роль дедукции во всей своей полноте проявляется только в дальнейшем процессе развития следственной версии — при проверке следственной версии и при ее доказывании. Так происходит потому, что как аналогия, так и индукция не могут сами по себе обеспечить нам достоверное знание о расследуемом деле. Что иное послужило импульсом к созданию версии об убийстве Илоны Х. Яном О., как не аналогичные данные из уже расследованных случаев, когда любовник на почве ревности посягает на жизнь своей

---

[1] П. В. Копнин, Роль гипотезы в познании, «Вопросы философии», 1954, № 4.

любимой? Коль скоро возник этот импульс, следователь начал его обосновывать конкретным исследованием отдельных фактов. Этим путем он пришел к обоснованию версии, что убийцей мог быть именно Ян О. Для этого он начал выводить следствия, которые должны были бы существовать в действительности в случае истинности данной версии.

Итак, выше мы рассмотрели вопрос о мышлении в форме следственной версии как о едином процессе познавательной, психической и логической сторон этого мышления. Данный краткий анализ облегчит нам в дальнейшем более детальное исследование отдельных сторон процесса мышления в форме следственных версий.

4. Следственные версии как один из путей познания и доказывания объективной истины в уголовном судопроизводстве

Марксистская философия учит, что характер цели в определенной степени обусловливает и характер средств достижения этой цели. На это обстоятельство обращал внимание К. Маркс еще в своей первой публицистической статье «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции». Он писал, в частности: «Не только результат исследования, но и ведущий к нему путь должен быть истинным. Исследование истины само должно быть истинно, истинное исследование — это развернутая истина, разъединенные звенья которой соединяются в конечном итоге» [1].

Параграф 1 Уголовно-процессуального кодекса ЧССР возлагает на органы, осуществляющие судопроизводство, обязанность надлежащим образом устанавливать уголовные преступления. Именно от того, как понимается это «надлежащее установление» уголовного преступления, зависит и характер средств достижения намеченных целей.

Социалистическая уголовно-процессуальная и криминалистическая наука исходит из того, что надлежаще установить преступление — значит установить и доказать объективную истину по делу. А это в свою очередь означает, что и в практике карательных органов понятие «объективная истина» должно всегда толковаться в полном соответствии с определением, данным марксистско-ленинской философией.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 7—8.

Поэтому если мы хотим изучить следственные версии как одно из средств установления и доказывания объективной истины в уголовном судопроизводстве, то прежде всего мы должны уяснить себе четко определенные стороны объективной истины, которую мы стремимся познать не только в ходе уголовного судопроизводства в целом, но и на этапе предварительного следствия.

Вопрос о характере истины, устанавливаемой в уголовном судопроизводстве, относится к наиболее сложным и до сих пор наиболее спорным вопросам уголовно-процессуальной и криминалистической науки. Полностью исчерпать его в данной работе не представляется возможным. И поэтому при изучении данного вопроса мы ограничимся рассмотрением только тех его сторон, которые имеют непосредственное отношение к следственным версиям, и только в таком объеме, которого требует предмет нашего исследования.

Вопрос истины в уголовном процессе является весьма существенным как в теоретическом, так и практическом отношениях. Как правильно отмечает проф. Ф. Боура, с точки зрения следственной и судебной практики не является безразличным обстоятельство, будут ли следователи, прокуроры и судьи верить или не верить в возможность постоянного справедливого разрешения уголовных дел. Нам представляется, если они не будут верить в такую возможность, то и не будут стремиться на практике к подлинной справедливости. Если же закон прямо предписывает, чтобы все решения рассматривались представителями судебных органов как справедливые в том случае, когда эти решения соответствуют определенным формальным требованиям, а также когда эти представители лично убеждены в том, что они лично могут справедливо разрешать дела, то и на практике они будут стремиться именно к такому решению [1].

Не менее значительна теоретическая сторона данного вопроса. Именно в области теории наиболее ярко проявляется противоположность между материализмом и идеализмом в уголовно-процессуальной сфере правовой науки. Поэтому не случайно, что вокруг данного теоретического вопроса сейчас происходит острейшая борьба между бур-

---

[1] См.: Ferdinand Boura, K některým otázkám trestního procesu, Právník, čis, 8, roč. 1956, str. 747.

жуазными и марксистскими процессуалистами. Такая борьба происходит не только потому, что этот теоретический вопрос тесно связан с основным вопросом философии — отношением бытия к сознанию, то есть вопросом, где существует весьма тесная связь между гносеологией и правовой наукой, но также и потому, что в данном случае речь идет о такой области, в которой идеология может оказывать весьма существенное воздействие на одно из важнейших направлений деятельности каждого государства — на деятельность его следственных и судебных органов и тем самым на решение классовых отношений.

В последний период, как известно, в буржуазной правовой науке отмечается определенное снижение заинтересованности в разработке уголовно-процессуальных вопросов, что, по существу, является не чем иным, как выражением упадка интересов буржуазии к защите гражданских свобод, охрана которых входит в задачу уголовного процесса [1].

Материалистическая теория познания, богатое творческое наследие классиков марксизма-ленинизма в области теории отражения указывают действенные пути и методы правильного разрешения отмеченного выше вопроса об установлении истины в уголовном судопроизводстве в целом и на этапе предварительного следствия в частности. При этом следует особо отметить, что ведущую роль сыграла в этой области советская уголовно-процессуальная наука.

Вопрос об истине в уголовном процессе всегда стоял в центре внимания советских процессуалистов. Важность и сложность этой проблемы всегда как магнит притягивали и продолжают привлекать внимание многих способных

---

[1] См.: Vladimir Solnař, Trestí řizení v sovětské literatuře v letech 1954—1957, Stat a právo, VI, str. 157.

В данной работе мы не ставим перед собой задачу провести критический анализ буржуазных теорий права и их влияния на решение вопроса об истине в уголовном процессе. Эти вопросы нашли должное отражение в трудах М. С. Строговича «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе», М., 1955; Н. Н. Полянского «Вопросы теории советского уголовного процесса», М., 1955; в коллективном труде (под редакцией С. Ф. Кечекяна и Г. И. Федькина) «История политических учений», М., 1955; в работах С. Л. Зивса «Кризис буржуазной законности в современных империалистических государствах», М., 1958; В. А. Туманова «Критика современной буржуазной теории права», М., 1957.

процессуалистов испробовать свои силы в данной области правовой науки. Убедительным доказательством тому является то обстоятельство, что проблема истины в уголовном процессе довольно часто бывает особым предметом разработки в монографиях и статьях, темой многих дискуссий специалистов — теоретиков и практиков [1].

С самого начала своего возникновения советская уголовно-процессуальная наука ведет открытую и принципиальную борьбу против различий буржуазных уголовно-процессуальных теорий. В недрах этой науки возникла и развилась советская теория судебных доказательств. Советские процессуалисты едины в полном отказе от разных конструкций «формальной», «юридической», «судебной» и тому подобных истин. Первоочередной задачей со-

---

[1] Много внимания уделил вопросу об установлении объективной истины в уголовном процессе М. С. Строгович, написавший специальные монографии: «Учение о материальной истине в уголовном процессе» (1947) и «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе» (1955).

Выход в свет этих монографий вызвал среди процессуалистов ряда стран широкие дискуссии. Некоторые итоги этих дискуссий были опубликованы на страницах журнала «Советское государство и право», № 9, 1948, и № 4, 1956. Наиболее значительной и плодотворной была дискуссия, состоявшаяся в период 1955—1961 годов. К этому же времени относится издание ценных работ известных советских теоретиков по проблематике истины в уголовном процессе: А. А. Пионтковского, М. С. Строговича, А. А. Старченко, Н. Н. Полянского, С. А. Голунского, М. С. Строговича, А. А. Пашкевича, И. М. Гальперина, А. Л. Ривлина и др.

Упомянутые вопросы часто обсуждались и среди специалистов-процессуалистов европейских социалистических стран. В качестве примера можно сослаться на дискуссии, организованные в свое время Институтом правовых наук Германской Демократической Республики по докладу Вольфганга Вайса «О значении доказательственного права для упрочения принципа социалистической законности» и Рихарда Шиндлера «Доказательства и доказывание в уголовном процессе ГДР».

Положительным результатом всех этих дискуссий был отказ процессуалистов стран социалистического содружества от неправильных взглядов на отдельные стороны сущности истины, встречавшихся ранее в советской правовой науке, которые своим содержанием не способствовали укреплению социалистической законности в деятельности уголовно-судебных органов. Больше того, учеными Н. П. Федосеевым, А. А. Пионтковским и некоторыми другими было даже высказано мнение, что прежние ошибочные взгляды, рассуждения означали «философское оправдание» нарушений социалистической законности. Поэтому советские ученые приложили немало усилий для исправления и решения в марксистско-ленинском духе целого ряда важных правовых проблем.

ветские ученые считают именно критику таких взглядов на истину как совершенно чуждых социалистическому уголовному процессу.

Советская уголовно-процессуальная наука руководствуется тем, что основой решения вопроса об истине и ее познании в уголовном процессе является диалектико-материалистическое понимание истины и истинности вообще. Поэтому в противоположность буржуазным теориям советская наука рассматривает вопрос об объективной истине в уголовном судопроизводстве как самый важный. В противоположность идеалистическим взглядам на установление истины в уголовном судопроизводстве советская наука об уголовном процессе подчеркивает главным образом материалистическую сторону истины, и притом она подробно разработала положение о том, что истина представляет собой отражение объективного мира в сознании людей (объективная истина).

В соответствии с этим взглядом выводы следователя, прокурора или судьи о совершенном преступлении являются истинными только в том случае, если они отражают реальные факты и события. Если это условие отсутствует, значит, истина не установлена и вынесение приговора в таком случае явилось бы грубейшим нарушением социалистической законности.

Итак, установление истины в уголовном процессе — это не соблюдение формальных условий (например, подтверждение определенного факта заранее установленным числом свидетельских показаний, что достаточно для формальной истины), а ведение судопроизводства в полном соответствии с действительностью.

Советская уголовно-процессуальная наука исходит при этом из марксистско-ленинского положения о том, что объективная истина для уголовно-судебных органов вполне доступна, познаваема. Это не означает, что можно раскрыть и объяснить каждое совершенное преступление. Здесь возникает целый ряд не всегда преодолимых препятствий. Уголовно-процессуальный кодекс ЧССР учитывает такое обстоятельство и обязывает уголовно-судебные органы при определенных условиях прекращать или приостанавливать уголовные дела. Данное положение обусловлено еще и тем, что существуют отдельные виды процессов в живой природе, которые никогда не могут быть познаны. Аналогичная проблема существует и в естествен-

ных науках. «Непознаваемость тех или иных видов явлений,— как указывает А. Кольман,— объясняется не непостижимостью «вещи в себе», а самим характером познания, непреодолимой ограниченностью практики. Если мы не можем познать какое-то явление, которое произошло в весьма отдаленных областях вселенной или в микромире, то не потому, что это явление «надчувственное», но потому, что из самих закономерностей природы (необратимость времени, предельный характер скорости света, прерывистый характер кванта действия) вытекает невозможность соответствующих экспериментов и наблюдений»[1]. Утверждать нечто подобное — не значит еще впадать в агностицизм. Человеческое сознание способно более или менее верно отражать действительность. Наши ощущения дают нам познание объективной реальности. Она существует независимо от познания ее человеком и человечеством, но отражается нашими чувствами, нашим познанием[2].

До сих пор речь шла об объективной истине с точки зрения уголовного судопроизводства в целом. При обосновании ее значения имелась в виду прежде всего деятельность суда, разрешающего дело. Но требование безусловного установления объективной истины в полной мере относится также к определенному кругу действий, совершаемых следователем и прокурором еще в процессе предварительного следствия.

Следует отметить, что это положение не всегда однозначно толковалось в социалистической уголовно-процессуальной науке в силу расхождения во взглядах отдельных ученых-криминалистов. Дискуссия вокруг данной проблемы сосредоточивается прежде всего на вопросе, обусловливается ли окончание расследования и направление дела в компетентный суд достижением объективной истины.

М. А. Чельцов, А. Л. Ривлин и некоторые другие придерживаются взгляда, что следователь может закончить расследование, а прокурор — направить обвинительное заключение в надлежащий суд даже тогда, когда была установлена лишь вероятность вины обвиняемого. Свою

---

[1] A. Kolman. Proti dogmatismu v naši filosofii, Filosofický časopis, roč. 1963, čis. 2, str. 226.
[2] См. там же, стр. 224.

точку зрения они аргументируют, по существу, ссылкой на то, что эти органы решают вопрос не о вине, но лишь об обоснованности направления дела в суд [1].

Этот взгляд подвергся критике прежде всего со стороны М. С. Строговича, И. Д. Перлова, А. А. Пионтковского, Г. М. Миньковского и других советских процессуалистов [2].

Взгляд А. Л. Ривлина разделял и чехословацкий проф. Полачек, исходивший из разделения «функций и задач» прокурора и суда в уголовном процессе. В своей статье «Принцип материальной истины, принцип розыска и принцип свободной оценки доказательств» он писал об этом следующее: «Задачей прокурора не является доказательство того, что обвиняемый действительно совершил преступление. Это связано с различием функций прокурора и суда; задача прокурора состоит в том, чтобы подготовить основания для судебного разрешения дела. Прокурор, поддерживая обвинение, допускает, что в ходе разбирательства будут получены доказательства невиновности, тогда как убеждение суда о виновности есть убеждение в том, что исчерпаны все средства доказывания» [3]. Поддержку своему выводу проф. Полачек находил в Уго-

---

[1] А. Л. Ривлин в статье «Предмет допроса в советском уголовном процессе» («Ученые записки Харьковского юридического института», вып. 2-й, 1940, стр. 108) писал: «Между истиной, устанавливаемой в предварительном расследовании дела, и истиной, устанавливаемой на суде, существуют определенные различия, выражающиеся в степени доказанности этой истины. Предварительное расследование призвано установить вероятность виновности обвиняемого, такую вероятность, которая позволяет передать дело на рассмотрение его в суд по существу. Судебное разбирательство устанавливает не вероятность виновности, а достоверность ее...» Подобным же образом рассматривал этот вопрос и М. А. Чельцов. В его работе «Обвиняемый и его показания в советском уголовном процессе» (М., 1947, стр. 40) можно прочесть: «Следователь не решает вопроса о виновности, а только о достаточности данных для направления дела в суд. Поэтому суд может принять его решение и при не вполне установленной виновности привлеченного, при наличии сомнений в ней...»

[2] См.: М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 345; И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 35—37; Г. М. Миньковский, Окончание предварительного расследования и право обвиняемого на защиту, М., 1957, стр. 6—9.

[3] Prof. dr. Polaček. Zásada materiálnej pravdy, zásada vyhl'adovánia a zásada volného hodnotenia dôkazov, Právny obzor, roč. 1952, str. 73 a nasl.

ловно-процессуальном кодексе. Он ссылался прежде всего на § 85, абзац 1, и § 89, абзац 1, пункты «б» и «в» Уголовно-процессуального кодекса 1950 года (Закон № 87 от 12 июля 1950 года).

По нашему мнению, критика советских процессуалистов в адрес А. Л. Ривлина и М. А. Чельцова вполне относится и к проф. Полачеку. Из его взглядов на установление истины в приговоре и в обвинении вытекает, что требование о достижении объективной истины не имеет силы для предварительного следствия и что прокурор может поддерживать обвинение без убеждения в виновности обвиняемого лишь на основе установления вероятности его вины. А это, на наш взгляд, служит теоретическим оправданием необоснованного предания суду невиновных граждан.

Сторонники подобной позиции отождествляют прежде всего два разных вопроса: требование достижения объективной истины и процессуальное значение этого требования. В действительности же требование установления объективной истины имеет силу как для следователя и прокурора, так и для суда; процессуальное значение установления объективной истины различно в зависимости от того, в какой стадии уголовного процесса и кем была установлена эта истина.

Следователь не имеет права закончить расследование и передать дело прокурору с предложением поддержать обвинение, а прокурор не вправе обвинение поддержать, если не установлена объективная истина. Не служит оправданием противоположного то обстоятельство, что на практике может произойти случай, когда обвинение с соблюдением всех формальностей поддержано, но в суде, в противоречие с действительностью, преступление не будет считаться доказанным.

Установить объективную истину — значит обеспечить все доказательства, которые бы однозначно и в полном соответствии с обстоятельствами подтверждали вывод, что обвиняемый совершил преступление, которое является предметом обвинения.

Такой вывод можно сделать прежде всего непосредственно из Уголовно-процессуального кодекса. Согласно § 172 УПК ЧССР 1961 года прокурор утверждает обвинение, «когда результаты расследования достаточно обосновывают предание обвиняемого суду». Каков объектив-

ный критерий «достаточного обоснования предания обвиняемого суду», уголовно-процессуальный закон дословно не указывает. Но это не означает, что такой объективный критерий нельзя вывести из других предписаний Уголовно-процессуального кодекса. Так, из § 186 УПК вытекает, что суд при предварительном рассмотрении обвинения исследует по материалам дела, кроме прочего, достаточно ли дело разъяснено «со всех точек зрения, которые суд признает необходимыми для своего решения, включая решение об исполнении требований о возмещении ущерба». Поэтому Уголовно-процессуальный кодекс в § 188 дает суду возможность производство по делу прекратить, приостановить или возвратить прокурору дело на доследование, «если это требуется для устранения недостатков предварительного следствия либо для надлежащего разъяснения дела».

Возникает, однако, вопрос, когда дело признается надлежаще разъясненным? По этому вопросу закон конкретных предписаний не содержит. Это и невозможно ввиду индивидуальности каждого дела. Следственная, прокурорская и судебная практика выработала общие принципы, которые можно выразить, например, словами авторов комментария Уголовно-процессуального кодекса 1956 года: «Дело ненадлежаще разъяснено, если материал, собранный в предварительном производстве, не представляет достаточных оснований... для решения вопроса о вине и наказании и, если понадобится, о мере пресечения» [1].

Итоги предварительного производства достаточно обосновывают предание обвиняемого суду, когда собрано столько доказательств, что суд по проведении судебного разбирательства может на основании § 126 УПК решать, в частности: имело ли место деяние, за которое преследуется обвиняемый; имеет ли это деяние все признаки некоего преступления; совершил ли это деяние обвиняемый; несет ли обвиняемый за это деяние уголовную ответственность; нет ли обстоятельств, устраняющих наказуемость этого деяния; не примет ли обвиняемого на поруки для исправления по своему ходатайству общественная организация; какому наказанию должен быть подвергнут обвиняемый; в каком размере на обвиняемого должна

---

[1] „Trestny poriadok a predpisy s nim súvisiace", Bratíslava, 1958, str. 255.

быть возложена обязанность возместить ущерб и какая мера пресечения должна быть применена.

Правильность такого вывода вытекает и из требований, касающихся содержания обвинения. Согласно § 173 УПК обвинение должно содержать: все необходимые данные, чтобы обвиняемый не мог быть смешан с другим лицом; формулу обвинения с приведением всех обстоятельств, чтобы деяние не могло быть смешано с иным; и, наконец, описание совершенного деяния с приведением доказательств, которым прокурор обосновывает свое мнение. Эти условия должны быть выполнены уже в процессе самого расследования — к моменту его окончания и представления дела прокурору с предложением утвердить обвинение. Прокурор согласно § 159, абзацу 3, пункту «г» УПК, вправе возвратить дело следователю со своими указаниями для дополнения или согласно пункту «в» того же параграфа лично произвести расследование дела и т. п.

Взгляд проф. Полачека малоубедителен и с точки зрения действовавших в то время норм закона, на которые он ссылается, хотя, правда, прежняя формулировка отдельных положений закона до некоторой степени допускала такое толкование, которое им дал проф. Полачек. В своей упомянутой выше статье, опубликованной в «Юридическом обзоре» в 1952 году, проф. Полачек ссылался прежде всего на § 85, абзац 1 Закона № 87 об уголовном судопроизводстве от 12 июня 1950 года, где изложена обязанность прокурора утвердить обвинение, «если подозрение в преступлении против обвиняемого достаточно обоснованно». При этом проф. Полачек делает упор на слово «подозрение» и одновременно он обходит другую часть фразы — «достаточно обоснованно». И хотя верно, что старый Уголовно-процессуальный кодекс, на который ссылался в свое время проф. Полачек, не решал данного вопроса так ясно и четко, как последующие кодексы, однако нам представляется, что и в том старом кодексе содержатся такие положения, из которых вполне обоснованно вытекает наш вышеуказанный вывод. И прежде всего этот вывод вытекает из § 78 Закона № 87 1950 года, возлагающего на прокурора обязанность производить при расследовании дел «все», что необходимо для обеспечения успешного проведения уголовного судопроизводства.

Больше того, и в практической деятельности можно было встретиться с отдельными фактами, отражавшими точку зрения проф. Полачека. Правда, такие факты трактовались несколько иначе: прокурор может якобы обвинять ошибочно; суд же, как коллегиальный орган, принимает по делу решения, имеющие окончательную силу; этим будто бы достигается бо́льшая убедительность в значимости подобного решения.

Подобные взгляды, отстаивавшиеся некоторыми криминалистами даже после выхода в свет Закона о прокуратуре от 19 декабря 1956 года и нового Уголовно-процессуального кодекса, вполне обоснованно квалифицировались Генеральной прокуратурой ЧССР как проявление недооценки факта предания суду порой невинных людей, как принижение роли института поддержания обвинения и, наконец, как переложение на суд ответственности за обвинение. С учетом негативных сторон эти взгляды подверглись также справедливой критике со стороны целого ряда ученых-юристов ЧССР.

Отрицание значения требования о необходимости установления объективной истины уже на стадии предварительного следствия противоречит основному принципу, содержащемуся в § 16 Закона о прокуратуре, в котором четко сказано, что прокуроры «надзирают за законностью процесса и решений судов и государственного нотариата, как и за законностью исполнения этих решений».

Такое отрицание противоречило бы и задачам расследования, как их определяет современная социалистическая криминалистика и социалистическая наука об уголовном процессе: установить объективную истину, то есть установить в соответствии с действительностью все факты, которые имеют значение для дела; установить местопребывание обвиняемого; предъявить ему обвинение и путем применения законных мер не дать ему уклониться от расследования и суда; принять меры к возмещению ущерба; выяснить все обстоятельства, которые сделали возможным или облегчили совершение преступления, с целью принятия мер к предупреждению аналогичной преступной деятельности.

Деятельность следователя является, в сущности, не чем иным, как процессом познания истины по каждому конкретному уголовному делу. Выражением этого требования и является, в конце концов, принцип объектив-

ности, как он понимается современной социалистической криминалистикой и социалистической наукой об уголовном процессе.

Из вышесказанного видно, что вопрос об объективной истине не является чисто уголовно-процессуальным вопросом. Он не относится лишь к деятельности суда; он касается также всех существенных сторон деятельности следователя и прокурора в предварительном следствии. Поэтому некоторые стороны этого вопроса также изучает и разрабатывает криминалистика. Изучение и знание следователями и прокурорами данного вопроса не является чисто формальным требованием, как это может кто-либо неправильно полагать; наоборот, знание этого вопроса послужит хорошим оружием для успешного выполнения стоящих перед ними трудных и ответственных задач.

Правильное понимание сущности объективной истины в уголовном процессе — дело, несомненно, значительное. Но для нужд практической деятельности только одного понимания еще недостаточно; само понимание является лишь необходимой предпосылкой успешной работы. На практике трудности, и часто немалые, встречаются при установлении истины по конкретному уголовному делу даже и у тех следователей и прокуроров, которые убеждены в ценности принципа объективной истины в уголовном процессе и в возможности ее установления в предварительном производстве. Поэтому на первый план выступает и другая не менее значительная проблема — проблема предпосылок и средств установления и доказывания истины. В нашем случае эта проблема может быть сформулирована так: имеют ли следователь и прокурор все предпосылки и средства для установления объективной истины в предварительном производстве?

Установление объективной истины в предварительном следствии является одной из основных задач органов, действующих в уголовном процессе. Данное положение вытекает прежде всего из § 1 Уголовно-процессуального кодекса от 29 ноября 1961 года, где подчеркивается, что цель этого закона состоит в том, чтобы обеспечить порядок деятельности органов, участвующих в уголовном судопроизводстве таким образом, чтобы преступления были надлежаще установлены и лица, их совершившие, понесли законное наказание. Выше было подчеркнуто, что та-

кое требование имеет силу и для предварительного следствия.

Это значит, что органы предварительного следствия для установления объективной истины имеют все необходимые предпосылки. Уже сам по себе Уголовно-процессуальный кодекс содержит целый ряд действенных гарантий для успешного выполнения этой задачи. Таковы, например, в сущности, все основные принципы уголовного судопроизводства, сформулированные в § 2 УПК: принцип публичности, согласно которому органы, действующие в уголовном судопроизводстве, управомочены производить следственные действия на основе своих служебных обязанностей и в государственных интересах; принцип осуществления права на защиту, который наделяет обвиняемого определенными правомочиями, гарантирует право на личную защиту и, с другой стороны, обязывает органы, действующие в судопроизводстве, устанавливать обстоятельства, как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого; принцип общественности, согласно которому деятельность этих органов осуществляется под контролем народа и при его прямом участии в ней; принцип свободной оценки доказательств, который устанавливает оценку всех собранных доказательств по внутреннему убеждению, в соответствии с законом и социалистическим правосознанием и т. д. Есть здесь и целый ряд процессуальных институтов. Но не только это. Одной из главных гарантий осуществления принципа объективной истины в уголовном процессе является сущность нашего правосудия как правосудия социалистического, которое служит народу и обязано осуществлять принципы социалистической юстиции.

Бытует мнение, что следователи и прокуроры в силу строго централизованной организации прокуратуры и министерства внутренних дел не имеют возможности свободно искать объективную истину в предварительном следствии. Сторонники этого мнения неправильно исходят из того, что следователи и прокуроры якобы не имеют фактических правомочий на оценку ими собранных доказательств по своему внутреннему убеждению; они совершенно надуманно фальсифицируют принцип централизованного построения прокуратуры и министерства внутренних дел, искусственно конструируют противоречия между руководящими и исполнительными органами, видя их

там, где их нет. Так было из-за того, что всеобщее значение придавалось отдельным случаям неправильного вмешательства «сверху», или из-за стремления к какой-то «абстрактной» свободе при оценке доказательств. До издания нового Уголовно-процессуального кодекса они ссылались на § 2, абзац 3, Закона 1958 года, где говорилось об оценке доказательств по внутреннему убеждению лишь у судей, и на § 272, который устанавливал, что прокурор управомочен «давать следственным органам обязательные указания по расследованию преступлений» и т. п.

Наша точка зрения всегда была противоположной этим взглядам. Следователи и прокуроры имеют все средства и предпосылки для успешного установления объективной истины в предварительном следствии. Следователи и прокуроры в поисках, обнаружении истины вполне свободны. Они оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех обстоятельств дела в их совокупности, руководствуясь при этом законом и социалистическим правосознанием. Ни одно доказательство не имеет для них предустановленной силы. Прокуратура и министерство внутренних дел в целом (руководящие и исполнительные органы) в равной мере заинтересованы в установлении объективной истины по каждому расследуемому делу. Этим они, в сущности, исполняют двуединую задачу, которая лежит в основе всего нашего уголовного судопроизводства: обеспечить, чтобы ни одно преступление не осталось нераскрытым, чтобы каждый совершивший преступление был справедливо наказан и, с другой стороны, чтобы ни один гражданин нашего общества не был необоснованно привлечен к уголовной ответственности. Таким же целям призван служить и принцип свободной оценки доказательств прокурором и следователем, о котором в старом законе хотя дословно и не говорилось, но который уже тогда был признан социалистической уголовно-процессуальной теорией. Отрицать это — значит отрицать возможность осуществления указанной двуединой задачи.

Знаменательно и то, что на практике упомянутый принцип, как правило, соблюдается. На деле же эти вопросы приобретают значение лишь в случаях расхождений во взглядах на оценку некоторых доказательств между

следователем и прокурором или между ними и руководящими органами. Для таких случаев устанавливалась хорошая практика — изымать дело и передавать его для дальнейшего производства другому работнику. После закрепления этого важного принципа в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (см. ст. 17), а затем и в нашем новом Уголовно-процессуальном кодексе, а также после введения других гарантий осуществления полного применения этого принципа на практике (например, правила Уголовно-процессуального кодекса о повышении процессуальной самостоятельности следователя) отпал последний аргумент, на который охотно ссылались сторонники тезиса о том, что в предварительном следствии невозможно установить объективную истину.

Одним из средств установления объективной истины в предварительном следствии является мышление следователя в форме следственных версий. Именно следственные версии представляют собой то средство, с помощью которого можно установить и доказать объективную истину в предварительном следствии. Уже в предыдущих разделах данной работы указывалось, что без такой формы мышления, в сущности, невозможно познание того, что мы должны выяснить и доказать в уголовном судопроизводстве. Это объясняется тем, что содержание объективной истины в уголовном судопроизводстве составляет конкретное преступление, которое совершено (или предполагается совершенным) в определенном месте, в определенное время, при определенных обстоятельствах и т. п. Этот предмет нашего познания в каждом конкретном случае уже не может измениться. Изменяются лишь наши знания о нем. При этом следователь не бывает непосредственным очевидцем совершения этого преступления. Знание о расследуемом деле следователь получает постепенно, шаг за шагом. Такая возможность обеспечивается всеобщей связью и взаимообусловленностью явлений объективного мира, в результате чего любое, как правило, преступление (лицо, его совершившее) всегда оставляет определенные следы как на предметах и вещах, так и в сознании людей. Знание этих следов позволяет нам дать определенное объяснение происшедшего события или некоторой его части, стороны и на этой основе произвести проверку известных фактов, поиск других следов и тем самым

обеспечивать быстрое и полное познание расследуемого дела.

На основе обобщения такой практики и использования известных положений марксистско-ленинской философии криминалистика выработала определенный научно-тактический способ установления и доказывания объективной истины в предварительном следствии, которым и является мышление в форме следственных версий, или просто следственные версии.

5. Следственные версии как одна из форм сложного мыслительного процесса

Этот вопрос был рассмотрен частично уже в предыдущей части работы. В данном же разделе исследуются некоторые другие его стороны. Представляется целесообразным рассмотреть первым вопрос о собственно мыслительном процессе в форме следственных версий и его этапах.

Нашим исходным положением является то, что мышление в форме следственных версий есть единый процесс, включающий как построение следственных версий, так и их проверку. Всякое расчленение этого единого процесса или его отождествление с иной мыслительной деятельностью следователя противоречит, на наш взгляд, одному из основных положений марксистской философии, положению о гипотезе как форме и процессе отражения явлений материального мира в сознании человека, как об определенной форме субъективного отражения объективного мира. Эта наша точка зрения полностью подтверждается следственной практикой. Пример с убийством молнией Илоны X., который был описан в одном из предыдущих разделов, является убедительным тому доказательством.

Когда следователю было поручено расследованне этого дела, он начал собирать факты, которые могли бы определенным способом объяснить дело. Как уже известно, следователь вышел на место происшествия, произвел его осмотр, допросил первых свидетелей, в том числе родителей убитой, и назначил судебно-медицинскую экспертизу. Собранные материалы он подверг подробному всестороннему изучению, логическому анализу и оценке. Таким образом следователь установил, что собранный на данный

момент фактический материал допускает разные объяснения и различные предположения, которые он и положил в основу отдельных следственных версий. Одновременно он определил круг следствий, которые в случае истинности версии должны были существовать в действительности. Но на этом его мыслительный процесс не закончился. После изучения вопроса, какими следственными действиями можно наиболее эффективно установить существовавшие в прошлом факты, следователь приступил к целеустремленному планомерному проведению этих действий, к проверке следственных версий. Таким путем ему удалось установить другие, дополнительные материалы, и процесс стал развиваться дальше вплоть до установления таких доказательств, которые уже исключали многозначность объяснений дела.

В следственной практике, как и в некоторых трудах криминалистов, под понятием следственной версии понимается лишь определенный результат мышления: вывод в форме догадки, гипотезы, предположительное объяснение определенного факта или события, как проблематическое суждение. Возникает вопрос, правильно ли это. Полагаем, что вообще это правильно. Поэтому в дальнейшем мы будем это понятие употреблять там, где не понадобится выразить более глубоко его сущность. Однако, на наш взгляд, нельзя сводить догадку, которую следователь кладет в основу следственной версии, лишь к проблематическому суждению и отрывать ее от способов получения и проверки следственной версии. И поэтому, если потребуется когда-либо отразить эту специфичность, следует обязательно проводить при этом различия между следственной версией, догадкой, составляющей основу этой следственной версии, мышлением в форме следственных версий, методикой построения и проверки следственных версий и т. д.

Следственная версия — это сложный, единый, многогранный мыслительный процесс, основу которого образует предположение (но не одно лишь проблематическое суждение) и который включает также определенные результаты познавательного процесса, но который нельзя свести только к какому-нибудь одному из этих результатов. Короче говоря, это процесс, в ходе которого достигаются познание и доказывание объективной истины в уголовном процессе. Недооценка этого определения служит

для одних криминалистов поводом к отрыву планирования расследования от следственной версии, для других, наоборот, к их отождествлению и тем самым к сужению роли и значения следственной версии при установлении объективной истины по конкретному уголовному делу.

В этом едином мыслительном процессе можно выделить и распознать путем абстрагирования определенные этапы, стадии. Мышление в форме следственных версий проходит несколько этапов. Мнения криминалистов о числе этих этапов различны. Так, например, авторы советского методического пособия «Планирование расследования преступлений» подразделяют мыслительный процесс на пять этапов [1]. О. В. Никренц в своей кандидатской диссертации «Судебная версия как разновидность гипотезы» говорит о четырех этапах и т. д. Однако мнения большинства криминалистов сходятся в одном: между этапами существуют тесные отношения и все они взаимосвязаны и взаимозависимы.

На наш взгляд, мыслительный процесс можно подразделить на три этапа. Такое деление, как нам представляется, позволит глубже провести анализ отдельных этапов. Первый этап — собирание фактического материала, его логический анализ и оценка. Второй этап — выведение и формулировка собственно следственных версий, включая выведение и формулировку предположений, составляющих основу этих следственных версий. Третий этап — выведение следствий, которые должны существовать в случае истинности отдельных следственных версий, и проверка существования этих следствий.

Познание и доказывание объективной истины — сложный, многосторонний процесс. Одной из сторон этого процесса является переход от незнания к знанию, от относительно истинного к абсолютно истинному познанию. В этом выражается диалектическая сторона познания объективной истины, устанавливаемой в уголовном процессе. В этой связи возникает существенный, но до сих пор спорный в криминалистической литературе вопрос: можно ли говорить о познавательной ценности следственной версии, об истинности или неистинности следствен-

---

[1] См.: А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин, Н. А. Якубович, Планирование расследования преступлений, М., 1956, стр. 30.

ной версии?[1] Можно ли практически установить, идет ли процесс познания при расследовании по конкретному делу путем установления объективной истины или заблуждения?

В марксистской философской литературе по вопросу о гипотезе встречаются самые противоположные ответы. Так, например, П. В. Копнин выразил свой ответ следующим образом: «...Отражение объективной действительности в форме гипотезы носит характер относительной истины, то есть является приблизительно верным отражением мира, предположительным объяснением явлений природы и общества. Дальнейшее развитие научного знания ведет или к замене одной гипотезы другой, или к смене гипотезы доказанной теорией.

При этом движение нашего знания от одной гипотезы к другой не есть переход от одного заблуждения к другому, как это представляют релятивисты, а поступательное развитие от одной относительной истины к другой, ближе стоящей к абсолютной.

Каждая гипотеза как относительная истина, поскольку она является объективной истиной, содержит в себе отдельные стороны, моменты, элементы абсолютного знания, причем с развитием научного знания от одной научной гипотезы к другой этот момент абсолютного, абсолютно достоверного увеличивается, а научная ценность гипотезы тем самым повышается»[2].

И в последующей своей работе «Гипотеза и познание действительности» П. В. Копнин снова убедительно доказывает, что в процессе мышления вообще, стало быть, и в форме смены гипотез происходит изменение его объективного содержания. Гипотеза как процесс мышления включает в себя как определенный момент отдельные выводы. При этом правомерен вопрос, в какой мере гипотеза отражает вещи, процессы, обстоятельства так, как они существуют независимо от нашего сознания. «В каждой

[1] Понятие «истинная или неистинная следственная версия» неточно выражает то, что хотел бы сказать автор, который под этим имеет в виду лишь то, что следственная версия (как это точно выразил Л. Б. Баженов применительно к понятию «истинная гипотеза») сама по себе объективно истинна, но в данный момент еще не доказана (см.: Л. Б. Баженов, Основные вопросы теории гипотезы, М., 1961, стр. 30).

[2] П. В. Копнин, Место и значение гипотезы в познании, «Вопросы философии», 1954, № 4, стр. 50—51.

гипотезе следует различать две стороны: 1) что она отражает из объективного мира и как точно; 2) какие перспективы она раскрывает для дальнейшего развития научного познания»[1].

Можно ли применить этот взгляд и к следственной версии?

В криминалистической литературе встречаются еще взгляды, что вообще нельзя ставить так этот вопрос. С точки зрения содержания применяемых при этом аргументов криминалистов можно разделить на две различные группы. Представители одной группы ссылаются, в сущности, на различия целей и средств познания; представители другой — на требования соблюдения и укрепления социалистической законности в уголовном процессе.

Познавательная сторона в процессе мышления выступает по отношению к следственным версиям как цель, как процесс опосредствованного познания события, которое произошло в прошлом, как процесс приобретения и развития знаний об этом событии путем обобщений и выводов[2]. Значит, здесь мы имеем дело, с одной стороны, с целью, которую можно достичь лишь путем применения определенных средств, и, с другой стороны, со средствами, которые существуют лишь для того, чтобы служить достижению этой цели.

Это обоснованное положение привело некоторых теоретиков к выводу, что утверждение об истинности или неистинности следственной версии относится лишь к отдельным ступеням знания, которые определяются опять-таки с помощью этих же средств — следственных версий; что же касается самих следственных версий, то о них якобы невозможно утверждать, истинны они или неистинны.

По мнению других теоретиков, принятие вывода об истинности следственных версий могло бы на практике привести к далеко идущим отрицательным последствиям; оно открыло бы путь прежде всего для многих нарушений социалистической законности в уголовном судопроизводстве[3]. Это могло бы вести к случаям необоснованного пре-

---

[1] П. В. Копнин, Гипотеза и познание действительности, Киев, 1963, стр. 93—95.

[2] См.: А. В. Савинов, Логические законы мышления, Л., 1958, стр. 8.

[3] См.: А. А. Старченко, Гипотеза, М., 1962, стр. 6—7.

дания суду невиновных граждан лишь только потому, что объективная истина признавалась бы уже «установленной» самим построением следственной версии, хотя в этот момент только отдельные ее «зерна» соответствовали бы действительности.

Установление и доказывание объективной истины, являющиеся основными условиями решения вопроса, можно или нельзя предавать обвиняемого суду, утратили бы характер главного принципа уголовного процесса, характер существенной гарантии соблюдения социалистической законности в уголовном процессе.

Мы не ставим перед собой задачу полностью решить этот вопрос. Решение его практически выходит за рамки криминалистической науки. Оставим в стороне и вопрос о правильности постановки этой проблемы в вышеприведенной форме. Укажем, однако, на некоторые дальнейшие обстоятельства, существенные с точки зрения ответа на поставленный вопрос.

На наш взгляд, здесь, с одной стороны, проявляется неправильное понимание объективной истины, к которой мы стремимся в уголовном процессе, а с другой стороны — механически разрываются две стороны одного и того же предмета. Мы исходим из того, что в предварительном следствии устанавливается объективная истина, которую нельзя отождествлять с ее критерием. Она существует независимо от того, была ли она проверена и каким способом. Решающим в данном случае является, правильно ли отражена в сознании объективная действительность, конкретное преступление, которое совершено или не совершено в определенном месте, в определенное время и т. п.

Следственные версии являются средством познания объективной истины. Одновременно они являются формой отражения собранного на данный момент фактического материала в сознании следователя. Это означает, что источником обоснования следственной версии является объективный мир, конкретные следы, оставленные в сознании людей и на предметах, если расследуемое событие произошло, либо их отсутствие, несуществование, если событие не произошло. Это отражение в форме следственной версии, являющееся приблизительно верной картиной существующих следов, имеет как объективное содержание — объективно установленные факты, лежащие в ее ос-

нове, так и момент заблуждения, искажения и огрубления действительности.

Дальнейшее собирание фактического материала ведет к расширению объективной основы, вследствие чего либо заменяется одна следственная версия другой, либо проводится уточнение, дополнение уже построенной следственной версии, и так до самого окончания процесса познания расследуемого факта. Последнее в свою очередь выражается в подтверждении одной-единственной следственной версии и исключении всех остальных. Это означает, что в момент построения следственных версий сами мы еще не можем решить, что составляет объективно истинную основу версии и что — заблуждение или огрубление действительности. Поэтому-то на практике и встречаются еще версии, которые в ходе расследования оказываются ложными.

Следственная практика показывает, что следователь, когда строит несколько следственных версий, еще не знает, которая из них будет соответствовать действительности; если бы он это знал, то не должен бы их вообще строить. Собранный материал, допускающий в данный момент различные объяснения, а иногда одно-единственное объяснение, оставшееся после исключения остальных, не является еще доказанным. Но факты, которые не допускают различного объяснения, надо считать достоверно установленными уже по одному этому основанию.

Следственная версия строится на основе определенного фактического материала. Таким образом, построенные следственные версии являются отражением этого материала в сознании следователя. В ходе их проверки постепенно отпадают все версии, кроме одной-единственной. Но вместе с тем из каждой исключенной следственной версии остаются некоторые факты. Отпадает лишь то, что представляло заблуждение.

Обоснованная, реально возможная следственная версия всегда знаменует определенный переход от известных фактов к их новому объяснению, которое в принципе тоже может оказаться ложным. Это, однако, не отрицает познавательного характера собранных материалов, фактов (объективной основы отражения). Утверждение о познавательном характере следственных версий не может, на наш взгляд, отрицательно влиять на требование соблюдения и укрепления социалистической законности в

уголовном процессе, потому что объективная истина как основа решений различных органов, действующих в уголовном процессе, должна быть всегда доказана, и притом уголовно-процессуальными средствами, предусмотренными законом. Это положение является одной из важнейших гарантий против подмены объективной истины предположением или гипотезой, которая лежит в основе следственной версии.

Обоснованность вышеприведенных выводов можно проиллюстрировать на примере расследования смерти Отилии Д.

21 мая 1958 года рано утром следователю стало известно, что около железнодорожного полотна, на 165 км, лежит труп женщины. Вскоре следователь прибыл на место происшествия. Присутствовавшие граждане опознали в трупе 18-летнюю Отилию Д. После опроса свидетеля, обнаружившего труп, следователь приступил к осмотру места происшествия. Его внимание привлекли следующие обстоятельства: железнодорожный путь на участке, где был обнаружен труп Отилии Д., двухколейный, ровный и хорошо обозримый со всех сторон. На краю откоса полотна, возле первой колеи, заметны следы, свидетельствующие, что кто-то в нескольких местах валялся на траве. В одном месте, на сильно помятой траве, виднеется небольшая пуговица. Невдалеке лежит военная фуражка. Рядом со второй колеей напротив места, где была найдена фуражка, на тропинке, лежит дамская сумочка с косметическими принадлежностями. Рядом с железнодорожным полотном, в канаве, находится труп Отилии Д., на котором видны многочисленные ранения и следы крови. На белой блузке Д. недостает пуговицы, похожей на ту, что была найдена на другой стороне полотна, около фуражки. Под левым коленом — лужа крови, хотя на колене ранения не имеется. Вероятно, кровь натекла из раны на голове, а это значит, что кто-то уже переворачивал труп.

Возле трупа оказался отпечаток обуви. Подобные следы были обнаружены и в поле. Они вели к ограде неподалеку расположенных военных казарм. Врач, производивший судебно-медицинское вскрытие, сделал подробное описание ранений: у Отилии Д. перелом левой бедренной кости, трещины в правой части грудины, переломы и трещины в верхней и нижней частях черепной коробки и

множество других мелких ранений. Одновременно врач констатировал, что эти многочисленные ранения были причинены наездом поезда. Смерть наступила мгновенно между 00 часом 30 минутами и 01 часом 30 минутами.

При микроскопическом исследовании пятен, обнаруженных на юбке Д., судебно-медицинский врач установил наличие мужской спермы; это свидетельствовало о том, что перед самой смертью Отилия Д. имела половое сношение, которое было внезапно прервано (koitus interruptus), в результате чего юбка потерпевшей была забрызгана спермой. Из информативного опроса матери потерпевшей следователь узнал следующее: вечером, перед смертью, Отилия Д. была в клубе на танцах. Около 23 часов вместе со своей матерью Отилия ушла с танцев. Их провожал до дома незнакомый ей солдат, с которым дочь танцевала в клубе. Когда подошли к дому, мать оставила дочь наедине с солдатом. Поздно ночью мать вышла на улицу посмотреть на дочь, но нигде ее не нашла. Поискала еще ее недалеко от дома, но безрезультатно. И она пошла спать в надежде, что дочь скоро вернется. О смерти дочери она узнала только рано утром.

На основе анализа собранного материала следователь пришел к выводу, что Отилия Д. была задета мчавшимся на большой скорости поездом, от чего и умерла. Характер ранений полностью это подтверждал. Однако собранный к тому моменту материал не позволял сделать однозначного вывода о том, почему потерпевшая была задета поездом.

На месте происшествия оказалась военная фуражка, следы обуви, помятая в нескольких местах трава, оторванная пуговица от блузки потерпевшей, мужская сперма на юбке и т. д. Все это указывало на то, что на месте происшествия находилось еще одно лицо, судя по всему, солдат, с которым Отилия Д. непосредственно перед смертью имела половое сношение. Это лицо, судя по всему, явилось свидетелем смерти Отилии Д. и, вероятно, данное лицо перемещало труп. Существенным было и то, что это лицо до сих пор умалчивает о своем присутствии при смерти Отилии Д. и никому не сообщило об этой смерти, даже родителям Отилии Д., хотя, вероятно, оно знало, где они проживают.

Эти обстоятельства могли также свидетельствовать о том, что Отилия Д. была изнасилована и потом брошена

под проходящий поезд с целью сокрытия совершенного преступления.

С другой стороны, не исключалась возможность, что Отилия Д. попала под поезд в результате собственной неосторожности. Лицо, которое было свидетелем, не сообщило о случившемся из опасения неприятностей или по каким-то другим соображениям.

После построения следственных версий следователь приступил к их проверке. Однако им была допущена методологическая ошибка. Он направил свои усилия на проверку лишь первой версии. Это оказалось неправильным.

Когда же следователь дополнительно установил, что фуражка, найденная на месте происшествия, принадлежит Иозефу В., и когда тот на первом же допросе решительно заявил, что вообще не знает Отилию Д. и что не был вместе с ней в критическую ночь на месте происшествия, следователь взял его под стражу и предъявил ему обвинение.

На втором допросе после предъявления фуражки Иозеф В. сообщил, что с Отилией Д. он был знаком давно. В критический вечер он провожал ее домой. Около дома, после ухода матери, Отилия Д. сама предложила ему прогуляться. И они пошли через поле, к железнодорожному полотну. По дороге он расстегнул ей пальто и блузку и стал ощупывать груди. Она не препятствовала этому. Вскоре он начал склонять ее к половому сношению. Сначала она отказывалась, но потом согласилась. Половой акт он закончил, не спуская сперму во влагалище. Во время полового сношения она откинула в сторону его фуражку и стала гладить его волосы. По окончании полового акта они оба начали искать фуражку, но не нашли. В то время мимо проходил поезд. Иозеф В. вдруг заметил, как Отилия Д. перед самым поездом перебежала на другую сторону полотна. После проследования поезда он начал звать ее, но она не отзывалась. Тогда он направился через поле в гарнизон. Поскольку на нем не было фуражки, он пробрался в казарму через забор. Иозеф В. предполагал, что Отилия Д. убежала домой или спряталась.

Между тем криминалистическая экспертиза подтвердила, что след, обнаруженный возле трупа, был оставлен обувью, принадлежащей Иозефу В. При предъявлении этого доказательства Иозеф В. дополнил свои показания: после прохода поезда, когда на его крик Отилия Д. не

отозвалась, он перешел на другую сторону и увидел, что у железнодорожного полотна лежит Отилия Д. Он подошел к ней, приподнял ее левой рукой и, когда она не проявила ни одного признака жизни, опустил ее на землю и, очень испугавшись, что на него падет подозрение в убийстве, ничего не соображая, убежал домой, в казарму.

Лишь на этой стадии следователь начал конкретно и целенаправленно заниматься проверкой второй версии. Помимо прочего, он назначил судебно-медицинскую экспертизу. Вывод судебного эксперта «изумил» следователя. Судебная экспертиза решительно исключила то обстоятельство, что Отилия Д. была кем-то брошена под поезд. Если бы она была брошена с правой стороны по ходу поезда, это не привело бы к перелому левой ноги с внутренней стороны и вместе с тем к повреждению правой части грудной клетки и правой части черепа, причем на шпалах, с наружной стороны колеи, не осталось бы следа каблука от левого ботинка. И напротив, исключено, чтобы она была брошена с левой стороны по ходу поезда, при относительно большом расстоянии между железнодорожными путями. В случае ее падения с левой стороны произошли бы ранения другого характера. Эксперт однозначно констатировал, что Отилия Д. была задета правой стороной паровоза, причем подножкой была сломана ее левая бедренная кость, и одновременно, получив резкий удар от паровоза в правую область груди и в правую часть головы, она была отброшена с большой силой и скоростью с железнодоржного полотна в канаву, рядом с насыпью. Поездом она была задета в тот момент, когда ее левая нога уже твердо стояла с внешней стороны колеи. То обстоятельство, что правая нога не была ни сломана, ни серьезно повреждена, свидетельствует о том, что в момент удара Отилия Д. занесла эту ногу свободно в воздухе, намереваясь сделать очередной шаг.

Этот вывод судебной экспертизы подтверждали все собранные к этому времени материалы. Полностью соответствовал этот вывод и доказательствам, собранным в дальнейшем ходе расследования. Так была доказана истинность второй следственной версии, согласующейся с последним объяснением Иозефа В. Одновременно обоснованно была исключена первая версия.

Какие общие выводы можно сделать из этого дела для подтверждения нашей позиции? Как видно, следователь

сначала построил следственную версию об убийстве Отилии Д. с участием второго лица. При этом он исходил из фактического материала, который установил, по существу, на основе проведения первоначальных следственных действий. В ходе проверки этой версии оказалось, что его суждения не соответствуют действительности. Отилия Д. была задета поездом в результате собственной неосторожности. Мы видели, как из следовательских объяснений собранного материала отпали как не соответствующие действительности определенные «дополняющие» связи, «затычки дыр» и как остались «зерна» абсолютной истины, достоверным образом установленные факты, на которых эти дополняющие связи покоились: Иозеф В. был на месте происшествия вместе с Отилией Д., непосредственно перед ее смертью имел с ней половое сношение, оставил на месте происшествия свою фуражку и отпечаток обуви и т. п.

Все перечисленные факты в начале расследования представляли собой основу объективной истины относительного характера, а по окончании расследования вместе с другими фактами — основу объективной, абсолютной истины. Существенно и следующее замечание: познавательная ценность следственных версий изменяется по мере постепенного накопления собираемых материалов. По мере того как следователь устанавливал отдельные достоверные факты, происходило и постепенное развитие процесса познания истины в этом уголовном деле.

При внимательном изучении процесса мышления в форме следственных версий можно заметить, что изменяется наш характер знаний о следственной версии и в ином направлении: происходит постепенный переход от вероятного знания к достоверному знанию. Следственная версия, предположение, которое лежит в ее основе, как одно из реально возможных объяснений определенного факта или группы фактов и обстоятельств рассматриваемого случая, являются, по сути, не чем иным, как вероятным знанием. Этот вероятный характер они сохраняют независимо от того, правильно ли отражают действительность, относящуюся к прошлому, или нет. Вывод следователя, построенный на основе установленных фактов и обстоятельств случая, что преступление совершил, например, Франтишек Новак, и он действительно совершил это преступление, является истинным независимо от того, что

этот факт еще не доказан, что вывод имеет характер лишь вероятного знания. Это и есть выражение самой сущности объективной истины как согласия нашего мышления с объективной действительностью, которое оно отражает.

В ходе расследования путем проверки установленных фактов и обстоятельств, путем постепенного собирания доказательств одни версии отпадают, а степень вероятности других повышается. Этот процесс количественных изменений происходит до тех пор, пока не приведет к качественным изменениям нашего знания об исследуемом событии, пока вероятное знание не заменится достоверным. Поэтому, если мы хотим правильно понять сущность процесса мышления в форме следственных версий, мы должны изучить вопрос следственной версии и с точки зрения ее отношения к таким понятиям, как вероятность и достоверность. Здесь мы вступаем в сферу исследования вопроса, где, собственно, выступает на первый план его философская сторона: отношение следственной версии к категориям возможности, действительности и необходимости.

В этом случае возникает целый ряд вопросов, много неясностей, противоречивых взглядов и т. п. Прежде всего несколько слов о необходимости последовательного разграничения между категориями вероятности и достоверности, с одной стороны, заблуждения и истины—с другой. Каждая пара этих категорий помогает нам познавать, характеризовать процесс мышления, в том числе в форме следственных версий, с разных сторон.

В философской литературе распространен взгляд, согласно которому вероятность есть нечто, находящееся между заблуждением и истиной [1]. Мы относим себя к сторонникам противоположной точки зрения. Совместно с ними мы полагаем, и нам дает на то право подробный анализ мышления в форме следственных версий, что между заблуждением и истиной не существует ни одной промежуточной ступени, ни одного промежуточного звена, которое мы могли бы назвать вероятностью; категориями вероятности и достоверности не характеризуется объективное содержание нашего мышления, но дается оценка степени обоснованности, доказанности определенного вывода нашего мышления. «Вероятность непосредственно выражает логическое отношение суждения к иным суждениям,

---

[1] См.: «Философская энциклопедия», т. 1, М., 1960, стр. 242.

правдивость которых установлена, но не отношение суждения к объективной действительности. Изменение (повышение или понижение) степени вероятности суждения не означает никаких изменений его объективного содержания, не ведет к повышению или к понижению объективно истинных моментов в нем, к очищению знания от иллюзий. Например, если наука установит новый аргумент для обоснования тезиса, что на Марсе находятся живые существа, вероятность этого суждения повышается, но в его объективном содержании не произойдет никаких изменений, оно останется тем же, но изменится наше отношение к нему, и поэтому надо различать процесс развития познания от заблуждения к истине и процесс перехода от вероятности к достоверности» [1].

Из этого следует, что достоверность нельзя отождествлять с истинностью нашего мышления, подобно тому как нельзя ставить знак равенства между вероятностью и заблуждением. При этом, однако, между этими категориями существует тесная взаимосвязь.

Полагаем, что подобное решение этого значительного философского вопроса помогло бы разрешить и целый ряд до сих пор спорных уголовно-процессуальных и криминалистических вопросов. Оно указывает путь преодоления многих трудностей, встречающихся в решении вопроса об установлении и доказывании истины в уголовном процессе. В нашем конкретном случае оно поможет разграничить отношение следователя к догадке, положенной в основу версии, от объективного содержания этой догадки. Понимание этого обстоятельства позволит ему в первом случае не довольствоваться построением предположения, но сделать все необходимое для его всесторонней проверки и доказывания, для замены вероятного знания достоверным и в то же время не позволит ему отождествлять произведенные догадки, положенные в основу следственной версии, с объективной истиной. Из этого же вытекает, что следователь должен целенаправленно применять следственные версии, последовательно строить версии лишь на основе достоверно установленных фактов.

В криминалистической литературе встречается взгляд на вероятность как меру возможности. Но известна и иная

---

[1] П. В. Копнин, Гипотеза и познание действительности, Киев, 1963, стр. 50.

точка зрения, согласно которой при выработке следственных версий вначале в большинстве случаев имеются основания для предположения не о вероятности, но лишь о возможности: «Возможно, что произошло убийство», «Возможно, что произошло самоубийство», «Возможно, произошел несчастный случай», и что лишь позже, в процессе проверки этих версий, следователь переходит от этих «возможностей» к разным степеням вероятности. Это по своим выводам могло бы означать, что сторонники этого взгляда допускают существование, с одной стороны, какой-то чистой «возможности», которая переходит в вероятность, и, с другой стороны, «вероятности», которая приходит уже после возможности [1].

В отличие от этих криминалистов мы считаем, что вероятность есть общий и необходимый признак возможности. Подобно некоторым марксистским философам мы исходим из того, что нет и не может существовать возможности, которая не имела бы и минимума вероятности. Это обусловлено самой объективной основой возможности. Возможность всегда есть возможное положение конкретного объекта. Она выявляет не только определенные этапы развития этого объекта, но и его внутренние тенденции [2]. И выражение этой возможности происходит именно с помощью разных ступеней вероятности. Познание вероятности, как правильно отмечает Л. В. Смирнов, есть, по существу, не что иное, как необходимая составная часть познания возможности вообще [3].

Поэтому, если на основе определенного фактического материала (хотя бы и отрывочного) мы строим следственные версии, наши предположения всегда имеют характер вероятности, который выражает различные степени обоснованности конкретной возможности. Объем фактической информации не обусловливает, таким образом, характер предположения с точки зрения двух ее степеней: возмож-

---

[1] Подобного взгляда придерживается, по нашему мнению, советский криминалист Г. Б. Карнович. Об этом можно судить по его краткому замечанию к статье А. М. Ларина «Переход от вероятности к достоверности при проверке версий на предварительном следствии» в сб. «Советская криминалистика на службе следствия», 1959, № 12, стр. 28.

[2] См.: Л. В. Смирнов, Категория вероятности, «Вопросы философии», 1958, № 12, стр. 82.

[3] Там же, стр. 83.

ности или вероятности. Но он определяет наше отношение к содержанию следственных версий, к их познавательной ценности, степень их вероятности.

Тем самым, на наш взгляд, обусловливаются некоторые выводы, которые имеют непосредственное отношение к следственной практике. Вероятность как мера возможности является исходным пунктом для выполнения задач, стоящих перед следователем в ходе расследования по конкретному делу. Однако ее нельзя свести к условиям начала расследования согласно § 164 УПК или даже к условиям предъявления обвинения согласно § 165 УПК; этому препятствует прежде всего сама буква этих параграфов: в первом случае говорится, что расследование начинается, когда «установленные обстоятельства указывают, что было совершено преступление», в другом случае обвинение предъявляется, «когда имеется достаточно обоснованный установленными обстоятельствами вывод, что преступление было совершено определенным лицом».

В криминалистической литературе встречаются также взгляды, в определенной мере сужающие понятие «вероятность». Но делается это с иных позиций. Некоторые криминалисты и процессуалисты понимают вероятность как степень возможности, как степень приближения к необходимости или к действительности либо как определенный объем основы возможности. При таком подходе недооценивается то одна, то другая сторона содержания вероятности. С подобным взглядом можно встретиться в трудах М. С. Строговича. В своей монографии «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе» он характеризует вероятность как «...степень возможности наступления определенного события, возникновения определенного предмета» [1].

Подобное определение вероятности, в сущности, является достаточным для разграничения вероятности и достоверности в уголовном процессе. Следует при этом полностью согласиться с М. С. Строговичем, поскольку этим разграничением проводится и подчеркивается, что вероятность независимо от своей степени не перестает быть догадкой (проблематическим суждением) и поэтому невозможно исключить в данный момент еще вероятности про-

---

[1] М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 84.

тивоположного. Вероятность здесь означает лишь то, что у следователя нет достаточных доказательств для достоверного вывода, совершено ли преступление, совершил ли его обвиняемый и т. д. На эти его слова ссылается и их цитирует целый ряд криминалистов и процессуалистов социалистических стран. И мы с ними вполне солидарны.

В то же время мы полагаем, что подобное одностороннее определение вероятности обусловливает в своих следствиях некоторые дальнейшие, па наш взгляд, уже спорные выводы М. С. Строговича. Имеется в виду прежде всего его вывод, что «вероятность виновности обвиняемого может быть очень высока, в действительности же обвиняемый не виновен; вероятность виновности обвиняемого может быть очень низка, в действительности же обвиняемый виновен. Все зависит от того, какие доказательства по делу удалось получить следствию и суду. Раз речь идет о действиях и фактах, имевших место в прошлом, вероятность самой высокой степени может быть так же далека от истины, как и вероятность самой низкой степени» [1].

Мы полагаем, что уже в этом выводе имеется определенная неточность, так как, по нашему мнению, вероятность явления зависит от данных, имеющихся в нашем распоряжении; она объективна в отношении к определенным обстоятельствам и в то же время субъективна, поскольку знание определенных данных зависит от субъективной познавательной ситуации.

В конечном счете приведенная выше формулировка М. С. Строговича есть недооценка объективного характера вероятности, хотя следует признать, что М. С. Строгович в других местах правильно подчеркивает значение объективного характера вероятности и исходит из него. Если стать на точку зрения, что вероятность имеет объективный характер, то после этого неправильно представление следователя о максимальной или минимальной степени вероятности сводить лишь к его «чисто» субъективному убеждению. Степень вероятности, какой бы ни казалась она максимальной, всегда соответствует своему действительному объективному основанию. Утверждение, что «вероятность и самой высшей степени может быть так

---

[1] М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 85.

же далека от истины, как и вероятность наименьшей степени», мы считаем чрезмерно упрощающим проблему. Полагаем, более правильно противоположное: вероятность высшей степени является «наиболее приближенной к истине», тогда как вероятность самой низшей степени является «наиболее удаленной от истины».

Степень вероятности не определяется простым подсчетом собранного материала. То обстоятельство, что в ходе расследования мы посредством разных доказательств собрали больше фактов, которые подтверждают лишь определенную следственную версию, еще не дает нам права сделать вывод, что ее мера возможности выше. Степень вероятности, на наш взгляд, зависит прежде всего от того, какова познавательная ценность собранного материала, в какой мере наши выводы, основанные на этом материале, правильно отражают расследуемое событие. Это значит, что следственная версия, основанная заведомо на одном-единственном факте, может иметь более высокую степень вероятности, чем версия, которая в определенный момент «опирается» на несколько фактов.

Так и было в приведенном нами примере. Следственная версия о том, что смерть Отилии Д. наступила в результате несчастного случая, в котором виновата сама потерпевшая, имела более высокую степень вероятности, была ближе к истине, чем версия об убийстве, совершенном Иозефом В. В первом случае мы видели, что следственная версия была подтверждена, по сути, лишь характером ранений; во втором случае вероятность следственной версии была якобы «повышена» целым рядом фактов и обстоятельств: обнаружением на месте происшествия фуражки Иозефа В., отпечатков его обуви; свидетельскими показаниями матери потерпевшей, что в критическую ночь она оставила Отилию Д. в обществе незнакомого солдата; упорным отрицанием Иозефом В. того, что он был на месте происшествия с Отилией Д.; свидетельскими показаниями командира подразделения о том, что Иозеф В. возвратился из увольнения после двух часов ночи, и т. д.

Полагаем, что при этом мы не противоречим взглядам тех теоретиков, которые утверждают, что степень вероятности зависит от полученной информации. Весьма мала вероятность, что метание 10 игральных костей даст в сумме 10 очков. Но если мы установим, что сумма оч-

ков при метании восьми из десяти брошенных костей дала 8, вероятность того, что сумма очков брошенных десяти костей даст 10, гораздо больше, чем если бы мы этой информации не имели. Здесь, по сути, речь о том, как понимать понятие информации.

На что опираются эти наши выводы? Мы исходим из того, что вероятность как мера возможности выражает, с одной стороны, количественную характеристику возможности и, с другой стороны, — ее степень приближения, ее способность превратиться в действительность [1].

Подобное понимание вероятности мы можем встретить и в трудах классиков марксизма-ленинизма. Так, В. И. Ленин в работе «Революция типа 1789 года или типа 1848 года?» указывал, что важный вопрос относительно русской революции состоит вот в чем:

1) Дойдет ли она до полного свержения царского правительства, до республики?

2) Или ограничится урезкой, ограничением царской власти, монархической конституцией?

Одновременно В. И. Ленин ставил вопрос: какой тип вероятнее? К ответу на этот вопрос В. И. Ленин приходит путем подробного учета всех «за» и «против». Если ближе рассмотреть приводимые аргументы, то можно видеть, что В. И. Ленин здесь оценивает отдельные вероятности с точки зрения возможности и в этой связи показывает как на величину основания каждой возможности, так и на способность каждой возможности превратиться в действительность [2].

Этот свой объективный характер вероятность сохраняет и при установлении объективной истины в уголовном процессе. Здесь мы имеем дело с фактами, действиями, которые произошли либо не произошли в прошлом. Познавательная ценность наших предположений, положенных в основу следственных версий, в ходе расследования изменяется. Чем больше величина основы определенной возможности, которую создают материалы, доказательства, установленные в ходе расследования, тем выше вероятность наших предположений, тем выше степень наше-

---

[1] См.: Л. В. Смирнов, Категория вероятности, «Вопросы философии», 1958, № 12, стр. 83.

[2] См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 9, стр. 380—382.

го приближения к достоверности, к истине в конечном счете.

Из этого вытекает существенное для нашей следственной практики требование: подробно, параллельно проверять все следственные версии, то есть следственные версии, которые кажутся очень вероятными и менее вероятными. Переоценка следственной версии, как в случае смерти Отилии Д. было с версией об убийстве, совершенном Иозефом В., приводит в результате к неправильному привлечению к уголовной ответственности. Этого нарушения социалистической законности не произошло бы, если бы следователь уже с самого начала правильно, параллельно проверял все принятые во внимание обоснованные версии. Уже правильная оценка протокола вскрытия трупа Отилии Д. и своевременное проведение судебно-медицинской экспертизы показало бы, что Отилия Д., судя по характеру ранений и другим следам на месте происшествия, не могла быть брошена под поезд другим лицом.

В криминалистической литературе вероятность и достоверность, как правило, рассматриваются как полярные категории [1]. Возникает, однако, вопрос, действительно ли вероятность всегда и всюду связана с достоверностью как своей противоположностью? Частичный ответ на этот вопрос мы дали в предшествующем анализе. И здесь мы исходим из взглядов некоторых марксистских философов, полагая, что о достоверности как противоположности вероятности правильно говорить лишь постольку, поскольку имеется в виду логическая сторона вероятности, характеристика ступени логической обоснованности определенной мысли [2].

В этом направлении можно сказать, что вероятность как неполная обоснованность мысли представляет противоположность достоверности как полной обоснованности мысли, при которой иной вывод невозможен. Отсюда следует, что различные степени наших знаний о расследуемом преступлении выражаются с помощью понятий вероятности и достоверности. Вредно при этом как отож-

---

[1] См. ранее цит. работы М. С. Строговича, А. М. Ларина.

[2] См.: Л. В. Смирнов, Категория вероятности, «Вопросы философии», № 12, 1958, стр. 87.

дествление этих двух понятий, так и непонимание того, что для них является общим. И то и другое имеет общую объективную основу; и в первом и во втором случаях ею является собранный фактический материал, установленные факты и обстоятельства дела. Различен, однако, объем этого материала, его познавательная ценность. Во втором случае — полный всесторонне проверенный материал, в первом — неполный, недостаточно проверенный материал. Учитывая, что вероятность и достоверность являются одновременно выражением отношения следователя к данному фактическому материалу, они имеют и свою субъективную сторону. Поскольку речь идет о достоверности, это убеждение следователя в том, что иное объяснение установленных фактов невозможно; поскольку речь идет о вероятности, это его убеждение в том, что установленный материал можно объяснить различными, но при этом определенными способами.

В этом аспекте можно отметить, что вероятность и достоверность являются двумя ступенями обоснованности мысли. Достоверность, как правильно подчеркивает М. С. Строгович, исключает возможность всякого иного решения, тогда как вероятность допускает возможность иного решения [1]. При этом смена вероятности достоверностью происходит в результате расширения логической обоснованности нашего вывода. Эта смена происходит по мере того, как расширяются наши знания о расследуемом деле. Процесс мышления в форме следственных версий, который можно характеризовать как переход нашего знания от вероятности к достоверности, проходит по-разному. Следственная версия остается вероятным знанием, повышается лишь степень ее вероятности. Этот процесс при этом проходит разные количественные степени, которые, как правило, выражаются разными понятиями: «это возможно», «это вероятно», «это максимальная степень вероятности», «это больше, чем вероятность» и т. д. [2].

Наши представления о расследуемом деле от минимальной степени вероятности и вплоть до ее максимальной степени всегда остаются лишь предположениями. Мы

[1] М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, стр. 89.

[2] В области уголовного процесса нельзя применять понятия, которые используются для выражения так называемой математичес-

обязаны допускать и возможность противоположного. Иной путь есть путь замены одной следственной версии другой. Лишь тогда, когда собранные доказательства могут быть логическим основанием только одной мысли, одного вывода, мы говорим, что произошла замена вероятного знания достоверным. Различие между этими ступенями логической обоснованности имеет уже качественный характер. Достоверность не может быть выражена разными степенями. В этом аспекте мы говорим, что достигли или не достигли достоверного вывода, третьей возможности здесь нет.

В этом следует видеть, на наш взгляд, обоснование дальнейших существенных требований для нашей следственной практики: необходимо строить все возможные обоснованные следственные версии, то есть как обвинительные, так и оправдательные следственные версии.

Существен также и следующий вывод: объективная истина нами доказана, когда доказана достоверность одной-единственной версии при одновременном опровержении всех остальных следственных версий. В случае смерти Отилии Д. это значило доказать, что Отилия Д. была убита поездом, когда переходила колею, и одновременно опровергнуть, что ее бросил под поезд Иозеф В. То обстоятельство, что следователь в начале расследования факта смерти Отилии Д. построил только обвинительную следственную версию, привело, как мы видели, к нарушению социалистической законности — к предъявлению обвинения и применению меры пресечения в отношении невиновного.

Следственная версия как вероятный вывод, подобно гипотезе, заменяется достоверным знанием лишь после всесторонней практической проверки и доказывания. Это происходит в результате того, что практической деятельностью мы подтверждаем существование такой системы следствий, которые могут быть выведены только из предположения, положенного в основу следственной версии. «Процесс доказательства гипотезы, — как правильно указывает П. В. Копнин, — состоит в том, что из нее дела-

кой или статистической вероятности. М. С. Строгович правильно критикует тех судей, которые пытались обосновать обвинительный приговор утверждением, что «суд считает обвинение доказанным на 99.%».См.: «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе», стр. 86.

ется целая совокупность выводов, которые и проверяются практикой действительной жизни. При этом выводы надо делать не из отдельных частных, хотя бы и достоверных, суждений, которые могут быть и в другой системе (гипотезе), а из самой идеи гипотезы, из основного предположения, составляющего ее сущность»[1].

Особенности сущности уголовного судопроизводства обусловливают определенную специфику: например, можно применять лишь средства, которые допускает Уголовно-процессуальный кодекс. Сохраняют, однако, свое большое значение логические средства доказывания следственной версии. Каждая следственная версия должна быть обоснована фактическим материалом.

Следственная версия является средством познания объективной истины, поскольку является одним из возможных объяснений собранного материала, который имеет или может иметь отношение к расследуемому делу. Это требование имеет также свой конкретный практический смысл: надо строить не какие угодно следственные версии, не так называемые теоретически возможные следственные версии, но лишь следственные версии, которые вытекают из собранного материала, то есть лишь обоснованные, реально возможные следственные версии.

Правильность этого вывода подтверждает наш пример. Смерть Отилии Д. можно было объяснить разными способами: Отилия Д. совершила самоубийство; она была убита, и труп положен рядом с железнодорожной колеей; смерть произошла от несчастного случая при переходе колеи; она была брошена под поезд и т. п. Следователь не пошел этим путем. Он придерживался (и как мы видели, сугубо одностороннее) фактического материала. В результате оценки собранных фактов и обстоятельств, которые были установлены при проведении первоначальных неотложных следственных действий, он пришел к вы-

---

[1] П. В. Копнин, Гипотеза и познание действительности. Киев, 1963, стр. 148.

На этом основании в процессе доказывания мы говорим о так называемых проблематических и достоверных суждениях, причем под достоверными суждениями понимаем все суждения, истинность или ложность которых доказана. Это значит, что можно говорить и о достоверном доказывании вероятности суждений с оговоркой, что они являются одним из возможных объяснений фактов или групп фактов (см., например, статью П. В. Таванца «О структуре доказательства». «Вопросы философии», 1956, № 6, стр. 64 и след.).

воду, что Отилия Д. была брошена под поезд солдатом из ближайшей казармы.

В основу этой следственной версии были положены данные о наличии у места происшествия помятой травы, военной фуражки, которую преступник оставил на месте происшествия; дорожки следов, ведущих к забору казармы; тем обстоятельством, что смерть Отилии Д. не была оглашена лицом, которое с ней находилось на месте происшествия, и т. д.

Собранный материал давал полное основание построить и другие следственные версии: Отилия Д. попала под поезд в результате собственной неосторожности; лицо, которое было с ней на месте происшествия, не сообщило о ее смерти по разным соображениям. Этот вывод подтверждали прежде всего три основных обстоятельства: характер причиненных ранений, некоторые следы, установленные на месте происшествия, и некоторые так называемые негативные факты. Остальные следственные версии не были реальны: на месте происшествия не оказалось больших следов крови; Отилия Д. не имела причины к самоубийству; ночью она осталась наедине с солдатом по собственной инициативе; ничего не указывало, что перед смертью было произведено насилие.

6. Интуиция в построении и проверке следственной версии

Понимание следственной версии как единства познавательной, логической и психической сторон процесса мышления позволяет нам решить и следующий существенный вопрос криминалистики: значение следственной интуиции в процессе познания объективной истины в предварительном следствии. Ответ на этот вопрос является одним из основных условий возможности правильного определения значения и роли следственной интуиции для разработки и проверки следственных версий. Выяснение этого вопроса необходимо особенно потому, что переоценка значения следственной интуиции и неправильное понимание ее сущности было очень распространено среди наших старых криминалистов.

Надо сразу же подчеркнуть, что правильный ответ на этот важный и до сих пор спорный вопрос обусловлен прежде всего точкой зрения по более общему и широкому вопросу — о месте и роли интуиции в процессе познания вообще. В этом направлении мы солидарны со взглядами тех марксистских философов, логиков и психологов, которые не отрицают определенной, хотя и ограниченной, роли интуиции в познавательном процессе. Вместе с ними мы понимаем под интуицией основанную на опыте способность человеческого сознания среди массы хаотических нагроможденных фактических сведений на определенной ступени как бы «внезапно», непосредственно найти правильное решение отдельных вопросов, постичь истину.

Образно, и притом очень четко, выразил сущность интуиции применительно к литературному труду К. Г. Паустовский: «Замысел, так же как молния, возникает в сознании человека, насыщенном мыслями, чувствами и заметками памяти. Накапливается все это исподволь, медленно, пока не доходит до той степени напряжения, которая требует неизбежного разряда. Тогда весь этот сжатый и еще несколько хаотический мир рождает молнию — замысел» [1].

Диалектико-материалистическое определение понятия интуиции не имеет ничего общего с его идеалистическим пониманием. По мнению философов-идеалистов, интуиция — это особый, таинственный, мистический, врожденный вид познания, не опирающийся на практику, на логическую деятельность познания [2]. По-нашему же, интуиция — это основанная на практике и опыте способность сознания подсказывать истину! При этом необходимо подчеркнуть еще одно существенное указание марксистской философии: об интуиции в этом нашем понимании нельзя говорить как о самостоятельном источнике познания истины; интуиция, по сути, лишь особый случай хода мышления [3].

Подобным образом понимается и следственная интуиция. Следственная интуиция — это способность следователя, основанная на его опытности и знаниях, непосредственно, прямо, как бы внезапно находить в сложной ситуации путь к правильному решению задач, возникающих в ходе расследования. Это, однако, не значит, что мы смотрим на следственную интуицию как на самостоятельное средство познания истины в предварительном следствии. Нет, следственная интуиция является и здесь лишь каким-то особым случаем хода мышления следователя, который необходимо в дальнейшем обосновать, если мы хотим извлечь из него уголовно-правовые выводы. Интуиция ос-

---

[1] К. Г. Паустовский, Собр. соч. в 6-ти томах, т. 2, М., 1957, стр. 521.

[2] Этому соответствует и реакционное субъективно-идеалистическое направление в буржуазной философии — интуитивизм. Сторонники этого направления исходят из того, что интуиция как мистическая «подсознательная» способность является единственным источником познания.

[3] Подробнее см.: В. Ф. Асмус, Учение о непосредственном знании в истории философии нового времени, «Вопросы философии», 1955, № 5.

нована на опытности следователя, на его знании криминалистических средств и приемов, а также конкретных, хотя пока еще неполных, фактов следственного дела [1].

В социалистической правовой литературе встречалось до последнего времени, а у некоторых криминалистов встречается и теперь определенное недоверие к следственной интуиции [2]. А между тем сама следственная практика богата примерами, когда именно интуитивные догадки следователя после превращения их в следственные версии и после проверки этих следственных версий приводили в конце концов к раскрытию очень сложных и даже «безнадежных» случаев. Более того, можно вполне обоснованно утверждать, что без следственной интуиции нет следственной мыслительной деятельности. С ней мы встречаемся не только при выработке следственных версий; практически интуиция находит свое проявление во всей деятельности следователя. В известной мере это связано с ролью фантазии в искании и разъяснении непознанных вещей вообще. Известно высказывание В. И. Ленина относительно фантазии в заключительной речи на XI съезде БКП(б): «Эта способность чрезвычайно ценна. Напрасно думают, что она нужна только поэту. Это глупый предрассудок! Даже в математике она нужна, даже открытие дифференциального и интегрального исчислений невозможно было бы без фантазии. Фантазия есть качество величайшей ценности...» [3].

Так же обстоит и в сфере расследования, хотя здесь роль фантазии строго ограничена. При этом мы ни в коем случае не игнорируем опасений некоторых криминалистов социалистических стран относительно интуиции; они в определенной мере, конечно, обоснованы. Интуиция, в том числе и следственная интуиция, может быть трактуема как идеалистически, так и материалистически.

Известно, что действительно в судебной практике эксплуататорских государств идеалистическая трактовка ин-

---

[1] Подобный взгляд высказан советскими учеными. См., например, статью А. Р. Ратинова «О следственной интуиции» («Социалистическая законность», 1958, № 4) и В. П. Казимирчука «Внутреннее судейское убеждение и интуиция» («Советская юстиция», 1958, № 5).

[2] См., например, статью М. С. Строговича «О рациональном и эмоциональном в расследовании», «Советское государство и право», 1959, № 5, стр. 89—95.

[3] В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 45, стр. 125.

туиции причинила большой вред. Субъективно-идеалистическая трактовка интуиции на практике служила оправданием беззаконий, необоснованного предания граждан суду. Вот примеры того, что означает интуиция в понимании реакционных буржуазных юристов.

Так, Уолтер М. Джермейн, доктор философии, бывший полицейский инспектор штата Мичиган (США), в январском номере органа Международной комиссии уголовной полиции за 1955 год «доказывает» реальность снов и их связь с расследуемыми уголовными делами. На том же уровне взгляды Андре Тренсца, заместителя прокурора апелляционного суда в Кольмаре (Франция). Этот французский буржуазный теоретик и практик с полной серьезностью исследует вопрос о возможности использовать гадание в целях расследования уголовных дел [1].

Не менее реакционен взгляд известного криминалиста Ганса Вальдера: «Мы имеем свои собственные, чисто личные нити ассоциаций, и часто нам не приходит в голову именно та решительная догадка, которая другого немедленно толкнет на уяснение нужного вопроса. При этом невежды и женщины рассматривают вопросы совсем подругому и иногда правильнее. Поэтому следует изложить криминалистическую проблему своей супруге, которая и так обычно жалуется, что мы разговариваем с ней слишком мало» [2].

Столь же вредны для следственной практики взгляды, которые высказывались юристами буржуазной Чехословакии. В. Челанский в своей работе «Следственные методы службы безопасности» говорит, что весь секрет методов буржуазной полиции состоит в способе «взять круто и раздавить задержанное лицо», и добавляет: «А что это значит на академическом языке? Арестовать определенного участника преступления или целую их группу на основе отнюдь не реальных, доказательных доводов, но лишь на основе инстинктивного импульса, которым располагает тот или другой детектив или чиновник, которому поручено дело... Это звучит невероятно, и все же это так. На практике весьма часто самые блестящие, самые великолепные практические результаты достигаются благодаря такой

---

[1] Оба примера заимствованы из статьи С. А. Голунского «Об оценке доказательств в советском уголовном процессе». «Советское государство и право», 1955, № 7.

[2] См.: H. Walder, Kriminalistisches Denken, Hamburg 1957.

инстинктивной интуиции и, наоборот, есть случаи, когда перед арестом находят целый ряд подозрительных обстоятельств, соображений да и доказательств, а кончается часто в суде освобождением»[1].

Подобные взгляды отстаивает и Яромир Фацек в своей работе «Психологические проблемы в уголовном праве» (1952 года издания). В ней автор рекомендует так называемые экстроспективные методы, которые он считает основными методами криминальной психологии. Речь идет, по существу, о следственной интуиции, которая понимается как «постижение чувством», «...когда прямо по голосу, выражению лица мы можем прочесть душевное состояние без какого-либо сравнения». В этой связи автор предлагает и некоторые «технические» мероприятия. Например, он высказывается за реализацию предложения Макса Маргулиса, чтобы при составлении протокола допроса одновременно сотрудничали два «специально подготовленных» записывающих человека. Один из них «обращал бы внимание на голос допрашиваемого, поскольку это касается окраски и течения речи во времени (промежутки между отдельными словами, продолжительность отдельных фраз, заикание, заминки в слогах, неокончание слов и пр.), второй обращал бы внимание на выражение лица и жесты допрашиваемого при даче показаний» («напр., дрожание голени, вызванное испугом»).

Как видно, у Я. Фацека речь идет не о чем ином, как о стремлении перенести в нашу следственную практику старые, реакционные, давно и решительно отброшенные социалистической криминалистикой взгляды буржуазной криминальной психологии.

Вопреки этим «горьким» опытам со следственной интуицией мы полагаем, что неправильно полностью ее отбрасывать, как поступает, например, М. С. Строгович[2]. Очевидным является лишь то, что следственной интуиции,

---

[1] V. Celanský, Vyšetrovací metody bezpečnostní služby, Praha. 1932, str. 77.

[2] В работе «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе» М. С. Строгович критикует взгляд А. Р. Ратинова как совершенно неприемлемый для следственной практики, и говорит: «Вывод же из всего этого может быть только один — сама постановка вопроса об интуиции как особом познавательном средстве при расследовании и разрешении уголовных дел неправомерна, не имеет научных оснований, для следственной и судебной практики решительно не нужна и даже вредна» (стр. 95).

трактуемой подобным образом, не должно быть места в социалистической науке криминалистики; она чужда и нашей следственной практике. Однако это положение само по себе не может еще привести к выводу, что следственную интуицию надо вообще отбросить. Так поступить значило бы отказаться от положения марксистско-ленинской гносеологии о прямом и непрямом, о непосредственном и опосредствованном познании, о возможности получения знаний непосредственным, прямым путем, то есть непосредственно с помощью органов чувств (зрения, слуха и др.) или непосредственно умственным постижением. В марксистской философии первый вид познания называется «чувственной интуицией», второй — «интеллектуальной интуицией»[1]. Что касается знаний о расследуемом событии, которые следователь устанавливает непосредственно своими чувствами, вопрос о них не вызывает никаких сомнений. Ибо в социалистической криминалистической литературе, в сущности, имеется одно решение по вопросу о чувственном и рациональном в процессе познания объективной истины в уголовном процессе. Взгляды, которые отрицали бы единство чувственного и рационального в познании, практически не встречаются. Так обстоит дело, когда речь идет о единстве чувственного и рационального при выработке и проверке следственной версии. Здесь вполне правильно подчеркиваются два существенных положения: во-первых, разработка следственных версий и тогда, когда она начинается чувственным восприятием фактов и обстоятельств дела, которые мы установили первичными неотложными следственными действиями, не означает еще полного исключения рациональной стороны уже на этой начальной стадии. Не иначе обстоит и на следующей стадии, при построении выводов, хотя ясно, что здесь в отличие от первой стадии преобладает рациональная сторона познания.

Речь идет о сложнейшем и, что, пожалуй, важно, о мало разработанном вопросе, в котором существенным является прежде всего отношение интуиции к версиям. Те или иные интуитивные догадки имеют много общего с версиями. Их связывают прежде всего два обстоятельства: во-первых, как интуитивные представления, так и следствен-

[1] В. Ф. Асмус, Учение о непосредственном знании в истории философии нового времени, «Вопросы философии», 1955, № 5, стр. 43—56.

ная версия являются определенными видами хода мысли и, во-вторых, и те и другие сопряжены с недостатком доказательств, в результате чего и версию, и интуитивную догадку мы должны доказывать. Каковы же специфические признаки, которые позволяют различать эти два понятия? А. Р. Ратинов видит их в способе получения. Он утверждает, что «версия — это результат логической деятельности, продукт сознательных мыслительных построений, а интуиция — неосознанное постижение отдельных положений, которое не выведено логическим путем» [1]

Подобное разграничение не является вполне точным. Оно допускает иррациональное истолкование, но это уже означает определенное изменение взгляда на интуицию как на ничем не обоснованное «фантазирование», мистическое постижение «подсознательного».

Правильные интуитивные догадки возникают в конечном счете при прямом участии рациональной логической деятельности и основываются на реальном фундаменте. Эти особенности мыслительного процесса труднопонимаемы, что, однако, не может вести к их отрицанию. Сложность этой проблематики четко выразил И. П. Павлов словами: «...человек в конце концов помнит даже весь путь, которым он проходил, преодолел, но к данному моменту еще не подытожил» [2]. Это свидетельствует о том, что как следовательская интуиция, так и следственная версия образуются при прямом участии рациональной логической деятельности. Правда, в следственной версии эта рациональная логическая сторона абсолютно преобладает. Сущность различия между ними состоит в ином, на наш взгляд, — в различии путей их получения. К следственной версии мы приходим опосредствованным, непрямым путем, к следственной же интуиции — непосредственным, прямым путем.

Это краткое освещение сущности следственной интуиции и ее роли в процессе познания привело нас ко второму вопросу из рассматриваемой нами проблематики — к вопросу о значении и роли следственной интуиции для выдвижения и проверки следственных версий. Его рассмотрение мы начнем также с анализа конкретного уголовного дела.

[1] А. Р. Ратинов, О следственной интуиции, «Социалистическая законность», 1958, № 4, стр. 26.
[2] И. П. Павлов, Собр. соч., т. IV, 1951, стр. 433.

4 июня 1958 года следователю в г. Брно поступило сообщение об утоплении в ванне гр-ки Я. Полученные материалы состояли из донесения, короткой справки о «расследовании» и из акта освидетельствования. Из них явствовало следующее: 4 июня 1958 года в 7 часов 45 минут медицинская сестра «Скорой помощи» сообщила, что дежурный врач Н. был вызван на квартиру гражданки Я. Прибыв на место в 1 час 15 минут, он лишь констатировал ее смерть, которая наступила приблизительно три часа назад. По получении уведомления на квартиру пришел сотрудник органов общественной безопасности С. и работающий в этих органах врач Х. После осмотра трупа и опроса мужа покойной был составлен протокол, в котором отмечалось, что на трупе не было установлено ни одного признака насилия, кроме маленькой царапины на щиколотке левой ноги. Одновременно врач Х. предложил провести вскрытие трупа для последующей медицинской экспертизы.

В справке о расследовании говорилось, что, по сообщению мужа, его жена долгое время страдала эпилептическими припадками, обычно сопровождавшимися потерей сознания.

3 июня 1958 года в семье был банный день. Последней в ванную пошла мыться жена. Время было около 22 часов. Муж лег в постель и, поскольку был переутомлен, быстро заснул. Проснулся он уже после полуночи. Вдруг заметил, что в ванной горит свет. Он вошел и увидел следующую картину: жена лежит в ванне, ее голова находится полностью под водой; левой рукой она держится за ванну. Муж немедленно позвал старшего сына, вытащил жену из ванны и, уложив на полу в кухне, начал растирать тело уксусом, пытаясь привести в чувство. Поняв тщетность своих попыток, он вызвал врача «Скорой помощи», который в 1 час 15 минут прибыл на место происшествия и констатировал смерть, которая, по его мнению, могла наступить часа два-три назад.

Сотрудник органов общественной безопасности С., прибывший ночью вместе с врачом на место происшествия, в составленной им справке высказал предположение, что «в данном случае речь может идти о невыполнении обязанностей по уходу за больными, поскольку муж знал, что его жена подвержена эпилептическим припадкам, но оставил ее в ванной одну, без присмотра; с последней, ве-

роятно, уже в ванне произошел припадок, голова опустилась под воду, и она утонула».

Дело казалось ясным. Для его «оформления» потребовался лишь допрос мужа потерпевшей, который в момент гибели жены якобы спал в одной комнате с несовершеннолетними детьми. С этой целью муж Я. был вызван в городское управление органов общественной безопасности, где, в сущности, повторил объяснение, которое дал ночью сотруднику органов общественной безопасности и врачам.

Однако в конце допроса следователя внезапно «осенила» мысль, что в смерти Я. виновен именно ее муж. Эта догадка пришла как будто сразу. Но «осенение» не было результатом «таинственного подсознания», как это представляют идеалисты.

Возникает вопрос, как и чем можно объяснить выведение правильного вывода по указанному делу уже на данной стадии расследования? Если задуматься над материалами, которые имел в своем распоряжении следователь перед этим «осенением», то можно видеть, что его догадка не была беспочвенной. В ее основе лежали в принципе обстоятельства, которым следователь еще не успел подвести итог, когда его «осенила» мысль. Во-первых, существенную роль тут сыграли знания следователя об аналогичных случаях, описанных в криминалистической литературе. Во-вторых, в ходе всего допроса муж чересчур старался подчеркнуть, хотя следователь его об этом и не спрашивал, что его жена долгое время страдала эпилептическими припадками, и при этом он несколько раз, без всяких оснований, повторил, что, пытаясь оживить, он делал массаж, «особенно шеи» потерпевшей.

Интуитивная догадка привела следователя к тому, что он по-новому взглянул на установленные до сих пор факты. Дополнительное изучение показаний мужа потерпевшей подтвердило обоснованность догадки. Но возможность подобного объяснения смерти гр-ки Я. исключалась, с одной стороны, категорической констатацией двух врачей об отсутствии на трупе каких бы то ни было следов насилия и, с другой стороны, тем, что гр-н Я. жил упорядоченной семейной жизнью, заботился о своих детях и пр. И наконец, казалось, что он глубоко скорбит по поводу смерти своей жены и матери двоих детей.

Следователь не спешил делать из своей догадки какие-либо процессуальные выводы. Для построения следствен-

ной версии на этой стадии еще недостаточно было собранных фактов. Он решил дождаться итогов вскрытия трупа и медицинского освидетельствования. Наконец такие итоги были получены: врач, проводивший вскрытие трупа, сообщил, что на теле потерпевшей — под основанием носа, на голове и в мягких тканях, на горле, груди, на верхних и нижних конечностях — имеются кровоподтеки.

Это дало следователю основание возбудить дело по признакам § 164 УК и назначить судебно-медицинскую экспертизу. После всестороннего анализа установленных фактов он построил версию о том, что к смерти гр-ки Я. причастен ее муж. Эту следственную версию обосновывали в данной стадии расследования прежде всего такие обстоятельства: обнаружение кровоподтеков на трупе; отсутствие в квартире покойной других лиц, кроме ее мужа и двоих несовершеннолетних детей; настойчивое подчеркивание мужем во время допроса эпилептических припадков у жены и «массажа шеи».

В целях проверки этой версии следователь решил прежде всего выяснить посредством судебно-медицинской экспертизы, с одной стороны, могли ли установленные кровоподтеки возникнуть от массажа и, с другой стороны, могла ли гр-ка Я. причинить их сама себе при эпилептическом припадке во время купания в ванне; допросом лечащих врачей установить, страдала ли покойная перед смертью эпилептическими припадками; подробно исследовать семейные отношения супругов Я.

Проведение всех этих действий полностью подтвердило истинность построенной следователем версии. На этом основании 13 июня 1958 года гр-ну Я. было предъявлено обвинение. В итоге обвиняемый был изобличен в убийстве и предан суду. Оказалось, что Я. утопил в ванне свою жену, чтобы затем заключить брак с некой Ш., с которой поддерживал тайную интимную связь.

Из этого краткого анализа конкретного дела можно сделать определенные выводы. Прежде всего, разные интуитивные догадки, предположения приходят следователю прямо, непосредственно, как бы внезапно. Это всего лишь «сырье», «необработанные» выводы, внезапные идеи, впечатления следователя о возможности объяснения отдельных связей изучаемого явления. Некоторые из них при сопоставлении с установленными фактами и обстоятельствами превращаются в следственные версии, и при провер-

ке этих версий, которые единственно могут правильно определить направление расследования, ведут к установлению объективной истины в предварительном следствии. Ибо интуитивная догадка следователя не является еще убеждением следователя в ее истинности. В своей «сырой» форме догадка не может составить основу для построения следственной версии. Это лишь определенный импульс к дальнейшей деятельности следователя, к оценке до сих пор установленных фактов с точки зрения возможности нового объяснения изучаемого явления или события. В конце концов и построение следственной версии не есть еще убеждение следователя в истинности вывода. Истинность самой убедительной версии необходимо доказать.

Понимаемая таким образом следственная интуиция является одной из надежных гарантий, что следователь или прокурор не допустит ошибок и заблуждений, от которых его обоснованно предостерегают противники интуиции. Оперировать интуицией при выработке и проверке следственных версий надо всегда очень осторожно. Неправильно, однако, этот путь полностью запрещать; нельзя, как говорят, вместе с водой выплескивать из ванночки и ребенка.

Опасность интуиции возникает не тогда, когда к ней прислушиваются, отводя ей правильное место в мыслительном процессе, а когда интуитивную догадку без дальнейшей рассудочной, логической обработки, без дальнейшего сопоставления с установленными до сих пор фактами, доказательствами кладут в основу самого направления расследования. Это и есть та опасность, которая уже неоднократно заводила расследование в тупик и, что еще серьезнее, была причиной незаконного привлечения невиновных граждан к уголовной ответственности. От этого надо всегда предостерегать следственную практику.

Вышеприведенный пример поучителен, далее, и в том, что не каждая интуитивная догадка превращается в следственную версию и через нее ведет к установлению объективной истины в предварительном следствии. В этой связи возникает следующий весьма важный вопрос: чем, собственно, обусловлено это положение? Анализ вышеприведенного уголовного дела показывает, что к истине ведут лишь те интуитивные догадки, которые вполне соответствуют установленным до сих пор фактам и обстоятельствам дела, которые являются одним из возможных объясне-

ний исследуемого явления или события, заполняют определенную «пустоту» между ними. Несоблюдение же этого условия приводит, как правило, к ошибкам и заблуждениям в расследовании.

Следственная практика подтверждает, что интуитивные догадки успешнее у того следователя, который имеет богатый опыт расследования уголовных дел вообще и разработки следственных версий в частности. Значительную роль здесь играет и его житейский опыт. С требованием необходимого опыта неразрывно связано и другое: необходимость теоретических знаний, прежде всего знаний криминалистики.

Приведенный выше пример ясно показывает, что, если бы следователь не знал разных форм совершения преступлений и методики их расследования, правильная интуитивная догадка к нему вообще бы не пришла. Однако одних этих знаний было бы недостаточно.

Следователь должен обладать в необходимом объеме и знаниями из отрасли науки, относящейся к обстановке совершения преступления. Так, например, он должен обладать знаниями бухгалтерского учета, когда расследует хищение социалистической собственности, совершенное путем фальсификации бухгалтерских документов и присвоения изъятых таким образом денежных средств. И не только это. Значительную роль играют и особенности личности: характер следователя, его склонности, увлечения, мировоззрение, заинтересованность в деятельном установлении объективной истины по расследуемому уголовному делу. В этом и ни в чем ином состоит все «волшебство», «загадка», «тайна» следовательского «нюха», его искусности, его умения быстро и правильно решать сложные задачи, которые возникают у него в ходе расследования. Искусство следователя — это не какое-то таинственное «проницание», «озарение», «осенение», а основанная на опыте и знаниях способность быстро ориентироваться в сложной ситуации расследуемого дела, правильно связывать в одно целое до сих пор установленные разные явления и факты и как будто внезапно найти правильное решение [1].

---

[1] См.: В. Н. Казимирчук, Внутреннее судейское убеждение и интуиция, «Советская юстиция», 1958, № 5, стр. 19.

7. Определение понятия «следственная версия»

Итак, последовательный анализ отдельных сторон этой сложной проблемы привел нас вплотную к вопросу об определении понятия следственной версии как важного криминалистического средства познания и доказывания объективной истины в предварительном следствии.

Определенная концепция отдельных криминалистов по вышеприведенным основным вопросам сущности, места, значения и роли следственных версий в процессе познания объективной истины в предварительном следствии уже сама по себе обусловливает их точку зрения и на понятие следственной версии. Этим и можно объяснить расхождение взглядов, встречающееся в социалистической криминалистической литературе по данному вопросу.

Так, например, в советском учебнике «Криминалистика» под редакцией С. П. Митричева и П. И. Тарасова-Родионова (М., 1952) понятие «следственная версия» определяется следующим образом: «Версиями называются основанные на конкретных материалах дела предположения следователя о составе преступления, о виновных по делу, о мотивах преступления и иных существенных обстоятельствах, подлежащих исследованию». Далее там же говорится об «...умелом построении, учете и исследовании наиболее вероятных предположений или, как их принято называть в применении к следственной работе, версий расследования» [1].

---

[1] «Криминалистика», ч. II, М., 1952, стр. 21—22.

«Под этими версиями следует понимать вытекающие из собранных по делу доказательств предположения следователя о том, совершено ли преступление, какое именно, кем совершено и по каким мотивам» — таков взгляд Л. Г. Крупаткина [1].

А. И. Винберг, Г. М. Миньковский и Р. Д. Рахунов в своем коллективном труде «Косвенные доказательства в советском уголовном процессе» определяют следственные версии так: «Как известно, версией называется одно из нескольких возможных в данном случае объяснений, даваемых какому-либо событию, факту. В уголовном деле версиями называются вытекающие из имеющихся фактических данных и опыта расследования аналогичных дел предположения о характере и обстоятельствах исследуемого события, наличия или отсутствия в нем состава преступления, виновности или невиновности определенного лица» [2].

«Версии — это логические построения в процессе исследования явлений, состоящие из предположений о причинах, объясняющих эти явления.

В расследовании преступлений это предположения следователя о причинах, объясняющих расследуемое событие» — таким образом определяет в свою очередь следственные версии А. Васильев в статье «Планирование следствия» [3].

В. И. Теребилов определяет понятие «следственная версия» так: «Именно версии о характере совершенного преступления, о лице, совершившем его, о форме вины и в связи с этим о мотивах преступления и, наконец, об обстоятельствах совершенного преступления являются теми версиями, которые кладутся в основу исследования всех материалов дела.

Эти версии целесообразно называть следственными версиями, подчеркивая их ведущее положение среди

---

[1] Л. Г. Крупаткин, Оценка доказательств в стадии предварительного расследования в советском уголовном процессе. Ученые запики Харьковского юридического института. Сб. 9-й., 1957, стр. 71.

[2] А. И. Винберг, Г. М. Миньковский и Р. Д. Рахунов, Косвенные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 86.

[3] А. Н. Васильев, Планирование следствия, «Социалистическая законность», 1956, № 4, стр. 48.

других версий, естественно используемых в процессе расследования» [1].

«Следственная версия — обоснованное предположение о наличии и обстоятельствах расследуемого события, о действиях конкретных лиц и о наличии в этих действиях состава определенного преступления» — таков взгляд А. Н. Колесниченко [2].

В методическом пособии Всесоюзного научно-исследовательского института криминалистики Прокуратуры СССР «Расследование убийств» дано следующее определение версий: «В основу плана расследования должно быть положено исследование определенных предположений следователя об основных обстоятельствах преступления, возникающих у него на основе оценки первичных материалов дела и результатов проведения неотложных следственных действий. Подобные предположения следователя, относящиеся к расследуемому преступлению, принято называть версиями».

М. С. Строгович в «Уголовном процессе» (1946, стр. 290) определяет следственную версию так: «Версией называется одно из нескольких отличных друг от друга объяснений одного и того же события». В последующей работе «Курс советского уголовного процесса» (М., 1958) М. С. Строгович остается, в сущности, на той же точке зрения.

В учебнике для вузов «Криминалистика» (под ред. С. А. Голунского, М., 1959, стр. 232) версии определены как «...обоснованные установленными фактами предположения о возможном объяснении определенного факта либо группы фактов и их значения для дела».

Г. Н. Александров исходит из следующего определения следственной версии: «Криминалистическая версия — это обоснованное умозаключение следователя, объясняющее конкретное событие преступления. На основании этого умозаключения принимается решение о возбуждении уголовного дела и производстве следствия в определенном направлении. Главная задача криминалистической версии —

---

[1] В. И. Теребилов, К вопросу о следственных версиях и планировании расследования, «Советская криминалистика на службе следствия», сб. 6-й, 1955, стр. 109—110.

[2] А. Н. Колесниченко, Роль следственных версий и построение их при расследовании преступлений. Ученые записки, сб. 9-й, 1957, стр. 165.

обеспечить правильное направление расследования и раскрытие преступления»[1].

Из анализа этих и других взглядов вытекает, что сейчас уже в принципе все советские криминалисты едины в том, что здесь речь идет об определенных предположениях. При этом есть согласие и в том, что эти предположения имеют объективную базу. Речь идет о предположениях, которые основаны на существовании определенных фактов, являются отражением материала, собранного расследованием, познанных фактов и обстоятельств дела.

С другой стороны, следственные версии иногда определяются слишком широко, что приводит к отождествлению их с предметом доказывания. В иных случаях они определяются слишком узко, что приводит к поглощению их планированием расследования, или отождествляются с любой догадкой, предположением, что приводит к недооценке научного характера и задач следственных версий. Согласно некоторым определениям, следственная версия трактуется не как одно из возможных объяснений существенных с уголовно-процессуальной точки зрения фактов и обстоятельств, но как любой обоснованный вывод (иногда суждение) следователя, объясняющий определенный факт преступления. В иных определениях говорится о следственных версиях лишь как о предположениях без выделения их объясняющей функции. Встречается и отождествление следственной версии с гипотезой.

Для правильного определения понятия «следственная версия» требуется провести самый подробный анализ его специфических признаков.

Какими признаками отличается мышление в форме следственных версий от других форм мышления?

Первая группа признаков вытекает из того, что следственную версию с точки зрения логики нельзя отождествлять ни с понятием, ни с суждением, ни с умозаключением. Среди отдельных форм мышления ей принадлежит самостоятельное место. Этот вывод подтверждает формально-логическая литература последнего времени, тогда как подобная литература более раннего периода утверждает противоположное[2].

---

[1] Г. Н. Александров, Некоторые вопросы теории криминалистической версии, «Вопросы криминалистики», 1962, № 3, стр. 15.

[2] См.: O. Weinberger, Logika, Praha, 1963, а также В. Ф. Асмус, Логика, М., 1947.

Из анализа мышления в форме следственных версий в вышеприведенных конкретных примерах было видно, что в данном случае речь идет об определенной системе суждений, понятий и умозаключений. Например, вывод, что смерть Илоны X. наступила в результате удара молнии, можно охарактеризовать с помощью определенной системы понятий как суждение, и вместе с тем, с помощью определенной системы суждений как результат умозаключения и т. п.

Вторым признаком мышления в форме следственных версий является его проблематический характер. Но с проблематическим характером мышления мы встречаемся и при вероятном умозаключении, «когда некоторые из посылок лишь вероятны, либо когда посылки хотя и истинны, но доказать истинность вывода по отношению к посылкам невозможно, поскольку такое отношение к посылкам делает вывод лишь вероятным»[1]. Так бывает, например, при редуктивных умозаключениях, когда мы умозаключаем путем истинной импликации к антецеденту. Вывод является вероятным, как правильно указывает О. Вейнбергер, всегда, когда есть лишь очень мало случаев иных оснований (то есть причин) консеквента — чем меньше таких исключений, тем вероятнее вывод, — либо когда мы можем обозреть круг всех возможных оснований (то есть причин) и понимаем каждую из этих возможностей как предположение, которое требует проверки[2]. Подобная ситуация встречается и при индуктивных умозаключениях, когда из свойства группы (однако не всех) случаев определенного рода (отдельных признаков, образующих основу индукции) мы умозаключаем о свойстве всех случаев данного рода[3]. Так происходит и при умозаключении по аналогии.

Однако неправильно отождествлять мышление в форме следственных версий с некоторыми из этих форм мышления. Всем им присуще общее качество: они выражают определенное объяснение известных фактов, относительно оправданное ожидание, проблематическое суждение, догадку, которые на основе практической деятельности постепенно превращаются в реальность, заменяются достоверным знанием.

---

[1] O. Weinberger, Logika, Praha, 1963, str. 160.
[2] Там же, стр. 161.
[3] Там же, стр. 161 и след.

Но следственную версию нельзя сводить к предположению как проблематическому суждению. В основе мышления в форме следственных версий лежат как проблематические, так и достоверные суждения. Роль их различна: одна группа служит для обоснования определенного объяснения фактов, другая же — соответственно для обоснования следствий, которые должны были бы существовать в действительности. Мы вправе здесь говорить об определенной системе знаний о расследуемом предмете на данном этапе расследования. Эта система представляет результаты расследования уголовного дела в данный момент, характер наших знаний о расследуемом деле и степень их обоснованности. В этом и состоит служебная роль следственных версий: давать определенное объяснение собранного материала, определять направление дальнейшего расследования и поиска новых фактов и на этой основе быть средством достижения объективной истины в уголовном процессе. Определенная особенность состоит прежде всего в том, что проблематическое суждение, предположение, которое выражает одно из возможных объяснений известных, собранных расследованием фактов и обстоятельств, занимает в этой системе знаний центральное место, образует основу мышления в форме следственных версий.

Но в мышлении вообще и в форме следственных версий в частности встречаются и другого рода предположения, внезапные идеи, догадки и т. п. В этой связи возникает вопрос: можно ли каждую внезапную идею, которая приходит в голову следователю в ходе расследования, отождествлять с предположением, служащим основой следственной версии? Можно ли отличить подобное предположение от других видов предположений, с которыми мы встречаемся в процессе доказывания?

Изучение марксистской философской литературы последнего времени показывает, что каждое из этих понятий имеет свою специфику и неправильно их отождествлять[1], как это встречается у некоторых криминалистов-практиков и теоретиков. Правда, марксистская филосо-

[1] См.: Б. М. Кедров, Закон Менделеева и задачи управления ядерными процессами, «Вопросы философии», 1963, № 5, стр. 54; П. В. Копнин, Гипотеза и познание действительности, Киев, 1963, стр. 57 и след.

фия изучает этот вопрос лишь с точки зрения гипотезы как общей формы мышления. Полагаем, однако, что ничто не препятствует применить этот вывод и к мышлению в форме следственных версий.

Как характеризует эти понятия, например, П. В. Копнин? Догадка в отличие от предположения, которое положено в основу гипотезы, является, по его мнению, первоначальным предположением, которое еще в достаточной мере не исследовано, не выяснены его логические и эмпирические основания[1]. В противоположность этому предположение в гипотезе характеризуется в отличие от иных предположений, встречающихся в процессе мышления, прежде всего тем, что служит средством познания предмета, его существенных связей и закономерностей; во-вторых, своим вероятным характером; в-третьих, предположение в гипотезе должно быть всегда либо доказано, либо отвергнуто и заменено другим; наконец, тем, что построенная на его основе система знаний позволяет нам объяснить новые факты и закономерности[2].

С этим взглядом П. В. Копнина мы вполне согласны. Полагаем, подобным образом соотносятся догадки и мышление в форме следственных версий. И здесь следует различать, с одной стороны, разные внезапные идеи, первичные догадки, с которыми следователь постоянно сталкивается (на месте происшествия, при домашнем и личном обыске, при допросах и т. п.), и, с другой стороны, предположения, к которым он приходит на основе глубокой оценки собранного расследованием материала и которые затем лягут в основу следственных версий. Предположение, которое лежит в основе следственной версии, в результате этого характеризуется (как и следственная версия в целом) всегда высокой степенью вероятности наших знаний о расследуемом деле; с точки зрения до сих пор собранного материала, который она отражает, такая вероятность является одним из наиболее правдоподобных его объяснений.

Различие между внезапной идеей и предположением выражает и другую особенность следственной версии. Следственная версия является определенным мыслитель-

---

[1] См.: П. В. Копнин, Гипотеза и познание действительности, стр. 67.

[2] См.: там же, стр. 63.

ным процессом, направленным на объективно истинное расследование уголовного дела, процессом, в ходе которого изменяется характер наших знаний о расследуемом деле, который мы выражаем с помощью категорий вероятности и достоверности. Понятием внезапной идеи и предположения мы выражаем определенные промежуточные результаты познавательного процесса, два его момента (менее и более обоснованных). При этом неправильно отождествлять следственные версии с какими-то из этих моментов: на это не дает нам права и большая обоснованность и более широкая объективная познавательная основа предположения. Это является выражением того, что следственная версия есть средство установления истины в уголовном судопроизводстве, а истина есть определенный процесс. Истина, как таковая, включает в себя и определенные результаты, без которых немыслим этот процесс. «Но подобно тому, как движение не есть сумма покоев, то и истина как процесс не является простой совокупностью результатов»[1].

Вследствие этого и мышление в форме следственных версий не может быть ничем иным, как определенным процессом, и предположение, которое лежит в его основе, — определенным результатом этого познавательного процесса на данном этапе.

Как видно, целый ряд признаков, присущих мышлению в форме следственных версий, характерен и для мышления в форме гипотезы. При этом возникает вопрос: каково соотношение следственной версии и гипотезы?

В предшествующих разделах отмечалось, что между следственной версией и гипотезой, прежде всего частной гипотезой, существует большое сходство. Следует, однако, отметить, что и этот вопрос не имеет до сих пор единого решения в социалистической криминалистической литературе. Все криминалисты едины, в сущности, в том, что между следственной версией и гипотезой существует тесная связь. Расхождения возникают при решении вопроса о характере этой связи.

Некоторые криминалисты отождествляют следственную версию с гипотезой, не видят между ними никакой

[1] П. В. Копнин, Гипотеза и познание действительности, стр. 92.

разницы. Проявляется это, например, в том, что выработанное следователем предположение они называют в одних случаях гипотезой, в других — версией, или следственной версией.

Полагаем, что подобное отождествление следственной версии и гипотезы неправильно. Мы разделяем взгляды тех криминалистов, которые исходят из того, что хотя следственная версия и имеет очень много общих признаков с гипотезой — это лишь подтверждает их тесную взаимосвязь, — но каждая из них имеет определенные специфические признаки, которые не позволяют отождествлять эти понятия.

Такой взгляд четко сформулировал С. А. Голунский: «Следственная версия, бесспорно, имеет много общего с научной гипотезой и в то же время отличается от нее рядом специфических особенностей. Изучить эти черты сходства и различия... — одна из актуальных задач в этой области»[1]. Этот призыв С. А. Голунского к разработке вопроса о соотношении следственной версии и гипотезы хотя и нашел определенный отклик среди теоретиков криминалистики, однако не привел к полному выяснению и тем самым к единству взглядов на этот вопрос. Многие советские криминалисты проявили к нему внимание, однако некоторые из них, на наш взгляд неправильно усмотрели специфические особенности и там, где ни о какой специфике не может быть и речи.

Так, например, некоторые советские криминалисты видят специфические различия между гипотезой и следственной версией в характере формирования. И эта особенность определяется следующим образом: «Если научные гипотезы строятся при наличии более или менее значительного материала и опираются на имеющиеся достижения науки, то следственные версии выдвигаются лишь при наличии отдельных сведений о преступлении»[2].

С этим взглядом согласиться нельзя. В объеме материала, который был основанием выработки предположе-

---

[1] С. А. Голунский, Об оценке доказательств в советском уголовном процессе, «Советское государство и право», 1955, № 7, стр. 76.

[2] А. Н. Колесниченко, Роль следственных версий и построение их при расследовании преступлений, стр. 165.

ния, нельзя видеть специфического отличия. И научные гипотезы, и рабочие гипотезы могут возникнуть на основе ограниченного материала. Подобное явление встречается и в следственной версии. Против такого взгляда говорит также сама сущность следственной версии и гипотезы как одной из форм мыслительного процесса.

По тем же основаниям, полагаем, нельзя делать специфического различия между следственной версией и гипотезой по степени сложности формы мышления, как, например, это допускает другая группа криминалистов. Так, В. И. Теребилов считает следственную версию простой формой мышления, а гипотезу — сложной формой мышления [1].

Степень сложности формы мышления зависит не от того, кто ее использует — следователь или естествоиспытатель, — но прежде всего от количества и качества материала, отражением которого является как следственная версия, так и гипотеза.

Нельзя, на наш взгляд, считать специфическим признаком и то, что с помощью следственной версии устанавливают лишь конкретные факты, относящиеся к прошлому, тогда как гипотеза позволяет нам познавать общие закономерности явлений в природе и в обществе. Невозможно согласиться с подобным разграничением, поскольку и в иных отраслях общественной деятельности мышление в форме гипотезы используется для установления конкретных фактов, относящихся к прошлому. Например, деятельность историка служит убедительным доказательством.

Наконец, малоубедительным кажется нам взгляд, по которому следственная версия отождествляется с рабочей гипотезой, понимаемой лишь как одно из возможных объяснений определенных явлений, и которая выполняет лишь ограниченную рабочую функцию при исследовании предмета [2].

Подобная характеристика следственной версии могла бы иметь свое основание, но лишь в начальном этапе расследования, когда имеется относительно мало фактического материала и при этом необходимо строить все следст-

---

[1] См.: В. И. Теребилов, К вопросу о следственных версиях и планировании расследования, «Советская криминалистика на службе следствия», 1955, № 6, стр. 107.

[2] См.: П. В. Копнин, Гипотеза и познание действительности, Киев, 1963, стр. 90.

венные версии, которые реально могут объяснить этот материал. Но она недействительна уже на завершающем этапе, когда происходит превращение одной следственной версии в доказанную объективную истину. И здесь процесс идет путем устранения разных возможных объяснений фактического материала, путем исключения отдельных следственных версий вплоть до единственной, с последующим ее доказыванием.

В чем состоят тогда признаки сходства и различия следственной версии и гипотезы?

Если говорить только о первой части вопроса, то можно ограничиться тремя замечаниями, относящимися к характеристике общих существенных признаков следственной версии и гипотезы.

Во-первых, между следственной версией и гипотезой имеется отношение, подобное отношению частного, особенного и общего. И такое отношение следственной версии к частной гипотезе весьма очевидно. При этом можно сослаться на взгляды некоторых логиков, которые рекомендуют подразделять гипотезы вообще на научные гипотезы о форме закона и частные гипотезы (например, кто был автором «Илиады»). Такое отношение версии и гипотезы обусловливает все остальные существенные общие признаки.

Во-вторых, как следственная версия, так и гипотеза являются формами мыслительного процесса. Поэтому для них общи и все закономерности этого мыслительного процесса. В обоих случаях сходен ход мысли, который состоит в собирании фактического материала и в его оценке с целью получения других новых знаний; в выведении на основе этого обобщения разных предположений о недостающих определенных связях, которые должны существовать, если допустить, что предположение, лежащее в основе следственной версии, отвечает действительности; наконец, в проверке построенных таким образом предположений посредством установления новых фактов [1].

В-третьих, как следственная версия, так и гипотеза являются средством установления объективной истины. Следственная версия является частным случаем гипотезы.

[1] См.: П. В. Копнин, Место и значение гипотезы в познании, «Вопросы философии», 1954, № 4; Н. И. Кондаков, Логика, М., 1954; Л. Б. Баженов, Основные вопросы теории гипотезы, М., 1961; А. А. Старченко, Гипотеза, М., 1962.

Теперь перейдем ко второй части нашего вопроса. Чем отличается следственная версия от гипотезы?

Прежде всего следует отметить различие в объеме и глубине познаваемых обстоятельств. Объем и глубина познаваемых обстоятельств в других областях общественной жизни практически не ограничены. В области расследования же обстоит иначе.

С помощью следственной версии устанавливается объективная истина в предварительном следствии. Это значит, что с ее помощью устанавливаются лишь факты и обстоятельства, которые имеют уголовно-правовое значение для расследуемого дела: для выявления и изобличения преступника, определения справедливого наказания, как и для устранения причин и условий, которые способствовали преступлению или облегчали его совершение.

Как известно, объем устанавливаемых фактов и обстоятельств дела определяется уголовным законом. Это значит, что предметом следственной версии являются не любые факты и обстоятельства, а лишь факты и обстоятельства, которые существенны для расследуемого дела и лишь в объеме пределов и предмета расследования и доказывания.

С вопросом пределов и предмета доказывания тесно связан другой специфический признак следственных версий: следственная версия должна быть доказана в строго установленные сроки расследования. Подобное ограничение для гипотезы практически не встречается. И хотя, естественно, например, историк также заинтересован доказать построенную гипотезу в минимальное время, с неисполнением этого срока не связаны, как правило, никакие правовые последствия.

В истории встречались и встречаются случаи, когда гипотезы были доказаны по истечении нескольких десятилетий. Со следственной версией же обстоит совершенно иначе. Следователь в случае, если не может закончить дело в установленный законом двухмесячный срок, должен просить о его продлении соответствующего прокурора. По истечении двух месяцев содержания под стражей в предварительном следствии, обвиняемый должен быть освобожден, если вышестоящий прокурор не разрешил дальнейшего его содержания под стражей. Вышестоящий прокурор может продлить содержание под стражей лишь по основаниям, предусмотренным § 67 УПК.

При этом, как учит уголовно-процессуальная наука, неправильно видеть в сроках расследования лишь какие-то формальные ограничения расследования. Вопрос быстроты расследования тесно связан прежде всего с целями наказания. Цель уголовного процесса не состоит лишь в установлении объективной истины по каждому конкретному делу. Установление объективной истины является необходимой предпосылкой для выполнения главной цели уголовного процесса: справедливого наказания преступников в интересах их перевоспитания, принятия конкретных мер к устранению причин и условий, способствующих или облегчающих совершение преступлений. Требование неустанного повышения действенности борьбы с преступностью обязывает, чтобы эти меры предпринимались в кратчайшее время после совершения преступления. Иначе действенность этих мер снижается.

Расследование дела в кратчайшее время является также одной из лучших гарантий возможности полного и объективного расследования. Преступление совершено в прошлом. Раскрытие его достигается посредством поиска и обнаружения следов, которые остались в сознании людей и на материальных предметах. С течением времени часть следов полностью исчезает, другие утрачивают свою ценность. Поэтому вопрос быстроты расследования, сокращения законных сроков расследования стоит в центре внимания руководящих следственных и прокурорских органов.

Способы проверки следственной версии и гипотезы являются следующим отличительным признаком. Это вытекает прежде всего из того, что объективная истина в уголовном процессе устанавливается лишь специфическими средствами и в специфической форме. Следователь при проверке следственной версии не обладает полной свободой выбора средств и форм этой проверки. Его инициатива в этой области ограничена Уголовно-процессуальным кодексом. Требование строгого соблюдения уголовно-процессуальных норм имеет силу и в этом направлении.

Следственные версии проверяются только посредством собирания судебных доказательств, то есть фактических данных, облеченных в установленную законом уголовно-процессуальную форму. Это, однако, не значит, что законные средства и формы недостаточны для возможности установления объективной истины в конкретном уголов-

ном деле, как считают некоторые из наших практиков. Этот взгляд обычно обусловлен их личными неудачами в раскрытии конкретного уголовного дела. Но если ближе рассмотреть причины таких неудач, то нетрудно убедиться, что ни в одном случае они не состоят в ограниченности средств и форм расследования, но, как раз наоборот, в их недостаточном или неправильном использовании.

Далее, между следственной версией и гипотезой имеется различие в субъектах, использующих эту форму мышления. Со следственными версиями работает следственный орган в интересах расследования по уголовному делу. Речь идет, следовательно, об органе, деятельность которого строго регламентирована правовыми нормами, которому вменено в обязанность оценивать установленные доказательства по своему внутреннему убеждению, руководствуясь при этом лишь законом и социалистическим правосознанием.

Среди признаков, которыми следственная версия отличается от гипотезы, можно было бы указать и на характер следствий, наступающих после доказывания следственной версии и гипотезы. Различие в характере этих последствий особенно заметно при неправильном разрешении дела судом в результате недостаточной доказанности следственной версии. Неправильное освобождение преступника или неустановление действительного преступника следует в определенной мере признать попустительством к совершению других преступлений. Действительные преступники убеждаются, что не каждое преступление будет раскрыто и преступник будет справедливо наказан. И столь же недопустимо предание суду и осуждение невиновного гражданина. Грубо нарушается его доверие к государственным органам. В сознании этих лиц возникает обоснованное сомнение в том, что прокуратура, как государственный орган надзора, может действительно охранять их права. Нашему суду чужд так называемый «естественный риск» судебных ошибок. Каждая такая «ошибка» считается у нас грубым нарушением социалистической законности. Обязанность следственных, прокурорских и судебных органов состоит в том, чтобы обеспечить полную реабилитацию этих лиц в глазах их сограждан. Поэтому следователь или прокурор уже в предварительном следствии должен приступать к проверке следственных версий с сознанием полной личной от-

ветственности и для полного и объективного расследования дела использовать все необходимые средства и возможности. Эту цель отметила в своих выводах и Общегосударственная конференция КПЧ в 1956 году, когда установила, что «...само признание обвиняемого не освобождает следственные органы и суд от обязанности использовать другие средства к установлению объективной истины» [1].

С вопросом различия в характере последствий, которые наступают в результате доказывания следственной версии и гипотезы, тесно связан следующий специфический признак: после правомерного прекращения уголовного преследования приступать к проверке следственной версии можно лишь при условиях, точно закрепленных Уголовно-процессуальным кодексом (на основе § 266 и след. УПК, устанавливающих условия производства по жалобе о нарушении закона, и § 277 и след. УПК, определяющих условия возобновления уголовного производства).

В Уголовно-процессуальном законе действует также презумпция истинности решения по существу дела, вынесенного судом или прокурором. Эта презумпция действует до тех пор, пока не будет установлено обратное в порядке, предусмотренном законом.

Совершенно иная ситуация наблюдается в других областях общественной жизни. Наши знания, установленные с помощью гипотезы, нельзя считать окончательными. Знания об этих явлениях постоянно углубляются с помощью использования новых гипотез. Итак, наши знания становятся все более глубокими и многогранными и никакие параграфы не стоят на пути их дальнейшего развития.

Специфическим признаком можно признать, наконец, следующий существенный момент, встречающийся при разработке следственных версий: следователь, как правило, должен считаться с субъектом, который в существенной мере влияет на построение и проверку следственной версии. Именно обвиняемый обычно не заинтересован в раскрытии преступления и потому предпринимает все возможное, чтобы вообще скрыть факт преступления, при случае завести расследование на неправильный путь, затруднить или отдалить выяснение преступления.

---

[1] „Nová mysl", zvláštne číslo, Praha, 1956.

С подобным субъективным фактом естествоиспытатель вообще не сталкивается. В данном случае имеется определенное сходство следственной версии с гипотезой, которую строит историк относительно какого-нибудь обстоятельства. Однако следственная версия сохраняет свою специфичность и относительно такой гипотезы. Субъективное начало здесь осуществляет один из участников уголовно-процессуального отношения, которым может быть преступник.

С определенными предположениями, «догадками» можно встретиться и в правовой науке. В действительности же в науке речь идет о чем-то совершенно ином. Но сходство названий может ввести начинающих в заблуждение, и поэтому хотелось бы и об этом вкратце упомянуть в настоящей работе.

Предположения в правовой науке имеют, естественно, иной, чисто правовой характер. Как правило, их называют презумпциями, или правовыми предположениями. Возьмем, например, презумпцию невиновности. Речь идет об одном из основных принципов, на которых построен и наш Уголовно-процессуальный кодекс. Свое выражение презумпция невиновности нашла прежде всего в § 2, абзац 2, УПК: «До тех пор, пока вступившим в законную силу обвинительным приговором суда не признана вина, нельзя то лицо, в отношении которого ведется уголовное производство, считать виновным» [1].

Мы не ставим перед собой задачу разрешить здесь все аспекты этого действительно очень интересного вопроса. Речь идет именно о вопросе, который, как указывает история политических и правовых учений, уже неоднократно находился в центре внимания самых разных правовых школ и направлений. Как таковой, он уже был предметом

[1] Следует, однако, отметить, что подобная формулировка презумпции невиновности была подвергнута критике в дискуссии, которая проходила до и после принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Как недостаток отмечалось, что речь идет о формулировке презумпции невиновности в старой классической форме, которая сегодня уже не соответствует потребностям строгого соблюдения социалистической законности. По этому вопросу см. учебник для вузов „Československé trestné konanie", Praha, 1958, str. 52—54, монографию М. С. Строговича «Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе», стр. 183—216; работу Н. Н. Полянского «Вопросы теории советского уголовного процесса», стр. 182 и след.

самостоятельных теоретических исследований и разработок. Здесь, однако, надо указать лишь на ту сторону этого важного процессуального принципа, с помощью которой возможно провести мысленную грань между презумпцией невиновности и гипотезой, а тем самым и следственной версией. В этих целях было бы достаточно указать на два таких момента:

во-первых, здесь не идет речь о мыслительном процессе, состоящем в выведении предположений, предпосылок на основе определенных установленных фактов и обстоятельств дела. Не идет здесь речь и о средствах установления объективной истины в уголовном процессе, хотя следовало бы помнить, что осуществление данного процессуального принципа участниками уголовного процесса служит предпосылкой правильного установления объективной истины и одновременно гарантией соблюдения социалистической законности на данной стадии расследования;

во-вторых, презумпция виновности или невиновности обвиняемого не является чисто субъективным убеждением следователя либо иного участника процесса, как это полагал В. З. Лукашевич [1]. Допустить подобный взгляд значило бы требовать от следователя, чтобы он предъявлял обвинение и одновременно был убежден в виновности лица, которому обвинение предъявлено. Полагаем, что в этом вопросе правота на стороне М. С. Строговича [2], согласно которому презумпция невиновности является общим принципом, определяющим правовое положение обвиняемого в уголовном процессе и обязанности органов уголовного судопроизводства, то есть «...объективное правовое положение, которое можно выразить так: закон считает обвиняемого невиновным, пока те участники процесса, которые считают обвиняемого виновным, не докажут, что обвиняемый действительно виновен» [3]. Подобное опре-

---

[1] См.: В. З. Лукашевич, Принцип презумпции невиновности обвиняемого—гарантия правосудия в советском уголовном процессе, «Вестник Ленинградского университета», 1954, № 9.

[2] М. С. Строгович при обсуждении проекта Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик отстаивал презумпцию невиновности в ее классической форме (См.: «Социалистическая законность», 1958).

[3] М. С. Строгович, Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1955, стр. 202—203.

деление сущности презумпции невиновности ясно указывает на ту специфичность, которая отличает ее от предположения либо версии.

После выяснения вышеприведенных вопросов можно приступить уже к определению содержания следственных версий и затем понятия следственной версии. Правильно определить содержание следственных версий — значит, в сущности, дать ответ на два основных вопроса: что является содержанием следственной версии и чем это содержание определено?

В социалистической криминалистике существует единство взглядов на ответ, по существу, на оба вопроса, хотя следует признать, что различие во взглядах, встречающееся в теории судебных доказательств по вопросу о предмете расследования и доказывания, с одной стороны, и о пределах расследования и доказывания — с другой, создает определенные трудности в решении прежде всего первого вопроса: что является содержанием следственных версий? [1]

Содержание следственных версий обусловлено их предметом. Образуют его предполагаемые формы связи и причины расследуемого события или его элементов. Если нас упрекнут, что подобное определение содержания следственных версий приводит к отождествлению с предметом расследования и доказывания, укажем на следующие два существенных момента.

Во-первых, содержание следственных версий образует лишь предполагаемые следователем причины и формы их связи с непосредственно постигаемыми явлениями. Если бы в окружающих нас явлениях их сущность постигалась непосредственно прямым усмотрением, то, как правильно указывает Л. Б. Баженов, для их познания не потребовались бы гипотезы. Тогда прямая констатация явлений и их связей друг с другом исчерпывала бы собой всякое познание. Однако на самом деле положение совершенно иное. В познании явлений нам приходится встречаться с признаками внешними, непосредственно обнаруживающимися, и признаками внутренними, скрытыми от непос-

[1] Подробнее по вопросу о пределах расследования и доказывания и о предмете доказывания см.: Г. М. Миньковский, Пределы доказывания в советском уголовном процессе, М., 1956; А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин и Н. А. Якубович, Планирование расследования преступлений, М., 1957, стр. 9 и след.

редственной констатации. В этом последнем случае необходимо строить различные предположения о внутренней основе наблюдаемых явлений и на этой предполагаемой основе давать объяснение непосредственно обнаруживающимся внешним чертам. Такие предположения и будут гипотезами[1].

Во-вторых, речь идет о явлениях, которые допускают различное объяснение; как минимум следует допустить противоположное объясняемому. В этом смысле прав, на наш взгляд, А. Н. Васильев[2], но не Г. Н. Александров[3], который утверждает, что различное объяснение определенных фактов не является необходимым признаком сущности версии в криминалистике. Приведенный им пример, когда преступник застигнут прямо при краже, свидетельствует больше в пользу противоположного утверждения, и не только потому, что речь идет о «простом случае», а потому, что в данном случае для установления и доказывания объективной истины не требуется построения никаких предположений (при условии, что и остальные признаки преступления так же однозначно очевидны, как и сам факт похищения денег из кармана).

Содержание следственной версии могут образовывать все обоснованные предположения как о преступлении в целом, так и о его некоторых признаках. Это будут не только предположения о характере расследуемого события в целом и об отдельных фактах и обстоятельствах, имеющих существенное значение для полного и объективного расследования дела, но и предположения о причинах, которые обусловили существование определенных следов как на материальных предметах, так и в сознании людей, и об остальных связях между отдельными фактами, существенными для расследуемого дела.

Из указанного определения вытекает, что содержание следственных версий шире формул, встречающихся в криминалистической литературе, например классической

---

[1] См.: Л. Б. Баженов, Основные вопросы теории гипотезы, М., 1961, стр. 4.

[2] См.: А. Н. Васильев, Г. Н. Мудьюгин и Н. А. Якубович, Планирование расследования преступлений, М., 1957, стр. 37.

[3] См.: Г. Н. Александров, Некоторые вопросы теории криминалистической версии, «Вопросы криминалистики», 1962, № 3, стр. 15.

римской семичленной формулы [1], двенадцатичленной формулы советского криминалиста П. И. Тарасова-Родионова [2], восьмичленной формулы немецких криминалистов Р. Шёдлиха и Б. Гертига [3] и т. д. Это могут быть все факты и обстоятельства, которые необходимо установить, чтобы дать ответ, произошло ли расследуемое событие, образует ли оно состав преступления (в зависимости от того, имеется ли объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона преступления), что способствовало совершению преступления и, наконец, какое наказание или какие меры следует применить.

В криминалистической литературе отсутствует единство взглядов и по вопросу о классификации следственных версий. Взгляды отдельных криминалистов по этому вопросу различаются в зависимости от того, что берется в качестве основания для этой классификации: если этим основанием является объем фактов, лежащих в основе следственной версии, то происходит деление следственных версий на общие и частные, простые и расширенные или, наконец, узкие и широкие следственные версии; если основанием является субъект, который эти версии строит, то говорится о следовательских версиях либо о версиях обвиняемого; если это основание образует значение версии для расследования дела, то получается деление версий на главные и второстепенные, основные либо дополнительные; если этим основанием служит степень вероятности, то говорится о следственных версиях, мало или весьма вероятных и т. д.

Подобная классификация версий возможна, но, на наш взгляд, она не имеет большого практического значения. Она очень неопределенна, ибо при этом классификационное основание заменяется признаками, которые характеризуют непосредственно следственную версию или процесс ее создания. Поэтому мы поддерживаем критику этих взглядов и одновременно присоединяемся к взглядам тех криминалистов, которые основание для классификации находят в отношении следственной версии к предмету

---

[1] См.: B. Nemec, Zaklady kriminalistiky, Praha, 1955.

[2] См.: П. И. Тарасов-Родионов. Предварительное следствие, М., 1963, стр. 73—74; «Криминалистика», ч. II, М., 1952, стр. 26—27.

[3] См.: R. Schädlich, B. Gertig, Lehrbuch für Kriminalisten, Berlin, 1955, S. 46.

доказывания. Такой критерий позволяет различать общие и частные следственные версии.

Наиболее четко выразил этот взгляд А. Н. Васильев. Он исходит в принципе из следующих соображений: следственная версия является средством установления фактов, которые входят в предмет доказывания. Этот момент предопределяет по своим следствиям и основание классификации следственных версий. И поэтому следственные версии можно строить как по отношению к расследуемому событию в целом, так и к отдельным элементам состава преступления (объект, объективная сторона, субъект и субъективная сторона преступления).

Следственная версия может иногда охватывать тот или окурок и спичку), лицо, употребляющее алкогольные наконец, отдельную его часть. Например, версия о субъекте преступления может быть предположением о том, что кражу с применением технических средств совершил, судя по следам, мужчина высокого роста (оказались следы мужской обуви большого размера), курильщик (оставил окурок и спичку), лицо, употребляющее алкогольные напитки (оставил там бутылку из-под водки), владеющий слесарным ремеслом (замок открыт отмычкой). Такая версия позволяет сузить круг лиц, среди которых может находиться преступник, и в дальнейшем при установлении новых данных построить версию о виновности конкретного лица[1]. Согласуемую с этим взглядом А. Н. Васильева классификацию следственных версий по отношению к предмету доказывания мы считаем единственно верной.

Но такой взгляд подверг критике Г. Н. Александров[2]. Он указывает на некоторые, по его мнению, неточные и противоречивые высказывания, встречающиеся в работах А. Н. Васильева и его соавторов («Планирование расследования преступлений» и «Осмотр места преступления») по вопросам классификации следственных версий. Причину такого положения он видит в неправильном отождествлении версии с предметом доказывания. Он считает, что «...в основу классификации содержания версий дол-

---

[1] А. Н. Васильев, Осмотр места преступления, М., 1960, стр. 48; А. Н. Васильев, Следственные версии, «Советское государство и право», 1960, № 8, стр. 58.

[2] Г. Н. Александров, Некоторые вопросы теории криминалистической версии, «Вопросы криминалистики, 1962. № 3, стр. 18.

жны быть положены не элементы состава преступления, не так называемые «частные» или «предварительные» версии, но те главные вопросы, от решения которых прежде всего зависит раскрытие преступления». Из примечания к этому выводу вытекает, что подчеркиванием «главных вопросов» он не хочет недооценивать «мелочей», которые встречаются при расследовании и которые могут оказаться в дальнейшем главными вопросами. Но что это означает на самом деле?

В криминалистической литературе, как уже отмечалось, имели место попытки дать точный перечень «главных вопросов». Однако эти попытки были напрасны, так как в силу индивидуальности каждого преступления составить перечень таких вопросов не представляется возможным. И поэтому классификация по «главным вопросам» в отрыве от предмета доказывания остается всегда неполной и по своим следствиям может завести следователя на неправильный путь, на путь нарушения социалистической законности.

Предлагаемое нами определение следственной версии имеет и следующее преимущество. Оно включает в себя практически ответ и на второй наш вопрос: чем же определяется содержание следственных версий? Прежде всего двумя моментами:

во-первых, объективно познавательным содержанием установленных к этому времени фактов, из которых мы выводим версию;

и во-вторых, объективно познавательным содержанием предполагаемого нового знания, предположения, которое пока что имеет явно проблематичный характер.

Из определяемого таким образом содержания следственных версий можно сделать выводы прежде всего для правильной методики построения следственных версий: следственная версия строится лишь на основе тех фактов и обстоятельств дела, которые мы установили; следственная версия выводится лишь из тех фактов и обстоятельств дела, которые допускают различное их объяснение; содержание следственной версии расширяется по мере расширения круга фактических обстоятельств дела, устанавливаемых в ходе проверки следственных версий.

Итоги вышеприведенного анализа можно свести к следующим выводам, которые, на наш взгляд, имеют значение для определения *понятия следственной версии.*

Цель предварительного следствия — установить объективную истину. Познание и доказывание объективной истины в предварительном следствии — сложный, многосторонний процесс.

Следственные версии как одна из форм мышления следователя являются существенным средством познания этой объективной истины. Необходимость использования следственных версий вытекает из потребностей следственной практики, которая служит основой, исходным пунктом и критерием истины, а значит, и истины, устанавливаемой в предварительном следствии.

Под следственными версиями как криминалистическим средством познания и доказывания объективной истины понимаются как собственно выводы в форме предположения, которые были построены на основе предварительно установленных фактов, так и путь их выведения и проверки.

Следственной версией является, однако, не всякое предположение: она должна соответствовать целому ряду научных требований. Разработка следственных версий и их проверка — сложный процесс. Единство познавательной, логической и психической сторон этого процесса лежит в основе данной формы мышления.

Процесс мышления в форме следственных версий включает в себя собирание фактов, их всестороннее исследование и оценку, построение предположений (следственных версий) о вероятно существующих отношениях, определение следствий, которые должны были бы обязательно существовать в случае, если выдвигаемая следственная версия является истинной; проверку этих следствий в основном посредством установления новых фактов, выдвижение новых версий, дополнение, уточнение старых. Но и после этого процесс мышления в форме следственных версий продолжается. Причем этот процесс нельзя отождествлять с процессом доказывания.

Следственные версии являются не уголовно-процессуальным, а криминалистическим институтом; они сохраняют свою специфику и среди других криминалистических институтов, к числу которых относится планирование расследования.

Выдвижение следственных версий о факте или определенном событии прошлого имеет место лишь там, где установленные факты и обстоятельства допускают разное

объяснение недостающих связей. Событие, относящееся к прошлому, как правило, связано с деятельностью людей, которые часто не заинтересованы в выяснении его. Из этого вытекает существенная роль субъекта, которую следует учитывать при разработке и проверке версий.

Содержание следственной версии задано уголовным законом и уровнем знаний о выясняемом событии. Существенны и следственные версии, выработанные в ходе дальнейшего расследования. Проверка соответствия следственной версии своей цели проводится специфическими средствами, в формах и сроках, установленных Уголовно-процессуальным кодексом ЧССР.

Следственные версии сами по себе являются не судебными доказательствами, а лишь основой для общего направления расследования и тем самым для получения доказательств. Знание закономерностей разработки и проверки версий — необходимая тому предпосылка.

Определение понятия «следственная версия», как и всякое иное определение, не может включать все его признаки. Такое определение понятия было бы слишком обширным и утратило бы свой смысл. Если исходить из положения о том, что понятие должно содержать лишь те существенные признаки, которые позволяют отличить определенный объективно существующий предмет от других, возникает вопрос, какие существенные признаки должны быть включены в наше определение?

По нашему мнению, к ним прежде всего относятся те признаки, которые выражают специфичность этой формы мышления, цель, которой она служит, и, наконец, то, что обусловливает ее содержание и использование.

На основании этого можно определить понятие «следственная версия» следующим образом:

Следственная версия — это обоснованное собранным материалом предположение следователя о формах связи и причине отдельных явлений расследуемого события (или его в целом) как одно из возможных объяснений установленных к этому времени фактов и обстоятельств дела.

Мышление в форме следственных версий представляет поэтому одно из существенных криминалистических средств (криминалистический метод исследования), которое использует следователь с целью познания и доказы-

вания объективной истины в предварительном следствии, состоящее в построении и проверке (при строгом соблюдении требований Уголовно-процессуального кодекса) всех обоснованных собранными материалами предположений о формах связи и причинах отдельных явлений исследуемого события (или его в целом) как реально возможных объяснений известных к этому времени определенных фактов и обстоятельств дела, необходимых для проверки старых и установления новых фактов и тем самым для направления дальнейшего хода расследования на определенном его этапе.

8. Принципы построения и проверки следственных версий

Основная задача следователя при расследовании каждого уголовного дела состоит в том, чтобы установить объективную истину. Эту обязанность на него, безусловно, возлагает Уголовно-процессуальный кодекс ЧССР. Для ее успешного выполнения социалистическая криминалистика вооружает его действенными видами «оружия». Один из них — следственные версии.

Но чтобы достичь успеха, следователю надо умело применять этот вид оружия. Следственные версии ведут к быстрому установлению объективной истины по конкретному делу лишь при условии, что следователь правильно использует на практике эту форму мышления.

Изучение следственной практики показывает, что именно недостатки в построении и проверке версий часто лишают возможности своевременно и быстро раскрыть и расследовать преступление. Убедительнейшим доказательством этому служит дело Вацлава Мразека [1].

Вацлав Мразек совершил 127 преступлений, в том числе 6 убийств (причем в одном случае имело место двойное убийство), 4 покушения на убийство, 14 половых преступлений, 3 кражи социалистического имущества со взломом, 2 кражи со взломом в детских садах, причем при одной из этих краж он изнасиловал 10-летнюю девочку, 24 кражи со взломом в пивных залах и в прачечных, принадлежащих частным лицам, 12 краж белья во дворах домов, 16 краж домашних животных, 6 краж на пляжах, 6 краж велосипедов, большое число краж денег у сотрудников на производстве, где он работал, и т. д. Эти преступления он совершил в течение пяти лет.

---

[1] См.: Kriminalistický sborník, čis. 9, roč. 1957.

Приведенные данные свидетельствуют об определенных недостатках в работе органов общественной безопасности, которые участвовали в расследовании отдельных случаев его преступной деятельности. И правильно подчеркнули авторы статьи, опубликованной в «Криминалистическом сборнике», что дело Вацлава Мразека явилось не чем иным, как следствием недостатков в разработке и проверке соответствующими органами следственных версий.

В статье говорится: «Главной ошибкой было то, что случай хомутовских убийств с самого начала расценивался как случай, сугубо типичный для сексуального преступника. Такая ситуация правильна постольку, поскольку может идти речь об изучении и объединении отдельных случаев в самостоятельную группу, если есть основания для утверждения, что они были совершены одним лицом. Однако для создания оперативных и следственных версий одностороннее умозаключение очень опасно, как в конце концов показало дело Вацлава Мразека, не говоря о том, что здесь была жестоко отомщена изоляция так называемых «больших происшествий» от происшествий «малых». Это имело место по крайней мере на первых этапах расследования, что привело к невосполнимым потерям. Именно эта непоследовательность и небрежность при проверке разных версий, при проведении следственных и оперативных действий способствовали нежелательной затяжке его окончания» [1].

Обобщение следственной практики в пределах возможности, которую представляют изученные уголовные дела личный опыт расследования, а также некоторые выводы для практической деятельности при построении следственных версий и их проверки — таков, собственно, наш предмет рассмотрения в дальнейшем. Вместе с тем мы намерены обобщить лишь данные, имеющие общее значение для работы со следственными версиями. Построение следственных версий и их проверка при расследовании отдельных видов преступлений имеет свои особенности. О них говорится в методике расследования отдельных видов преступлений. А теперь перейдем к рассмотрению отдельных этапов мыслительного процесса в форме следственных версий.

---

[1] См.: Kriminalistický sborník, čis. 3, roč. 1958, str. 140—144.

9. Собирание фактического материала и его оценка

Процесс мышления в форме следственных версий начинается с собирания существенных для нас фактов и является его отражением. Совершенное преступление — событие прошлого. Создание условий для совершения преступления, само совершение преступления, сокрытие следов преступления, иногда и реализация похищенного имущества — все это вследствие принципа всеобщей взаимосвязи оставляет определенные следы как на материальных предметах, так и в сознании людей. Найти эти следы и установить их в надлежащей процессуальной форме — значит найти объективную истину по делу. Однако это сложная задача. Сразу все эти следы найти мы не можем. Мы не были свидетелями события, и к тому же здесь имеется преступник, который в большинстве случаев не заинтересован, чтобы мы узнали о его преступной деятельности; он уничтожает следы, умышленно создает ложные следы, чтобы завести расследование на неправильный путь или выиграть время и скрыться от разоблачения и уголовного преследования, и т. д. Мы вынуждены эти следы искать и устанавливать постепенно, один за другим.

В этом нам существенно помогают наши органы чувств, которые имеют особенно большое значение при осмотре места происшествия. Но и наше мышление не остается долго в покое. Первый же устанавливаемый факт мы подвергаем строгому логическому анализу. И уже мы используем разные догадки, внезапные идеи, предположения. С их помощью мы устанавливаем, какие следы могут в действительности существовать и где следует их искать.

В этот момент мы еще не говорим о следственных версиях как о криминалистическом понятии, которое определяет все направление расследования; следственные версии служат отражением обширного материала. К ним мы придем еще не скоро, когда подвергнем логическому анализу всю нашу деятельность и ее результаты за определенный период, чтобы установить, каких следов нам недостает, и на этой основе определить дальнейшее направление нашей деятельности на следующий, относительно длинный период.

Следственные версии указывают нам на реально возможное объяснение расследуемого дела, пути и средства проверки истинности наших выводов. При этом никакой логический анализ сам по себе не может нам сказать, какая из следственных версий истинна и какая неистинна. Для ответа на этот самый основной вопрос мы должны «вступить» в практику, которая является единственным критерием истинности наших выводов.

Здесь представляет интерес определение момента, когда мы можем приступить к логическому анализу собранного материала, к построению следственных версий на основе результатов предшествующей нашей деятельности, и то лишь с точки зрения достаточности и характера собранного материала.

Эту проблематику можно выразить следующим вопросом: какой материал надо собрать для возможности построения следственных версий и когда этого материала достаточно для данной цели?

Ответ на первую часть этого вопроса можно сформулировать так: собирать надо факты, которые могут нам объяснить определенным образом расследуемое дело. Речь идет, следовательно о фактах, имеющих определенное объективное отношение к расследуемому делу. На практике, особенно в начале расследования, когда еще точно не известно, что произошло, трудно определить, какие факты относятся к делу и какие нет. На первый взгляд это может быть любой факт, а их, например, только на месте происшествия великое множество.

Несмотря на это, опытный следователь относительно легко находит среди такого множества «как раз те» факты, которые ему нужны. Начинающие следователи спрашивают: «В чем тайна этой способности?» — и часто не получают ответа. Решающую роль здесь играет личный опыт

следователя в расследовании аналогичных случаев и его криминалистические знания, которые, как прожектор, в этой «тьме» разного фактического материала высвечивают «как раз те», лишь существенные для дела факты.

Какой вывод можно сделать из обобщения опыта работы следователей применительно к изучаемому нами вопросу?

Прежде всего надо, чтобы следователь собирал все факты, которые имеют или могут иметь отношение к расследуемому делу. Где гарантия того, чтобы мы не впали в другую крайность: не собирали излишние факты, полагая, что, может быть, это пригодится? Некоторые практики советуют: «Обеспечьте лучше большее, нежели меньшее» — и при этом не осознают, что косвенно приводят практику к другой крайности.

Руководством для возможности установления только такого фактического материала, который имеет значение для расследуемого дела, служит всесторонний анализ конкретной ситуации на основе знания признаков предполагаемого преступления и новейших данных криминалистической науки. Значительную роль здесь играет прежде всего знание всех признаков предполагаемого преступления, как и знание познавательного значения отдельных фактов. При этом выбор не может зависеть от того, подтверждает или исключает эти факты совершение преступления, изобличают ли они преступника или свидетельствуют в его пользу, идет ли речь о так называемых «сильных» доказательствах либо о «слабых», о разных «мелочах». Следственная практика показывает на конкретных примерах, что часто какая-нибудь на первый взгляд «мелочь», неброская деталь является в действительности «сильным», особенно ценным доказательством.

О правильности этого вывода свидетельствует случай расследования крупного хищения денежных средств г билетной кассе железнодорожной станции П., совершенного кассиром Эмилем Ш.

В течение 1954—1956 годов по подозрению в хищении социалистической собственности и в иных преступлениях в отношении Эмиля Ш. трижды проводились расследования, но ни в одном случае не удавалось его изобличить. 24 января 1958 года Эмиль Ш. пытался в своей квартире совершить самоубийство через повешение. Однако жена его спасла. При выяснении причин к само-

убийству он заявил, что сделал это из-за семейного разлада.

В это время в его кассе была проведена ревизия, причем выявлена была лишь небольшая недостача (3,65 кроны). 7 июля 1958 года у Эмиля Ш. была проведена новая внезапная ревизия. В кассе ревизионные органы установили на этот раз излишек в сумме 169,95 кроны. Кроме того, при описи кассовой наличности установили расхождение в 12 234 кроны, которое произошло потому, что в ходе ревизии Эмиль Ш. отправил без ведома ревизоров в центральную кассу три воинских требования на кредитные перевозки. Это обстоятельство вызвало у ревизоров подозрение. Поэтому они дополнительно проверили представленные требования на кредитные перевозки. Одновременно кассу опечатали и предложили отстранить Эмиля Ш. от обязанностей кассира. Это было сделано, и Эмилю Ш. были поручены другие функции на той же станции.

Однако в ночь на 23 июля 1958 года был совершен взлом опечатанной кассы Эмиля Ш. Новая ревизия установила, что преступник похитил несколько пачек картонных проездных билетов общей стоимостью 56 717,11 кроны.

Установленные расследованием обстоятельства свидетельствовали, что взлом произвел Эмиль Ш. На этом основании следователь заключил Эмиля Ш. под стражу и одновременно произвел обыск на его квартире. При обыске следователь нашел два новых, еще не использованных картонных проездных билета: один билет находился в кухонном буфете, другой — в ящике кухонного стола.

Сначала следователь не придал этим билетам большого значения, счел их мелочью, однако изъял их и отразил в протоколе обыска. Он исходил из того, что они могут иметь значение не только для изобличения Эмиля Ш. во взломе, но и для выяснения метода хищения денег.

Были проведены и другие следственные действия, как и обширные оперативно-розыскные мероприятия. Но ничего, что могло бы изобличить Эмиля Ш. во взломе кассы, установлено не было. И следователь приступил к допросу обвиняемого.

В ходе допроса следователь предъявил Эмилю Ш. два проездных билета, найденных при домашнем обыске, и по-

требовал объяснить их появление, указав при этом, что искреннее признание повлияет на меру наказания. Эмиль Ш., убежденный, что проездные билеты, которые следователь вынул из своего портфеля, именно те, что он спрятал в сарае у отца своей жены Павла О., признался и описал всю свою преступную деятельность следующим образом.

Будучи кассиром железнодорожной станции П., Эмиль Ш. знакомился с разными лицами и участвовал вместе с ними в выпивках и развлечениях. Со временем, когда ему не стало хватать личных средств, он решил воспользоваться деньгами, вырученными от продажи проездных билетов. Кроме того, он собирался построить дом для семьи. На приобретение строительного материала использовал также похищенные деньги.

Таким образом, он «распоряжался» государственными средствами до 7 июля 1958 года, пока у него в кассе не была проведена ревизия, которой он и не ожидал. Недостачу в кассе он покрывал двумя способами: подделкой воинских требований на кредитные перевозки, продажей дорогих картонных проездных билетов, которые он подменял в запасном шкафу более дешевыми льготными проездными билетами, и фальсификацией отчетности о продаже льготных проездных билетов. Подмену картонных билетов проводил следующим образом: опечатанную пачку, содержащую 100 билетов, раскрывал, заменял 99 штук дорогих билетов более дешевыми льготными проездными билетами и лишь верхний билет оставлял прежний — высокой стоимости. Измененную таким образом пачку он снова опечатывал и клал в запасной шкаф на прежнее место.

Когда Эмиля Ш. отстранили от работы в кассе, он понял, что будет изобличен в подделке и в использовании не по назначению воинских требований на кредитные перевозки. Однако он намеревался скрыть махинации с картонными билетами; с этой целью он решил произвести в ночь на 23 июля 1958 года взлом своей кассы и похитить из запасного шкафа те пачки картонных билетов, в которых, по его предположению, находились подмененные билеты.

Взлом кассы он произвел во время ночной работы и на другой день похищенные билеты сложил в кожаный портфель, который спрятал в сенном сарае у отца своей

жены Павла О. (позднее портфель с билетами там и был найден). Кроме похищенных из запасного шкафа проездных билетов стоимостью 29 581,80 кроны, в портфеле оказалось также 10 воинских требований на кредитные перевозки. Некоторые из них были еще в нетронутом виде, другие были уже подделаны, а на некоторых был устранен только первоначальный текст, то есть они были «подготовлены» для использования не по назначению. Далее, в портфеле находилось 130 штук уже использованных, но еще не прокомпостированных картонных билетов различной стоимости, три конверта с кассовой документацией и бланками, малый резиновый штамп и прибор «Мизик».

Из этого примера видно, как на первый взгляд мелочь — два неиспользованных картонных проездных билета — привела в конце концов к разоблачению и изобличению крупного расхитителя денежных средств [1].

Следователь собирает не только факты, которые подтверждают существование определенного обстоятельства, но и так называемые негативные факты, то есть факты, свидетельствующие о несуществовании исследуемого им предмета. Не важно, идет ли речь о фактах, которые могут быть прямыми доказательствами или косвенными. Но если отношение прямого доказательства к расследуемому делу всегда очевидно и познание этого отношения на практике не представляет трудности, то этого нельзя сказать о фактах, которые могут быть только косвенными доказательствами. Одна из особенностей этих фактов — их условность, возможность по-разному истолковать устанавливаемый тем или иным косвенным доказательством частный, побочный факт дела [2].

Следователь собирает не только факты, которые могут иметь отношение непосредственно к расследуемому событию, но и те, которые могут иметь отношение лишь к фактам, к этому времени известным или неизвестным, так называемые доказательства доказательств. Это вытекает из характера фактов, которые могут быть косвенными до-

---

[1] Подробнее см. статью Яромира Кудрачека «Хищение в билетных кассах чехословацких железных дорог "Kriminalistický sborník", čis. 2, roč. 1958, str. 66 и след.

[2] См.: А. И. Винберг, Г. М. Миньковский, Р. Д. Рахунов, Косвенные доказательства в советском уголовном процессе. М., 1956, стр. 33.

казательствами по делу. С их помощью следователь может доказывать истинность расследуемого события, они дополняют круг прямых доказательств, помогают установить другие факты, доказательства, проверить достоверность установленных фактов, доказательств и т. д.

Для возможности построения обоснованных следственных версий существенны и факты, которые свидетельствуют о поведении предполагаемого преступника в период перед совершением преступления, в ходе совершения преступления и после совершения преступления, в том числе его поведение при допросе, осмотре и т. д.

В криминалистической и уголовно-процессуальной литературе мы сталкиваемся с этим, но только в связи с вопросом, могут или не могут отдельные факты, свидетельствующие о поведении обвиняемого, служить доказательством по делу [1]. Мы полагаем, что в плане нашей темы этот вопрос является беспредметным. Для нас эти факты не служат доказательствами достоверности существования определенного, существенного для нас обстоятельства. Они указывают лишь на одно из возможных объяснений исследуемого дела, то есть служат лишь основанием построения обоснованных следственных версий.

Надо, далее, собирать материалы, которые хотя на первый взгляд не имеют отношения к расследуемому делу, однако в которых можно найти основания для построения обоснованных версий. Это материалы из других, аналогичных, раскрытых или нераскрытых дел, то есть материалы оперативно-тактического учета [2].

Первоначальное недоверие к материалам подобного рода уже преодолено. Следственная практика богата примерами, когда именно построение следственных версий на основании данных из других раскрытых или нераскрытых дел приводило к быстрому, полному и объективному расследованию преступления, к обнаружению и

---

[1] См., например: И. Д. Перлов, Судебное следствие в советском уголовном процессе, М., 1965, стр. 181; А. И. Винберг, Г. М. Миньковский, Р. Д. Рахунов, Косвенные доказательства в советском уголовном процессе, М., 1956, стр. 55 и след.

[2] О значении и технике ведения оперативно-тактического учета для расследования преступлений см. статью подполковника общественной безопасности Карла Каливоды «От оперативно-тактических учетов к преступнику», "Kriminalistický sborník", čis. 2, roč. 1958, str. 49 и след.

изобличению преступника. Основой такого вывода является опыт следственной практики, свидетельствующей о том, что уголовное деяние какого-либо преступника, особенно преступника-рецидивиста, характеризуется в каждом случае определенными специфическими признаками, присущими только ему или по крайней мере определенному узкому кругу преступников.

Примером успешного использования материалов собрания пуль и гильз из нераскрытых уголовных дел для построения правильной следственной версии может служить случай обнаружения и изобличения преступника, совершившего серию убийств в районе гор. Хомутова в 1951—1955 годах.

Это серьезное уголовное дело оставалось нераскрытым в течение 6 лет. Обнаружению преступника и его изобличению, безусловно, способствовало построение следственной версии на основе материалов собрания гильз и пуль из нераскрытых дел. На указанной основе была составлена следственная версия о том, что все эти убийства совершены одним и тем же лицом.

После обнаружения пистолета на квартире Вацлава Мразека, который в то время был привлечен к ответственности за разные мелкие кражи денег на своей работе, версия была дополнена новым предположением о том, что этим лицом является Вацлав Мразек.

Следственная версия о том, что все убийства по так называемому хомутовскому делу совершены одним и тем же лицом, подтверждалась и судебно-баллистической экспертизой пуль и гильз, найденных в разное время на местах убийств и исследованных судебно-баллистическим экспертом научно-технического отдела Главного управления общественной безопасности. Оказалось, что именно эти гильзы и пули обладают некоторыми общими характерными следами, пригодными для видовой и индивидуальной идентификации.

В связи с делом об убийстве Брониславы П., труп которой был обнаружен 18 сентября 1951 года в речке Билина между Ирковом и Кийецами в районе гор. Хомутова, эксперту были представлены для исследования одна гильза, одна пуля и осколок пули. После исследования их эксперт пришел к следующему выводу: «Гильза, пуля и осколок пули представляют части патрона к пистолету калибра 7,65 мм. Гильза немецкого производства, фабрич-

ной марки «RWS», старая; ее цилиндр уже после выстрела был деформирован и значительно поцарапан. Недалеко от центра капсюля имеется плоское углубление от удара бойка, по краям которого остался характерный дугообразный след в виде полумесяца, выдавленный повреждением на переднем срезе затвора. На закраине гильзы имеется продолговатый след от патронника. Кроме того, на гильзе имеется множество царапин, оставшихся от воздействия губ магазина, которые свидетельствуют о том, что патрон до выстрела несколько раз вставлялся в магазин. Гильза пригодна к идентификации. На пуле и на осколке пули хорошо видны четыре бороздки от правосторонних нарезов в стволе пистолета, ширина которых равна 1,6 мм. Специфических следов на пуле и осколке пули не имеется, и поэтому они не пригодны для идентификации. По числу и размеру следов можно, однако, судить, что обе пули были выстрелены из одного и того же оружия. Гильза и пуля были, вероятно, выстрелены из немецкого пистолета системы «Вальтер», модель 4, калибр 7,65 мм».

Подобные следы были установлены и в результате исследования двух гильз и одной пули, найденных на месте преступления при покушении на убийство Елены М. и при убийстве Марии Д., происшедших 2 июля 1953 года около деревни Пржечаплы.

В заключении судебно-баллистической экспертизы об этом было сказано: «Обе гильзы и пуля — калибра 7,65 мм. Одна гильза чехословацкого производства, заводской марки «SEP», вторая — иностранного производства, заводской марки «RWS». Кроме следов плоского кончика бойка, по краям капсюлей отчетливо видны характерные дугообразные следы в виде полумесяца, выдавленные поврежденной частью на переднем срезе затвора.

Также хорошо различимы на гильзах следы выбрасывателя и отражателя. На шляпках гильз имеется целый ряд царапин, оставшихся от введения гильз в магазин и патронник пистолета. На пуле четко различимы бороздки (канавки) шириной 1,6 мм, прочерченные правой нарезкой в стволе пистолета. Ввиду неясности специфических признаков пуля менее пригодна для идентификации. Взаимное сравнение гильз показало, что гильзы, обнаруженные на месте данного преступления, были выстрелены из того же пистолета, что и гильза, найденная на месте

убийства Брониславы П. и, по всей вероятности, из пистолета «Вальтер», модель 4.

14 июня 1954 года в гор. Хомутове произошло следующее, уже третье по счету убийство. В данном случае речь шла об убийстве Ирины Г. возле деревни Черницы. Одна гильза, найденная на месте убийства, была направлена на судебно-баллистическую экспертизу. Вывод судебного эксперта был подобен тем, что и в двух предыдущих случаях: «Речь идет о железной гильзе от пистолета калибра 7,65 мм, чехословацкого производства, заводской марки «SEP», с оловянным капсюлем, на котором имеется след плоского бойка и характерный дугообразный признак в виде полумесяца, выдавленный поврежденной частью переднего среза затвора. Следы отражателя и граней патронника на гильзе отсутствуют. След выбрасывателя хорошо обозначен. Гильза старая, поблекшая, испещрена большим числом царапин, оставшихся от введения гильзы в магазин и патронник пистолета. Гильза была выстрелена из того же пистолета, что и гильзы, найденные на месте убийства Брониславы П. и Марии Д.».

С места очередного убийства — на этот раз двойного убийства Карела П. и Людмилы Д., совершенного 9 августа 1955 года возле гор. Хомутова, — судебному эксперту были направлены две гильзы, три пули и один боевой патрон. Изучением было установлено: «Обе гильзы чехословацкого производства; одна — старая, железная, заводской марки «SEP»; вторая — латунная, заводской марки «PS» 1951 года выпуска, калибра 7,65 мм. Следовательно, речь идет об относительно новом патроне. Следы от бойка на капсюле — плоские, и рядом с ними на шляпке гильзы находится, как и прежде, характерный дугообразный след в виде полумесяца. Следы выбрасывателя и отражателя, как и граней патронника на обеих гильзах, различимы четко. На пулях остались четыре бороздки от правосторонней нарезки в стволе пистолета, которые стали слабовидимыми. Боевой патрон калибра 7,65 мм, товарный знак — «PS», год изготовления — 1951, имеет следы введения в магазин и патронник пистолета. Обе гильзы были выстрелены из того же пистолета, что и гильзы, найденные на месте убийства Брониславы П., Марии Д. и Ирины Г.

Далее было установлено сходство специфичных признаков в бороздках на пуле, которая была извлечена из

тела убитого Карела П. со специфическими признаками в бороздках на пуле, извлеченной из тела убитой Марии Д. По типичным признакам на гильзах и пулях можно с уверенностью полагать, что все эти гильзы и пули были выстрелены из немецкого пистолета системы «Вальтер», модель 4.

К проверке этой следственной версии было привлечено много работников органов общественной безопасности, которые провели целый ряд следственных и оперативно-розыскных действий, что, однако, не привело к раскрытию этих убийств. Судебные эксперты исследовали большое число пистолетов системы «Вальтер», но безуспешно.

Но однажды вечером в руки к судебному эксперту попал пистолет типа «Вальтер» с заводским № 139154, найденный и изъятый на квартире Вацлава Мразека. Эксперт-криминалист Ярослав Шкорничка [1] пишет об этом событии:

«На основе наших суждений были приняты меры, чтобы все пистолеты системы «Вальтер», модель 4 и модель 3, как и пистолеты «Прага», которые попадут в руки органов общественной безопасности, направлялись для исследования по хомутовскому делу. В научно-технический отдел Главного управления общественной безопасности поступило большое количество пистолетов указанных систем, которые были тщательно исследованы, но «нужного» среди них не оказалось. Пистолеты для исследования поступали часто даже ночью и уже заранее с ярлыком— «те самые». Сначала эти пистолеты исследовали, можно сказать, с затаенным дыханием, но, когда эти случаи стали повторяться с одним и тем же отрицательным результатом, к очередным исследованиям приступали уже с сомнениями и без большой надежды.

Так было и в ночь на 19 марта 1957 года, когда курьер доставил для исследования пистолет системы «Вальтер», модель 4, изъятый на квартире Вацлава Мразека в гор. Кладно. Однако на этот раз уже при осмотре оружия перед экспериментальной стрельбой характерное в виде полумесяца, или серповидное, повреждение на переднем срезе затвора и к тому же ещё плоский конец бой-

---

[1] См. статью Ярослава Шкорнички «Судебно-баллистическая экспертиза по делу Вацлава Мразека», Kriminalistický sborník, čis. 12, roč. 1957.

ка вселили в эксперта почти полную уверенность, что он держит в руке так долго разыскиваемое оружие. Экспериментальная пуля и изучение следов однозначно подтвердили это предположение».

После оценки выводов судебного эксперта и других материалов, собранных следователем, следственная версия была соответственно дополнена: все вышеуказанные убийства совершил Вацлав Мразек. Дальнейшее расследование полностью подтвердило истинность этой следственной версии.

Так, благодаря получению данных из нераскрытых дел и построению на этой основе аргументированных следственных версий с последовательной их проверкой удалось разыскать и изобличить преступника, который в течение шести лет лишал покоя граждан гор. Хомутова и Кладно[1].

Истинный преступник был разыскан, хотя при заключении его под стражу никто и не предполагал, что речь идет о таком опасном и долго разыскиваемом убийце. Оружие нашли и изъяли органы общественной безопасности при домашнем обыске, который производился в ходе расследования по подозрению в краже; это было 17 марта 1957 года, в первой половине дня, когда на работе его застигли во время обшаривания карманов чужого пальто, висевшего в раздевалке.

Вацлав Мразек уже на первом допросе сознался в нескольких мелких кражах, совершенных им по месту работы. Он был взят под стражу еще и потому, что в раздевалке на работе произошло уже до этого несколько краж денег и различных ценных вещей (часы, кошельки и т. п.).

Примером успешного построения следственной версии на основе данных о совершении преступления неизвестным лицом может служить следующее дело.

В Центральное бюро Главного управления общественной безопасности в Праге поступила карточка «А» (сообщение о преступлении, совершенном неизвестным лицом), из которой следовало, что 26 июня 1958 года в легочное отделение райздравотдела районного центра С. пришла неизвестная женщина и потребовала провести ее обследование, не имея на руках соответствующего направления

---

[1] Вацлав Мразек был приговорен к смертной казни.

участкового врача. Она уверяла, что больна туберкулезом. В регистратуре она назвалась Яной Марковой из О.; в приемной находилась недолго, и когда медицинская сестра ее вызвала, то ее на месте уже не оказалось. После ее ухода выяснилось, что она похитила у Елены В. из хозяйственной сумки красный кошелек, в котором находилось 549 крон. Проверка в О. показала, что женщина под указанной фамилией там не проживает. Был объявлен розыск.

Вскоре Центральное бюро получило следующее сообщение о преступлении, совершенном неизвестным лицом: 9 июня 1958 года в первой половине дня в приемную легочного отделения райздравотдела в П. явилась неизвестная женщина, которая представилась Марковой из П. и потребовала, чтобы ее без очереди приняли на рентген. После обследования она пожаловалась на «недомогание», и поэтому врач отпустил ее из кабинета первой. Воспользовавшись отсутствием женщин в гардеробе, она похитила из хозяйственных сумок кошельки с деньгами на общую сумму 2505 крон.

О подобных же случаях поступили сообщения 29 июля 1958 года из О., 8 августа из В., 11 августа из М. Т., 15 августа из О. и др. Оценка этих сообщений о преступлениях показала, что они совершены, по всей вероятности, одним и тем же лицом. При сравнении этих карточек со старыми карточками по способу совершения преступления было обращено внимание на двух рецидивисток — Анну Н. и Божену С. Однако предварительная проверка показала, что Анну Н. не следует принимать во внимание: в критическое время она отбывала наказание в виде лишения свободы. Поэтому следователь построил следственную версию о том, что вышеуказанные кражи совершила Божена С.

В оперативно-тактическом учете была также карточка «Б», из которой явствовало, что в декабре 1957 года Божена С. отбывала наказание в виде лишения свободы за совершение около 30 краж.

Оказывается, она гастролировала по разным городам Чехословакии и совершала кражи главным образом в лечебных учреждениях: приходила в здравпункт под видом пациентки, старалась попасть в первую очередь, потом делала вид, что ей плохо, или под другим предлогом первой попадала в раздевалку и здесь похищала кошельки

из хозяйственных сумок. После совершения преступления она всякий раз немедленно уезжала из города. Проверка этой следственной версии полностью подтвердила ее истинность.

Успешное построение правильных следственных версий на основе данных сравнения карты «Б» (сообщение о преступлении, совершенном известным лицом) с картой «А» (сообщение о преступлении, совершенном неизвестным лицом) можно проследить на следующем примере.

В 1955—1956 годах произошло несколько краж со взломом на складах и в магазинах национального предприятия «Канцелярские принадлежности», откуда были похищены разные канцелярские товары и счетные машины. В оперативно-технический учет наряду с прочим были включены и карточки «А» на следующие кражи:

в ночь на 9 июля 1955 года неизвестный преступник проник в склад «Канцелярских принадлежностей» в К., откуда похитил одну калькуляционную машину и два арифмометра. В склад преступник проник ночью, со двора, через крышу складской пристройки;

в ночь на 27 октября 1955 года неизвестный преступник совершил взлом в магазине того же предприятия в Н. Б., из которого похитил две калькуляционные машины. При краже он воспользовался лестницей, по которой взобрался на крышу дома и оттуда в магазин;

в ночь на 8 апреля 1956 года неизвестный преступник совершил кражу со склада того же предприятия в П., откуда похитил пишущие машинки и арифмометры. Перед закрытием помещения преступник вышел во двор, оттуда по дверной решетке взобрался на крышу и затем на застекленный потолок склада. Здесь он выставил часть стеклянных плит из потолка, привязал к балке металлический трос и по нему спустился в склад. Возвращаясь, он снова приставил лестницу к дыре в потолке, через которую и выбрался на крышу;

в ночь на 8 мая 1956 года подобным способом неизвестный преступник обокрал склад того же предприятия в О. В склад проник через открытое вентиляционное окно на крыше дома.

Оценка этих карточек неизвестного преступника показала, что налицо единообразный метод краж, хотя они и происходили в разных районных городах, и что все эти

кражи совершены одним и тем же лицом. При этом все свидетельствовало о том, что данное лицо во всех случаях было хорошо знакомо с обстановкой в складах и магазинах.

Между тем в оперативно-тактический учет в 1958 году поступила карточка «Б». Некий Войтех В., экспедитор, был привлечен к уголовной ответственности за хищение одной пишущей машинки. Причем машинку он похитил подобным же способом со склада «Машэкспорт», где работал.

Сравнив эту карточку с предыдущими и установив, что Войтек В. в 1955—1957 годах работал экспедитором на предприятии «Канцелярские принадлежности», следователь построил следственную версию о том, что и предыдущие кражи совершены Войтехом В. При дальнейшем расследовании эта версия полностью подтвердилась. Оказалось, что в 1955—1958 годах Войтех В., как экспедитор, будучи в служебных командировках, знакомился с обстановкой в вышеназванных складах и магазинах и использовал это для совершения краж.

Следственные версии сами по себе не являются доказательствами, они лишь предположения, указывающие нам пути, где и как следует искать эти доказательства. Поэтому не обязательно, чтобы отдельные факты были найдены только с помощью уголовно-процессуальных источников установления доказательств. Значит, следственные версии можно обосновывать, но лишь в совокупности с другими материалами, фактами, которые установили, например, органы общественной безопасности оперативным путем или которые вытекают из различных анонимных писем, из разных «слухов» и т. д. Обоснованность следственной версии зависит от характера собранного материала и достоверности его источников.

В социалистической криминалистической литературе этот вопрос освещается по-разному. Встречается, например, расхождение во взглядах на вопрос, возникает ли следственная версия только после возбуждения уголовного дела как уголовно-процессуального акта, либо до него, либо одновременно с ним.

Авторы работы «Планирование расследования преступлений» (стр. 46) полагают, например, что на практике часто возникают случаи, когда материалы, послужившие основанием к возбуждению уголовного дела, не по-

зволяют построить обоснованные следственные версии. Не зная, какие конкретно случаи имеют в виду авторы, мы, однако, полагаем, что построение первоначальных следственных версий должно предшествовать или по меньшей мере совпадать во времени с возбуждением дела в порядке § 164 УПК. По смыслу этого параграфа УПК начинать расследование можно лишь тогда, когда установленные обстоятельства указывают на то, что было совершено преступление. Иначе говоря, на данный момент должны быть установлены обстоятельства такого качества, которые бы свидетельствовали, что было совершено преступление, то есть делали возможным определенное вероятное объяснение собранного к этому времени материала. С подобных же позиций критикует отмеченный выше взгляд авторов работы «Планирование расследования преступлений» и Г. Н. Александров [1].

Со следующим расхождением мы встречаемся при решении вопроса о свойствах материала, достаточного для построения версий.

Одна группа криминалистов придерживается взгляда, согласно которому следственную версию можно построить и на основании лишь одного факта при условии, что из него можно вывести вероятное предположение. Сторонники этого взгляда обычно приводят слова Д. И. Менделеева о том, что лучше держаться такой гипотезы, которая со временем может оказаться неистинной, чем не иметь никакой.

Другая группа исходит из того, что следственные версии можно считать обоснованными лишь тогда, когда несколько взаимосвязанных существенных для дела фактов указывают на то, что все они и в действительности являются следствиями действия определенной причины.

Мы склоняемся к взгляду второй группы криминалистов. На наш взгляд, сугубо теоретически можно строить следственные версии и на основе одного факта. Однако мы не видим в этом никакого практического значения. Таких следственных версий можно по каждому делу построить очень много, но это никак не облегчило бы нашей познавательной деятельности. Истиной, однако, оста-

[1] См.: Г. Н. Александров, Некоторые вопросы теории криминалистической версии, «Вопросы криминалистики», 1962, № 3, стр. 6—7.

ется то, что, чем богаче фактический материал, тем меньше версий можно на его основе построить.

Отвергая взгляды первой группы, мы еще не отвергаем слов Д. И. Менделеева. Наоборот, мы вполне с ними согласны, они не противоречат нашей точке зрения. В общем, можно сказать, что материал является достаточным для построения следственных версий тогда, когда следователь может на его основе определить дальнейшее направление расследования. В начале расследования это будет, как правило, материал, который мы установили первоначальными неотложными следственными действиями.

Устойчивость следов преступления относительна. Это обусловлено в большинстве случаев стремлением преступника уничтожить их, замести и т. д. Поэтому быстрота поиска этих следов и их установления в надлежащих процессуальных формах является непременным требованием построения обоснованных следственных версий. Это требование практически осуществляется при выполнении первоначальных неотложных следственных действий. Круг этих действий по каждому уголовному делу различен. Так, при расследовании растраты денежных средств первоначальными неотложными действиями будут, как правило, требование о проверке или ревизии, изъятие для контрольных органов и для последующего расследования соответствующих бухгалтерских отчетов и книг бухгалтерского учета, личный и домашний обыск, назначение почерковедческой экспертизы и т. д. При расследовании кражи со взломом сейфа основным первоначальным следственным действием будет осмотр места происшествия и установление некоторых других следов преступления.

При этом надо правильно определить по обстоятельствам дела круг первоначальных неотложных действий и провести их с максимальной быстротой. Лишь тогда полученные нами в ходе проведения первоначальных неотложных действий факты будут представлять основу, на которой можно будет строить обоснованные следственные версии. Подтверждением правильности этого требования является опыт следователя по уголовному делу Ярослава Б.

Однажды в прокуратуру пришел руководитель предприятия, где работал Ярослав Б., и высказал подозрение, что последний производит незаконные махинации с финансовыми средствами, и в доказательство представил

список платежных ведомостей и объяснения некоторых свидетелей. Из этих материалов вытекало подозрение, что Ярослав Б. недодал сотрудникам зарплату на сумму около 13 000 крон.

Следователь, получив эти материалы, приступил к тщательному их анализу и оценке. Анализ был направлен прежде всего на то, чтобы установить, действительно ли существует факт незаконных махинаций с платежными ведомостями. Путем сравнения подписей в платежных ведомостях с подписями, произведенными свидетелями, он пришел к выводу, что это так и есть. Свое мнение он сообщил руководителю предприятия и представителям оперативных органов общественной безопасности, наметил вместе с ними основные задачи по дальнейшему ведению расследования данного преступления, а также круг первоначальных неотложных действий, их последовательность и способ их проведения.

Поскольку речь шла о первичных неотложных действиях, было решено направиться на предприятие и принять меры, чтобы Ярослав Б. не мог избежать уголовного преследования (в случае необходимости было решено взять его под стражу); изъять материалы бухгалтерского учета; произвести личный и домашний обыск, а также обыск его рабочего места с целью найти разные (вспомогательные) расчеты, заметки и иной доказательный материал, а заодно и спрятанные деньги или приобретенные на них ценности; потребовать проведения документальной ревизии и начать расследование по делу.

Эти неотложные следственные действия оказались вполне уместными. При обысках были найдены и изъяты синий служебный пакет и желтый конверт, в которых находилось 63 банкноты по 100 крон каждая, а также разные расчетные и платежные ведомости. Особенно ценным для дальнейшего расследования был расчет, как это дополнительно выяснилось, похищенных денежных сумм. На столе обвиняемого под настольной бумагой была обнаружена старая платежная ведомость и бумага, на которой Ярослав Б. «упражнялся» в подделке подписей получателей. Другие ценные материалы нашлись в его квартире.

На основе материалов, полученных при проведении первоначальных неотложных действий, следователь построил версии о способе совершения преступлений и сокрытия их, чтобы прежде всего определить объем преступной

деятельности и сумму причиненного ущерба. Так, благодаря правильной организации расследования, правильному определению круга первичных неотложных действий удалось за относительно короткое время изобличить Ярослава Б. в расхищении более чем 45 000 крон. При этом речь шла об особенно изощренном способе расхищения денежных средств.

Среди первоначальных неотложных действий значительное место занимает прежде всего осмотр места происшествия. Он позволяет следователю непосредственно, лично изучить место действия, найти и зафиксировать отдельные следы, а также изъять предметы, которые могут быть ценными доказательствами по делу, установить обстоятельства, которые позволят найти или проверить другие доказательства, и т. д.

Именно здесь, на месте происшествия, находится больше всего фактического материала, который дает возможность выдвинуть обоснованные следственные версии. Было бы только умение искать и устанавливать. Изучение следственной практики показывает, что это возможно при том условии, что осмотр места происшествия производится немедленно и с полной объективностью, обращается внимание на все мелочи, проводится он организованно и целеустремленно, полностью используются научно-технические средства, выработанные криминалистикой для поиска и закрепления доказательств. Речь идет именно о научно-технических средствах, которые повышают возможности наших органов чувств. Об этом свидетельствует, например, тактика следователя при осмотре бухгалтерских отчетов по уголовному делу Яна К.

В последнее время на Яна К. поступили анонимные доносы и сообщения граждан, из которых вытекало подозрение, что он злоупотребляет своими обязанностями билетного кассира железнодорожной станции К. и расхищает государственные деньги. Проверка этих сигналов, в сущности, подтвердила их правильность, хотя не установила ничего, что бы вело к раскрытию метода хищений и к изобличению Яна К. Поскольку эти сигналы не переставали повторяться, следователь решил снова изучить отдельные отчеты, которые составлял Ян К. по роду своих обязанностей. Для этого он использовал ультра- и инфракрасное облучение. В результате были выявлены особенно тщательные подделки обозначений реквизитов в

требованиях на перевозки в кредит. Дальнейшее расследование выявило, что Ян К. в течение последних трех лет похитил таким образом более 25 000 крон.

Следственная практика показывает, что собирание достаточного количества фактов является лишь одной из предпосылок построения всех обоснованных следственных версий. Этот материал, как мы видели, разнороден, его обусловливают прежде всего характер преступления, конкретная ситуация, в которой совершено преступление, а также способ его обнаружения и наша наблюдательность. Чтобы расследование дела было успешным, требуется поэтому уже с самого начала правильно классифицировать этот материал, прежде всего исключить факты, не имеющие никакого отношения к исследуемому событию. Не менее важно заботиться, чтобы мы «не исключили» при этом факты, которые имеют значение для успешного расследования дела.

Этот мыслительный процесс можно продемонстрировать на следующем конкретном примере.

Анна В., 70-летняя пенсионерка, жила в Праге в квартире № 13; прихожая комната была смежной с квартирой Яна П., в которой проживали также его жена и двое малолетних детей (6 и 4 лет). Заметив, что уже второй день Анна В. не выходит из квартиры, супруги П. 4 сентября 1951 года с помощью соседа Вацлава В. взломали (выбив стеклянную филенку) дверь в квартиру. Они обнаружили, что Анна В. лежит в комнате на полу около тахты. Серое платье было задрано до пояса, а верхняя часть тела прикрыта периной, которая была сильно пропитана кровью. Немедленно вызвали врача, который в последнее время лечил Анну В. Он пришел вместе с врачом, работающим в органах общественной безопасности (официальным освидетельствователем трупов). Врачи установили признаки смерти и, не осмотрев тщательно труп, констатировали естественную смерть от паралича сердца. Параличом сердца, а также предположением, что Анна В. при падении поранилась о железный бок тахты, они объяснили и кровотечение. И все же они назначили судебно-медицинское вскрытие.

Анна В. никогда не была замужем, всю жизнь была одинокой, не имела близких, кроме двух племянниц — Зденки и Елены. В квартире все было разбросано. Все свидетельствовало о том, что кто-то что-то здесь искал.

Врачам пришла мысль, что, вероятно, супруги П., воспользовавшись смертью Анны В., пытались похитить ценные предметы из имущества умершей. Эти свои соображения они сообщили сотрудникам органов общественной безопасности, которые вскоре прибыли в квартиру умершей. Узнав из опроса дворника и некоторых соседей о том, что Анна В. имела бриллиантовый перстень стоимостью свыше 25 000 крон, они приступили к осмотру места происшествия.

Но и сотрудники органов общественной безопасности труп внимательно не осматривали, интересуясь главным образом, какие предметы умершей были похищены и какие следы этого преступления могут находиться на месте происшествия. С этой целью они подробно осматривали двери, шкафы, окна. Они пришли к выводу, что в квартире действительно кто-то рылся в шкатулках, в гардеробе и т. д. Подозрение еще более усилилось, когда в квартире не обнаружили бриллиантового перстня. При этом на шкафах и на шкатулке нашли несколько отпечатков пальцев. При изучении разбитой стеклянной филенки следователь обратил внимание, что отпечатки пальцев имеются и с внутренней стороны. Все остальные факты, имевшиеся на месте происшествия, он оставил в стороне, исключил как не имеющие значения для объяснения смерти Анны В. Вот так он «исключил» и окровавленный нож, который лежал в умывальнике, и электрический утюг со следами крови, который стоял на кухонном буфете, и другие детали обстановки, которые указывали на то, чем занималась Анна В. в критическое время перед смертью.

Такой поверхностный подход к осмотру места происшествия, как увидим далее, следователю изрядно отомстил. Материал, который он отобрал путем такой группировки, как будто подтверждал догадку врачей о краже, совершенной супругами П. Поэтому он произвел обыск в их квартире, изъял корешок почтового перевода на имя Анны В. на сумму 1500 крон. Супруги это обстоятельство объяснили тем, что деньги в понедельник они получили от почтальона, который не мог дождаться Анны В., но с тем, однако, чтобы при первой же возможности отдать их владелице.

Между тем врач, производивший вскрытие, сообщил по телефону в Областное управление внутренних дел,

что на трупе имеются следы, указывающие на убийство Анны В.

В заключении судебно-медицинской экспертизы указывалось, что на лице умершей имеются ссадины и кровоподтеки, возле правого виска — пролом черепа, на левой стороне груди — две проникающие раны и на правой стороне сломаны ребра от 2-го до 9-го. Орудием убийства судебно-медицинский эксперт признал твердый тупой предмет и кухонный нож. Перелом ребер наступил, вероятно, от того, что преступник топтал труп ногами.

Дальнейшее расследование было поручено опытному следователю, который после ознакомления с собранными к этому времени материалами решил произвести новый осмотр места происшествия и допросить всех лиц, которые могли бы более подробно рассказать о жизни Анны В., о ее связях, а также определить время, когда могло произойти убийство. В ходе осмотра места происшествия следователь изъял кухонный нож и электрический утюг. Его внимание привлек, далее, след на зеркале, как бы царапина от алмаза. Изъял он и большое количество окурков из пепельницы, а также билет на электричку № 3 от 3 сентября 1951 года, который лежал возле буфета, где преступник осматривал шкатулку, а кроме того, резинку к пишущей машинке, карандаш и некоторые другие предметы. Он изъял их, хотя знал, что они могли быть оставлены сотрудниками органов общественной безопасности или другими лицами, которые до него находились на месте происшествия. Он знал, что до него здесь уже побывало много людей. Но в то же время можно было предполагать, что эти предметы оставил преступник. И при повторном осмотре места происшествия следователь не нашел ни бриллиантового перстня, ни других драгоценностей, денег, сберегательной книжки, хотя Анна В. владела двухэтажным домом в районном центре Т. и происходила из богатой семьи (ее отец владел большим ювелирным магазином).

Допрос свидетелей был направлен прежде всего на определение времени совершения убийства. Супруги П. сообщили, что видели Анну В. последний раз вечером в субботу, то есть 2 сентября. В воскресенье 3 сентября до полудня они долго спали, а после полудня пошли развлекаться в близрасположенный загородный ресторан. Домой они возвратились около 20 часов. В понедельник

муж ушел рано утром на работу, а жена направилась в город. С детьми осталась ее свекровь Анна П., которая сообщила, что она часто оставалась с детьми своего сына и обычно ее навещала тогда Анна В.

В этот раз она ее не видела и по возвращении невестки Павлы П. спросила, что с Анной. Никакого определенного ответа на свой вопрос она не получила. Обе сначала не придавали этому никакого значения, вплоть до вечера, когда возвратился с работы супруг. Тогда они впервые высказали предположение, не умерла ли Анна, имея в виду ее преклонный возраст.

В тот же вечер они пригласили соседа Вацлава В. и вместе с ним проникли в квартиру. Дворничиха Мария М. сообщила, что Анну В. последний раз видела в субботу вечером около 20 часов, когда последняя выходила из дома на улицу. Продавщица ближайшего магазина «Фрукты и овощи» сообщила, что Анна В. покупала у нее сливы, «если память не изменяет», утром в понедельник, около 10 часов. Это соответствовало тому, что в квартире Анны В. в горшочке на газовой плите нашли сливы. Все указывало на то, что Анна В. в критическое время готовила из них повидло. На основе этих данных следователь пришел к выводу, что убийство было совершено в период между 20 часами 30 минутами 3 сентября и 12 часами 4 сентября. Этому суждению соответствовал и характер посмертных признаков.

Допросы упомянутых свидетелей, как и других лиц, следователь использовал в дальнейшем главным образом для выяснения, какие драгоценные вещи имела Анна В. и какие из них исчезли. В этом направлении существенными были прежде всего показания племянниц умершей, Зденки и Елены.

Зденка сообщила, что два года назад Анна В. подарила ей бриллиантовый перстень, который, однако, иногда снова брала себе на время, как правило, когда направлялась в районный центр Т. за арендной платой. Последний раз она брала перстень с этой целью месяц назад. 2 и 3 сентября Зденка была дома со своим женихом Мартином М.

Второй была допрошена Елена. Она, по существу, подтвердила показания Зденки, но, сверх того, сообщила, что 30 августа Анна В. пригласила ее по телефону прийти к ней домой. При этой встрече Анна В. дала Елене

перстень для возврата Зденке. Перстень Елена положила в буфет, но Зденке об этом ничего не сказала.

Обе сестры проживают в одной общей квартире, находящейся по маршруту электропоезда № 3. Перстень затем был представлен следователю. Зденка дополнительно сообщила, что Анна В. в последнее время опасалась, что ее лишат квартиры в Праге и она будет выселена в районный центр Т.; одновременно она поделилась с ней, что продавец в табачной лавке Алоиз Д. задолжал ей большую сумму денег. Она требовала возврата, но безуспешно. Поэтому она дала ему срок три месяца и одновременно пригрозила, что в случае невозвращения долга в указанный срок она передаст дело в суд.

Далее следователь допросил ювелира из районного центра Т. Он подтвердил, что Анна В. действительно имела дорогой бриллиантовый перстень, который предлагала ему купить его еще месяц назад, когда последний раз была в Т., и одновременно пояснил, что свой перстень она ни от кого не скрывала. Это обстоятельство подтвердили и квартиросъемщики дома в Т.: Анна Д., Франтишка П., Екатерина Р. и др.

Все эти факты следователь признал существенными и установил их в надлежащей уголовно-процессуальной форме. Из этих и некоторых других фактов он сделал затем некоторые предварительные выводы: убийство было совершено электрическим утюгом и кухонным ножом, которые преступник оставил на месте происшествия. Преступление он совершил с умыслом присвоить бриллиантовый перстень и другие ценные вещи, в том числе деньги, либо с целью получить квартиру Анны В.

Не исключалось и убийство Анны В. с целью избавления от уплаты долга. В таком случае преступник разбросал по квартире вещи, когда искал долговую расписку, либо он это сделал специально, чтобы скрыть свой действительный умысел и тем самым направить внимание следователя в другую сторону.

Убийство совершила, вероятно, женщина, с которой покойная была хорошо знакома, и это прежде всего потому, что убийца не принес с собой орудия убийства в квартиру, покойная не звала на помощь, речь идет об относительно слабом ударе и проникающем ранении кухонным ножом, к тому же преступник прикрыл окровавленную часть трупа.

В основу этих вероятных выводов следователь положил отдельные факты, которые находились или могли находиться в причинной связи с убийством Анны В.

Построенные на основе этого материала следственные версии и их последовательная проверка показали, что убийство совершила Божена Д., которая описала свои преступные действия следующим образом.

С Анной В. она поддерживала знакомство уже несколько лет; они друг друга навещали. К мысли похитить бриллиантовый перстень она пришла уже год назад, но не знала, как это сделать. От этого умысла она отказалась, узнав, что Анна В. подарила перстень своей племяннице Зденке. Снова эта мысль пришла ей в голову 29 августа, когда она заметила у Анны В. на руке бриллиантовый перстень. Поэтому и решила осуществить свое намерение. Однако она должна была действовать быстро из опасения, что Анна может опять вернуть перстень Зденке.

Божена Д. еще не знала, каким способом лучше это сделать, но, однако, тогда она еще не допускала мысли завладеть перстнем ценой убийства Анны В. Такая возможность пришла ей на ум впервые только вечером 2 сентября, когда около 20 часов 30 минут она встретила на улице Анну В., которая пригласила ее к себе на чашку кофе.

Узнав, что в соседней квартире никого нет, Божена Д. решила действовать. Она попросила Анну В. показать ей перстень, но Анна В. ответила, что его уже нет. Божена Д., полагая, что Анна В. не хочет показать ей перстень, решила ее убить. Она взяла в руки электрический утюг, стоявший на шкафу, и ударила им по голове ни о чем не подозревавшую Анну В. в момент, когда та застилала тахту. После удара Анна В. упала на пол без всяких признаков жизни. Чтобы не видеть лицо умершей, Божена Д. прикрыла его периной и начала искать перстень. Однако перстень она не нашла. Потом она похитила некоторые ценные вещи и сберегательную книжку. В квартире Божена Д. оставалась приблизительно до 24 часов. Перед уходом из квартиры, опасаясь, чтобы Анна В. не пришла в сознание, она схватила кухонный нож, завернула на умершей платье, наступила ногой на ее правый бок и дважды ударила ножом в правую сторону груди, стараясь попасть в сердце. Из квартиры Божена Д. вышла, прихва-

тив с собой дубликаты ключей, которые висели на стене, и так незаметно удалилась.

Из этого примера видно, что процесс познания объективной истины в предварительном следствии на первоначальном его этапе сложен. Практически это означает, что следователь постепенно знакомится со множеством явлений (как путем непосредственного восприятия ситуации и следов преступления, так и при посредстве лиц, которым эта ситуация и следы известны, и т. д.) с целью собирания лишь тех фактов, которые имеют отношение к расследуемому событию и с помощью которых можно это событие объяснить и доказать истинность данного объяснения в надлежащих процессуальных формах.

С логической стороны этот первоначальный познавательный процесс представляет неотъемлемую составную часть вероятностного умозаключения, которое заканчивается построением (формулировкой) определенного предположения — обоснованной следственной версии.

Возникает вопрос, что же является основанием этой оценки и умозаключения? Этим основанием будет общий признак, который присущ всем явлениям, фактам, с помощью которых мы познаем и доказываем расследуемое событие. На примере расследования смерти Анны В. мы видели то разнообразие явлений, с которым сталкивается следователь уже в начале расследования, и к чему приводит неправильное их разграничение.

В чем состояла причина первоначальных ошибок следователя? В начальной фазе следователь еще не собрал всех фактов, которые имели в том случае значение для познания и доказывания объективной истины (раны на трупе, окровавленный нож, электрический утюг и пр.).

По какому общему признаку следователь должен был собирать эти явления, факты? В криминалистической литературе по этому вопросу нет единства взглядов. Дать ответ на вопрос, какие факты следует собирать, — задача очень тяжелая и сложная не только с теоретической, но и с практической точки зрения.

Мы считаем, что правильный ответ требует подробнейшего изучения закономерностей начальных фаз оценки и умозаключения, закономерностей этого первоначального этапа создания следственных версий. В этой связи нас будет интересовать лишь всесторонний логический анализ каждого явления, с которым следователь встре-

чается с точки зрения установления специфических признаков данного явления и того общего признака, который объединяет все эти специфические признаки отдельного факта и факт в целом с расследуемым событием. Оставим поэтому в стороне изучение собранного материала как с точки зрения взаимосвязи отдельных фактов, так и с точки зрения их отношения в целом к расследуемому событию [1].

Уже в ходе первоначальных неотложных действий следователь приводит определенную (первую) систематизацию явлений, фактов. Он собирает определенный материал, обоснованно предполагая, что этот материал поможет ему объяснить и доказать расследуемое событие. Часть явлений, фактов, обстоятельств он опускает, поскольку обоснованно предполагает, что они лишены этого свойства. При дальнейшем изучении собранного следователь видит, что и здесь встречается материал также двоякого характера. Часть материала имеет определенное отношение к расследуемому событию, а в другой части это отношение напрасно искать. Но и материалы первой группы не менее разнообразны. Один факт относится к объекту преступления, другой — к объективной стороне преступления, третий — к субъекту преступления, четвертый — к субъективной стороне преступления, пятый — к обстоятельствам, которые сделали возможным или облегчили совершение преступления, и т. д.

По какому общему признаку или признакам следователь должен производить эту группировку? Этим признаком, как правильно указывает Л. Б. Баженов, является форма связи явлений и отношения причинности между ними [2]. Именно такое объективное свойство явлений служит логической основой оценки и умозаключений на начальном этапе выдвижения следственных версий. Это значит, что следователь должен собирать прежде всего факты, находящиеся в причинной связи с расследуемым событием. Это признак, который в конце кон-

---

[1] О роли аналогии см. работу А. А. Старченко, Роль аналогии в познании, М., 1961.

[2] См.: Л. Б. Баженов, Основные вопросы теории гипотезы, М., 1961, стр. 4—7. В сущности, подобным же образом разъясняет этот вопрос и А. А. Старченко, Логика в судебном исследовании, М., 1958, стр. 37, Гипотеза, М., 1961, стр. 20—27.

цов является общим для каждого факта, существенного для познания расследуемого дела, независимо от его внешних и внутренних особенностей. Причинную связь с расследуемым событием можно выразить как отношение причины и следствия. Каждый факт, который находится в причинной связи с расследуемым событием, является существенным для успешного расследования дела и потому, как таковой, должен быть установлен в соответствующей уголовно-процессуальной форме.

Было бы, однако, неправильно сводить этот процесс лишь к признаку причинной связи. Следователь при систематизации собранного материала должен исходить и из того, что определенные факты могут быть существенными для успешного расследования дела и изобличения преступника и без их нахождения в причинной связи. Так обстоит дело с фактами, которые связаны с расследуемым событием временно́й или пространственной связью. Это могут быть факты, которые предшествовали расследуемому событию. Так это будет с данными, которые свидетельствуют о подготовке преступления, например о подыскании орудия преступления. Подобным образом обстоит дело и с фактами, которые возникли в ходе совершения преступления. Речь идет, по существу, о следах, которые преступник создал непосредственно совершением преступления, например об окровавленном ноже. Наконец, это факты, которые возникли уже после совершения преступления, например образ жизни преступника не по средствам, необоснованный интерес к ходу расследования и т. д.

Следователь не должен забывать и то, что отношение отдельных фактов к расследуемому делу может быть необходимым или случайным и что повышенного внимания требуют прежде всего случайные факты. Преступник, например, выронил на месте преступления личные документы, не зная об этом, либо мы на месте происшествия нашли личные документы человека, который там находился случайно. Уже с первого взгляда можно заметить, что значение этих случайных фактов различно, но следователь не может отбросить и оставить без проверки ни один из них.

Каждому следователю хорошо известны примеры из его собственной практической деятельности, когда при беглом рассмотрении он приходит к формальному соеди-

нению разных обстоятельств, что после обстоятельной проверки оказывается неправильным. В нашем примере мы видели подобное соединение, которое привело к неправильному построению следственной версии о том, что супруги П. воспользовались смертью Анны В. и похитили из ее квартиры разные ценные предметы, перстень и деньги. Это объясняется тем, что признаки, по которым следователь может судить о причинной связи отдельных фактов и расследуемого события, лежат не на поверхности явлений, а в самой их сущности. Поэтому познать эту причинную связь можно не непосредственно, а лишь опосредствованным логическим путем, всесторонним логическим анализом ее признаков и их обстоятельной оценкой.

Это, по сути, не что иное, как подтверждение слов Энгельса о том, что, «чтобы понять отдельные явления, мы должны вырвать их из всеобщей связи и рассматривать их изолированно, а в таком случае сменяющиеся движения выступают перед нами — одно как причина, другое как действие» [1].

При изучении отдельных фактов нетрудно заметить, что они различаются не только своими внешними, но и внутренними признаками. Их специфика выражается и в определенном конкретном характере объединяющего признака, например причинной связи с расследуемым событием. Одни факты нам подтверждают лишь объективную сторону преступления, иные — объект и т. д. В основе оценки каждого отдельного факта лежит не только анализ, но и синтез.

Такой аналитико-синтетический мыслительный процесс состоит в разложении ситуации или уже собранного материала на отдельные факты; в разложении каждого факта на его составные части; в выделении характерных специфических признаков; в сравнении этих признаков и частей между собой взаимно и каждого из них с расследуемым событием; и, наконец, в построении выводов о существовании или несуществовании самого факта и того объединяющего признака, например причинной связи между ними как следствием и расследуемым событием или некоторой его частью как его причиной.

Последнюю часть этой сложной аналитико-синтетической мыслительной деятельности называют обычно оцен-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 546—547.

кой факта, оценкой доказательства, предшествующую часть — проверкой факта, проверкой доказательства.

Возникает в этой связи практический вопрос: каким логическим путем мы производим эти выводы? В криминалистической литературе по этому вопросу встречаются противоположные взгляды.

Буржуазные криминалисты сводят всю логическую сторону процесса познания фактов, в сущности, лишь к дедукции. Силлогизм для них является единственным логическим способом доказывания в уголовном производстве.

Советские криминалисты правильно критикуют эту односторонность буржуазных криминалистов (О. В. Никренц, А. А. Старченко и др.). При этом они исходят из того, что логическая сторона познания отдельных фактов и их отношения к расследуемому событию очень сложны, а формы и способы мышления очень разнообразны. Это имеет значение прежде всего для исследования отдельных фактов с точки зрения их причинной связи с расследуемым событием. Здесь следователь не ограничивается лишь дедуктивными умозаключениями (включая категорические, гипотетические и альтернативные). Он успешно использует и разные типы вероятностных умозаключений: редуктивные, умозаключения по аналогии и др.

Но это не означает, что следователь может произвольно выбирать тот или иной способ мышления. Выбор его обусловливают особенности каждого отдельного факта и характер знаний, которыми следователь располагает о фактах подобного рода. Взять, к примеру, причинную связь между утюгом и смертью Анны В.

Следователь построил выводы, что электрический утюг преступник использовал как орудие преступления. Следователю были известны данные судебно-медицинской науки, индуктивно обобщающей практику о том, что характер повреждения костей черепа обусловлен использованным предметом: одни признаки при использовании острого предмета, другие при использовании тупого предмета, третьи при проникающем ранении и т. д. В конкретном случае судебный врач и после него следователь исходили из этого обобщения и применили его к специфическим признакам повреждения костей черепа. В результате был получен вывод о том, что повреждения возникли от удара тупым предметом.

Это умозаключение можно выразить еще так: «Если кости черепа были повреждены тупым предметом, должны существовать их характерные признаки «а», «б», «в», «г», «д», «е» и др. Эти признаки мы установили при повреждении костей черепа Анны В. Значит, кости черепа Анны В. были повреждены при ударе тупым предметом.

Но продолжим наше умозаключение. Чтобы повредить кости черепа, надо иметь тупой предмет соответствующего веса и при ударе должна быть применена определенная сила. В том месте, где нашли труп Анны В., этому требованию отвечает только электрический утюг. Он тупой, относительно тяжелый, и к тому же на одной стороне его находятся два небольших следа крови. Чтобы наши выводы были истинны, требуется, кроме того, доказать еще истинность посылок, из которых этот вывод производится. При этом мы должны строго соблюдать логические правила построения выводов, которые выработала формальная логика. На это требование указывали и классики марксизма-ленинизма.

Характер знания о связи между отдельным фактом (следствием) и расследуемым событием (причиной), полученного логическим путем, не всегда одинаков. В одном случае вывод о причинной связи устанавливается вполне достоверно, в другом — лишь с большей или меньшей вероятностью. И хотя вывод о повреждении костей черепа Анны В. ударом тупого предмета мы установили благодаря судебно-медицинской науке с полной достоверностью, этого нельзя сказать о выводе, что преступником была женщина, хорошо знакомая с убитой.

Это положение можно проиллюстрировать и другими примерами. Так, допустим, например, что в трупе установили наличие яда в таком количестве, которое способно причинить мгновенную смерть. На основе этого можно заключить, что использованное количество яда находится в причинной связи со смертью. В этом случае речь идет о достоверном выводе, опирающемся на знания, обобщенные судебной медициной, неоднократно проверенные практикой.

На бутылочках с ядом, которые найдены в месте, где лежал труп, следователь установил несколько отпечатков пальцев. Дактилоскопическая экспертиза подтвердила, что во всех случаях речь идет о следах, которые оставил умерший. Поэтому вывод о том, что умерший перед

смертью касался этих бутылочек (установили мы его в форме дедуктивного умозаключения), можно также считать достоверным.

В этом случае мы исходим из научных положений, выработанных криминалистикой на основе физиологических законов о неизменности, неустранимости и неповторимости узоров папиллярных линий. Однако нельзя утверждать, например, что в данном конкретном случае имело место самоубийство, поскольку умерший в свое время говорил своей девушке, что покончит с собой. Связь между высказыванием такого намерения и наступившей смертью можно лишь предполагать. Действительность показывает, что лица, которые высказывают подобные намерения, нередко действительно посягают на свою жизнь. Встречаются, однако, и случаи, когда этого не происходит. Подобные высказывания возможны и при намерении запугать кото-либо, чтобы получить его согласие на предложение. Так же бывает и с другими подобными выводами, полученными индуктивным путем.

Советский криминалист Г. Н. Мудьюгин изучением конкретных уголовных дел об убийствах, при которых труп был спрятан, пришел к выводу, что в большей части случаев преступниками являются лица, с которыми убитый был знаком лично. Эти данные успешно использованы следователями при расследовании подобных дел. На основе таких данных криминалистической науки следователи строят с учетом конкретной ситуации следственные версии о субъекте преступления из круга лиц, которые были знакомы потерпевшему [1]. Но при этом речь идет лишь о вероятном, проблематическом выводе. Встречаются случаи, когда сокрытие трупа производит и преступник, который до этого не был знаком со своей жертвой.

Для построения следственных версий существенны как достоверные, так и вероятные выводы о существовании или несуществовании отдельных фактов и их отношении к расследуемому событию. Ибо вероятные выводы по сравнению с голым, изолированным фактом означают качественно более высокую ступень познания расследуемого события.

---

[1] См.: Г. Н. Мудьюгин, Методика следствия по делам об убийствах, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего, «Социалистическая законность», 1953, № 5, стр. 64—71.

Итак, можно сделать некоторые выводы, которые имеют практическое значение.

а) Познавательный процесс начинается с собирания фактов, которые могут дать определенное объяснение расследуемому делу. Круг этих фактов шире предмета доказывания. Это факты, которые имеют или могут иметь отношение к расследуемому делу, поскольку подтверждают или исключают совершение преступления, отягчают положение преступника или свидетельствуют в его пользу, в том числе «сильные» или «слабые» доказательства, детали, мелочи и т. д.

Ввиду того, что следственные версии не являются доказательствами по делу, не имеет значения, получены ли отдельные факты с помощью уголовно-процессуальных источников доказательств либо иным путем. Поэтому следует собирать и материалы, установленные оперативно-розыскным путем, не исключая разных анонимных доносов, слухов и т. п.

Существенны также материалы аналогичных раскрытых, как и нераскрытых, случаев. Поэтому представляют интерес и материалы из оперативно-тактических учетов: из собрания пуль и гильз по нераскрытым делам и т. д.

Достаточность материала для его последующего логического анализа и оценки обеспечивается на практике, как правило, проведением первичных неотложных действий. Правильное определение круга этих первоначальных неотложных действий и их ускоренное проведение со всесторонним использованием всех выработанных криминалистикой научно-технических средств и тактических приемов и методов является необходимым условием построения обоснованных следственных версий.

б) Систематизация собранного материала, его всесторонний логический анализ и оценка являются следующим этапом мыслительного процесса в форме следственных версий. В основе этой логической операции лежат анализ и синтез в их диалектическом единстве. На этом этапе производится всесторонний логический анализ каждого факта в отдельности с точки зрения установления его специфических признаков и того общего признака, который связывает этот факт в целом с расследуемым событием.

Оценить фактический материал — значит сделать вывод о существовании или несуществовании отдельных

фактов, как и об отношении каждого факта к расследуемому событию. Оценка материала происходит на основе внутреннего убеждения следователя, которое основано на законе и социалистическом правосознании.

Основным общим признаком, по которому можно вычленить из бесконечного множества материалов лишь те факты, которые имеют значение для расследуемого дела, является прежде всего причинная связь, отношение причины и следствия.

Существенны и факты, которые находятся или могут находиться во временно́й и пространственной связи с расследуемым событием. Подлежат выяснению и необходимые, и случайные связи.

в) Логическая форма построения подобных выводов разнообразна. Речь идет как о дедуктивных умозаключениях, так и о разных видах вероятного умозаключения: редуктивного, умозаключения по аналогии и т. п. Они представляют начальную необходимую фазу мышления в форме следственных версий, которая, в сущности, заканчивается построением предположения — основы следственной версии.

Различен также уровень знания причинной связи, устанавливаемой логическим путем. В одних случаях это достоверное знание, в других — лишь более или менее вероятное. Но и вероятное знание представляет ценность в качестве предпосылки для дальнейшей аналитико-синтетической деятельности при построении следственных версий и их проверке и тем самым и для успешного, быстрого, полного и объективного расследования.

10. Формулировка предположения — выводной части следственной версии

В результате розыска и установления следов, оставленных на материальных предметах и в сознании людей, всестороннего анализа и оценки этих следов на основании личного опыта и теоретических познаний следователь приходит к следующему этапу процесса мышления в форме следственных версий — к построению предположения, которое образует основу каждой следственной версии. Это момент, когда следователь выполняет, по сути, две задачи: выводит и формулирует следственную версию и одновременно строит все принимаемые во внимание следственные версии этого рода. Этот этап процесса мышления, подобно предшествующему, имеет свои особенности, из которых следует исходить в интересах установления объективной истины по конкретному делу.

С помощью предшествующего всестороннего анализа мы произвели определенную систематизацию собранного материала. После установления признаков, которыми отдельные факты отличаются один от другого, мы отобрали в самостоятельную группу те, о которых обоснованно предполагаем, что они могут находиться в определенной связи с расследуемым событием. Этот вывод мы произвели независимо от того, установили ли мы существование каждого отдельного факта и его связи с расследуемым событием достоверно либо лишь с большей или меньшей вероятностью.

Таким образом, мы получили определенную совокупность отдельных фактов, имеющих лишь одно общее: предполагаемую причинную связь с расследуемым событи-

ем. Чтобы на этой основе строить следственные версии, надо оценить связь всех следствий и причины, которая существует между единичными отдельными фактами и расследуемым событием. Но это предполагает исследование и взаимосвязей между отдельными фактами, а также между ними и расследуемым событием.

В ходе этой дальнейшей аналитико-синтетической деятельности, когда мы изучим их как порознь, так и в совокупности, когда подвергнем обстоятельному разбору не только их связь с расследуемым событием, но и их связь между собой, совокупность отдельных фактов постепенно превратится в нечто качественно новое, в определенную систему, в целое. Это нам уже позволяет строить вывод о неизвестной до сих пор причине, которая обусловила данную систему, а значит, и отдельные ее факты. Но создавать такую систему, все это мысленное единство мы не можем произвольно. Объединять можно лишь то, что в действительности едино: «Мышление, если оно не делает промахов, может объединять элементы сознания в некоторое единство лишь в том случае, если в них или в их реальных прообразах это единство уже до этого существовало. От того, что сапожную щетку мы зачислим в единую категорию с млекопитающими — от этого у нее еще не вырастут молочные железы» [1].

Процесс оценки собранного материала и выведения предположений, которые лежат в основе следственной версии, проходит в логической форме специфического умозаключения. Сам вывод, собственно следственная версия, принимает форму суждения. Мы видим, что о следственной версии можно говорить как о суждении, которым мы объясняем определенную группу явлений, фактов, либо как о специфическом умозаключении, в форме которого мы получаем это суждение.

В криминалистической литературе не встречается возражение против такого обобщенного вывода, однако нет достаточно глубокой разработки этого вопроса, а поэтому нет и ответа на некоторые другие вопросы, которые с ним связаны.

С нашей точки зрения, наиболее существен вопрос о характере данного суждения и умозаключения. Работы логиков свидетельствуют об отсутствии единства взгля-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 41.

дов в этом направлении[1]. Подробное изучение вопроса следственной версии как умозаключения привело нас к выводу, что ближе всего к истине взгляд Л. Б. Баженова, который высказан применительно к гипотезе[2].

Неправильно при этом и отождествлять следственные версии как умозаключения, например, с категорическим силлогизмом или видеть в них совокупность разных других умозаключений. Мы говорим: если существует «Х» как причина исследуемого явления, то должно существовать и «Р» (как совокупность ее следствий «а», «б», «в», «г», «д», «е», «ж», «з» и т. д.). «А» (как совокупность результатов «а», «б», «в», «г», «д», «е», «ж», «з» и т. д.) есть «Р». Из этого вытекает, что «Х» есть «А». В данном случае мы лишь предполагаем, что «Х» может быть «А». Речь здесь идет о связи неизвестной причины и не вполне известных следствий — мы не знаем, что произошло, и располагаем в качестве найденных и установленных лишь некоторыми следами. Поэтому наш общий тезис — следственная версия — будет лишь более или менее правдоподобен. К этому прибавляется и то обстоятельство, что во всей нашей системе в целом, в нашем умозаключении заложены в принципе как вероятные, так и достоверные посылки. Во многих случаях вероятны как мысленно рассматриваемые факты, так и причинная связь между ними. Больше того, «ненадежен» логический прием мышления, использованный нами при оценке фактического материала, — вероятное умозаключение. Предполагая тот или иной вывод истинным, мы одновременно допускаем и его неистинность. Поэтому с логической точки зрения можно смотреть на наш вывод как на гипотетическое суждение, которое можно выразить, например, так: «Х» как причина исследуемого явления существует, если окажется существующим «Р» (как совокупность необходимых и до сих пор не установленных ее действий «а», «б», «в», «г», «д», «е», «ж», «з» и т. д.).

Как этот процесс происходит в действительности, можно проследить на примере расследования смерти Антонина Г.

[1] См., например, работы К. Бакрадзе, Логика, 1951, стр. 406—408; П. В. Копнина, Гипотеза как форма развития науки, труды Томского государственного университета, т. 118, стр. 174—179; Л. Б. Баженова, Основные вопросы теории гипотезы, 1961, стр. 34—40; А. А. Старченко, Гипотеза, 1962, стр. 29—31 и др.

[2] Л. Б. Баженов, цит. соч., стр. 34—35.

Однажды в первой половине дня (около 11 часов 20 минут) следователь получил телефонное сообщение о том, что в общежитии, расположенном в запретной зоне, в комнате № 45 был обнаружен труп молодого 26-летнего рабочего Антонина Г. Обстоятельства смерти, по словам сообщавшего, свидетельствовали о насильственной смерти при весьма подозрительных обстоятельствах. Следователь немедленно выехал на место происшествия. Из опроса Яна С. он установил, что труп был обнаружен приблизительно час назад (около 10 часов 25 минут). Накануне Ян С. был в гостях у родственников. В тот день он возвратился в общежитие рано утром (около 06 часов 05 минут), направился к комнате № 45, где уже два года он проживал совместно с Антонином Г. Но обнаружил, что дверь заперта. Открыть ее собственным ключом ему не удалось: дверь была заперта изнутри на ключ, который остался в замочной скважине. Ян С. начал стучать в дверь, надеясь разбудить находящегося в комнате Антонина Г. Стучал он долго и сильно, пока не начали ругаться соседи по коридору. Ян С. был убежден, что Антонин Г. ночью снова напился и потому не может проснуться. Такое с ним случалось уже раньше.

Не достучавшись, Ян С. направился в канцелярию. Около 10 часов 15 минут он снова пошел к своей комнате. Все повторилось. Антонин Г. не открыл дверь даже тогда, когда Ян С. стал стучать тяжелым предметом. Это уже показалось ему подозрительным, он вернулся в канцелярию и попросил других товарищей помочь ему взломать дверь. И тут он впервые высказал подозрение, что с Антонином Г., должно быть, что-то случилось.

После взлома двери все присутствующие обнаружили в комнате большой беспорядок, тяжелый воздух. Антонин Г. полуобнаженный лежал неподвижно в своей постели. Пытались его разбудить, но он не проявлял никаких признаков жизни.

Приглашенный врач констатировал смерть, которая наступила, вероятно, около 22 часов вечера. При осмотре места происшествия следователь обратил внимание прежде всего на следующие обстоятельства: на дверях в комнату № 45 не было никаких других следов, кроме тех, которые оставил Ян С. при взломе. Исключалось, чтобы кто-то закрыл дверь изнутри и затем ушел с места преступления, поскольку комната располагалась на третьем

этаже здания с ровными стенами, а окна были прочно закрыты.

Как видно, следователь уже здесь при чувственном восприятии и первоначальной аналитико-синтетической деятельности на месте происшествия обратил внимание, по сути, лишь на те обстоятельства, о которых предполагал, что они имеют определенную связь со смертью Антонина Г., хотя на месте был большой беспорядок, личные вещи разбросаны, шкаф и ночной столик раскрыты и т. д. На столе стояла пустая бутылка из-под «Московской водки» и рюмка, на одну треть наполненная бесцветной жидкостью. Следователь обратил внимание на содержимое рюмки, но ничего не предпринял для установления отпечатков пальцев на бутылке и рюмке. Без внимания он оставил и некоторые другие факты.

Но и без учета этих отдельных фактов в распоряжении следователя оставался еще слишком широкий круг отдельных явлений. В то время он и не мог предполагать, какие из них имеют или могут иметь связь со смертью Антонина Г. К дальнейшей группировке фактического материала он приступил не сразу, практически после проведения всех первоначальных неотложных действий. По мере того как расширялся круг его сведений, суживался и круг возможностей разного объяснения смерти Антонина Г.

К числу таких сведений относились и некоторые выводы врача, производившего вскрытие. Во второй половине дня судебно-медицинский эксперт ознакомил следователя со своим предварительным выводом: в трупе было установлено наличие динитрофенола; речь идет об отравлении этим веществом.

Ввиду наличия этих данных следователь как бы «заставил» себя заново провести логический анализ всех прежних результатов своей первоначальной деятельности по этому делу. Новый анализ был сосредоточен главным образом на изучении фактов с точки зрения их причинной связи со смертью Антонина Г. В итоге он выделил следующую группу отдельных фактов: Антонин Г. работал с отравляющими веществами, в том числе и с динитрофенолом, окисью ртути, пикриновой кислотой, мышьяком и др., не соблюдая элементарных правил безопасности и личной гигиены. Были случаи, когда он клал еду рядом с ядом. Однажды он рассказывал сослуживцам, как

по ошибке выпил кислоту, приняв ее за сливовицу. За несколько дней до смерти видно было, что Антонин Г. заболел: его рвало, слабило, трижды за ночь бегал в уборную, на коленях у него появились большие красные пятна яйцевидной формы. Сам он жаловался на головные боли. За день до смерти он выглядел весьма плохо, лицо было красным и потным, он охлаждал себе голову под водопроводным краном.

В минувший день он ушел из канцелярии около 13 часов 40 минут, намереваясь вскоре снова возвратиться; но до конца рабочего дня (16 часов 30 минут) так и не вернулся. Родственникам он написал, что приедет их навестить через несколько дней. Никакой прощальной записки он не оставил. Отмечалось и то обстоятельство, что в трупе обнаружено наличие динитрофенола. Антонин Г. был найден мертвым в комнате, дверь которой была заперта изнутри. Он не обращался за медицинской помощью, хотя перед смертью испытывал сильные боли, — на месте были установлены следы рвоты, испражнения, постельное белье было вымазано, его трусы были сняты и валялись возле постели и т. д. В комнате на книжной полке оказались две бутылочки. Одна из них была до половины наполнена динитрофенолом, а другая — до пробки пикриновой кислотой. В последнее время он часто напивался, особенно после разрыва со своей девушкой, имя которой и адрес не удалось установить до сих пор.

Для всех этих фактов общим является одно: о каждом из них можно предполагать, что он так или иначе был связан со смертью Антонина Г. Но этот вывод является слишком общим. Он не служит ответом на основной вопрос: произошло ли в данном случае убийство, самоубийство или несчастный случай?

Логический анализ отдельных фактов с точки зрения их связи с расследуемым событием далее показал, что часть этих фактов допускает и убийство, и самоубийство, и несчастный случай. Другая часть свидетельствует о том, что в данном случае речь может быть лишь о самоубийстве или о несчастном случае. Это побуждает разбить фактический материал на подгруппы. Основанием деления здесь будет способ объяснения смерти Антонина Г., точнее, предполагаемая конкретная причинная связь между отдельными фактами (следствиями) и расследуемым событием (причиной).

Такой ход мысли дал нам уже нечто новое, но даже и этого недостаточно для ответа на наш вопрос. В нашем умозаключении уже с первого взгляда заметна определенная односторонность. Все явления мы изучали лишь с точки зрения их причинной связи с исследуемым явлением. Дальнейший путь конкретизации нашего вывода, путь поиска объективной истины обусловлен преодолением этой односторонности. Для этого надо подвергнуть отдельные факты дальнейшему анализу не только с точки зрения их связи с расследуемым событием, но также с точки зрения связи между ними. Это позволит полнее классифицировать фактический материал.

Таким путем можно установить, что некоторые факты так или иначе взаимосвязаны либо эту связь между ними можно предполагать; в других же случаях выявляется отсутствие связи. Так обстоит дело, например, с фактом наличия на месте происшествия пикриновой кислоты. В свое время по поводу этого факта мы обоснованно предполагали, что между ним и расследуемым событием существует причинная связь. Смерть могла действительно наступить в результате отравления пикриновой кислотой. Теперь, когда мы начали изучать этот факт с точки зрения его связи, например, с тем фактом, что судебно-медицинский эксперт не нашел в трупе пикриновой кислоты, и в то же время с помощью надлежащих научных методов исследования было достоверно установлено наличие в трупе большого количества динитрофенола, мы должны пересмотреть и наше предположение.

Анализ остальных фактов, наоборот, повышает степень вероятности наших предварительных выводов. Мы видим, что между этими фактами существует какая-то временная связь — все они произошли в определенное время перед смертью Антонина Г. Далее, здесь есть и пространственная связь — все они так или иначе касаются местопребывания Антонина Г. и его личности. Между некоторыми фактами мы устанавливаем либо в крайнем случае можем предполагать причинную связь (отношение причины к следствию и наоборот).

Эта новая, всесторонняя аналитико-синтетическая мыслительная деятельность позволила следователю приступить к более глубокой оценке собранного фактического материала и к формулированию следственных версий.

Рассмотрим в общих чертах мыслительный процесс на

этапе построения версий. В нашем примере следователь рассуждал примерно таким образом: Антонин Г. работал с сильно действующими отравляющими веществами. На работе он не соблюдал необходимых мер по безопасности и личной гигиене. В одном случае он по ошибке выпил до сих пор не установленный химикат, полагая, что это сливовица.

В последнее время приходил домой нетрезвым, мало спал, был расстроен. Что, если он опять в таком состоянии выпил отравляющее вещество, содержащее динитрофенол, ошибочно приняв его за алкоголь? Динитрофенол был, безусловно, обнаружен в трупе. Но динитрофенол мог попасть в тело и другим путем. Непосредственно перед смертью у Антонина Г. было красное лицо, он потел и, вероятно, имел повышенную температуру. Охлаждал себе голову под водопроводным краном. Из канцелярии ушел с намерением возвратиться. Пошел в комнату, и никто его больше уже не видел.

Что, если пошел с намерением принять лекарство и при этом ошибочно взял бутылочку с динитрофенолом? Сходство бутылочек было установлено на месте происшествия. Однако речь идет о взрослом человеке. Хотя такая ошибка и возможна, но разве исключается то, что он пошел в комнату и употребил динитрофенол с целью самоубийства? Однако выпил ли он отравляющее вещество в количестве, достаточном для причинения смерти? В бутылочке не хватает около 5 граммов динитрофенола. Достаточно ли этого количества для того, чтобы наступила смерть?

Пока что все это неизвестно и все это необходимо установить. Допустим, что да. Тогда возникает вопрос, каковы в зависимости от количества употребленного динитрофенола должны быть признаки, сопровождающие смерть от этого яда. Предположим далее, что он испытывал боли, должен был, конечно, испытывать сильные боли. Почему, однако, он не позвал на помощь и не попросил медицинского вмешательства? Был без сознания или просто не хотел это сделать? В последнем случае более вероятно, что он хотел умереть и с этой целью употребил динитрофенол.

Из построенных в такую систему отдельных фактов следует вывод, что в данном случае речь идет о самоубийстве. То обстоятельство, что он был болен за не-

сколько дней до самоубийства, а также что родителям написал о своем приезде, можно объяснить, например, тем, что он хотел замаскировать самоубийство.

Но что же мы видим еще? Те же самые факты, если их привести в другую систему, допускают в связи с другими фактами (продолжительная болезнь перед смертью и др.) возможность иного объяснения смерти Антонина Г.

Но прервем на момент рассмотрение этого мыслительного процесса и коснемся некоторых других вопросов, связанных с построением и формулировкой собственно следственной версии.

Во-первых, возникает вопрос, обладает ли свойством истинности или неистинности сам вывод следователя о том, что имело место самоубийство? Следователь убежден, что такой вывод может обладать свойством истинности, но в этот момент для подобной уверенности нет еще достаточных оснований. Поэтому истинность может лишь предполагаться. И одновременно, чтобы не впасть в ошибку, следователь должен допускать также возможность противного. Допустим, что после полного и объективного расследования мы установили достоверно, что в данном случае действительно имело место самоубийство. Мы видим, что уже в то время, когда мы строили версию о самоубийстве, мы произвели какой-то переход от известного к ранее неизвестному, познали это неизвестное. Наш вывод уже тогда обладал свойством истинности.

Возникает вопрос: что же является объективной основой этого перехода?

Как известно, природа и общество развиваются в полном соответствии с присущими им законами. Закономерная взаимосвязь явлений имеет всеобщий характер, и поэтому, опираясь на знания, можно делать выводы о явлениях, которых мы не наблюдаем, но развитие которых подчинено общеизвестным законам. Это положение можно применить и к мыслительному процессу в форме следственных версий. Исходя из указанного положения можно сказать, что объективной основой для перехода от частичных знаний об отдельных известных фактах к полному знанию ранее неизвестной причины, которая их обусловила, является именно наше предположение, что так и было в действительности. Таким образом, смерть Антонина Г. наступила действительно в результате от-

равления динитрофенолом, а при большей конкретизации причинной связи — предположение о том, что субъективной причиной отравления было решение покончить с собой.

Доказано наукой и проверено практикой, что отравление динитрофенолом связано с сильными болями, рвотой, поносом и др. Эти следствия мы установили и в нашем случае. Однако пока не познаны все следствия, цепь причинной связи еще не замкнута. Но мы можем умозаключить о существовании именно этой причины, предполагать ее без опасения, что заведем расследование на неправильный путь.

Доказать истинность версии о самоубийстве из данного фактического материала чисто рассудочной деятельностью невозможно. Мы должны снова вернуться к действительности, с которой мы имеем дело уже в начале нашего расследования, и на практике найти и проверить другие факты, которые помогут нам заменить следственную версию достоверным знанием.

Во-вторых, возникает вопрос: когда можно признать следственную версию обоснованной? О какой следственной версии можно утверждать, что она соответствует требованию обоснованности?

По нашему мнению, это будет лишь та следственная версия, которая основана на системе взаимосвязанных фактов, возникших в результате действия одной и той же причины. При этом может идти речь не о произвольно выбранных фактах, а обо всем фактическом материале, который к этому моменту собрал следователь.

Отдельные факты, положенные в основу версии, не могут исключить один другого, и следственная версия должна действительно вытекать из них, согласовываться с ними, и, больше того, она должна объяснять определенным положительным образом эту совокупность фактов. Это же относится и к существующим в науке (прежде всего в криминалистике) законам и теориям. Причем речь не идет о требовании какого-то пассивного приспособления следственной версии к установленным фактам и к установленным наукой законам и теориям. Следственная версия, подобно гипотезе, не только не должна противоречить фактам, из которых она исходит и которые объясняет, не только не должна противоречить и познанным наукой законам и теориям, но в случае необходи-

мости она должна быть способна доказать неправильность того, что недавно считалось твердо установленными фактами или доказанными научными данными [1]. Из этого вытекают еще некоторые выводы для практической деятельности следователя.

Содержание выдвигаемой следственной версии детерминировано фактами. Это означает, например, что не всегда мы можем сразу же выводить следственную версию о расследуемом событии в целом. Путь к этому часто ведет через десятки следственных версий об отдельных частных элементах расследуемого события. Некоторые криминалисты называют такие версии частными следственными версиями.

Так, например, следственная практика показывает, что установление мотива убийства является одной из основных задач при выяснении каждого уголовного дела. Во многих случаях установление мотивов и является в конечном счете «важнейшим и самым главным средством для ограничения круга заподозренных лиц и тем самым для определения верного направления, в котором должен вестись розыск преступника» [2]. Поэтому в таких случаях обязанность следователя состоит в том, чтобы на основе добытого фактического материала строить следственные версии прежде всего для выявления мотива убийства и лишь затем уже приступать к построению версий об убийстве в целом.

При расхищении денежных средств в завуалированной форме дело будет обстоять, видимо, таким же образом. И здесь следователь будет, как правило, первоначально строить следственные версии о способе совершения и сокрытия преступления и только потом — о событии в целом. Для хищений денежных средств в завуалированной форме характерно прежде всего то, что эта преступная деятельность может оставаться нераскрытой длительное время. Преступники, как правило, используют особенности работы на предприятии и слабые звенья бухгалтерского учета, финансовой службы. Кроме того, их служебное положение дает им возможность особо

---

[1] См.: Л. Б. Баженов, Основные вопросы теории гипотезы, 1961, стр. 9.

[2] См.: Pavel Kraus, Motivace vražd, Knižnice pre kriminalistiku, roč. 1954, str. 69.

изощренным способом маскировать свою преступную деятельность. Эти обстоятельства имеют, однако, и другую сторону: они облегчают обнаружение виновных. Раскрывая (как правило, с помощью контрольных органов) факт расхищения, мы тем самым в большинстве случаев раскрываем и признаки, указывающие на метод хищения и его сокрытия. В результате этого сужается круг лиц, которые могли это хищение совершить, устанавливается источник доказательств, изобличающих преступника.

В-третьих, возникает вопрос: в чем следует видеть секрет умения правильно строить следственную версию?

Ответ на этот вопрос можно выразить вкратце так: в аналитико-синтетическом мышлении. Иначе говоря, умение правильно строить следственную версию состоит в том, насколько широко и глубоко следователь с помощью своего личного опыта по расследованию отдельных уголовных дел, на основе изучения марксистской философии и новейших достижений криминалистической науки сумел овладеть этим орудием построения следственных версий.

Речь идет в принципе об умении правильно связывать отдельные факты и выявлять среди них то специфическое, что свойственно им самим и их конкретной причинной связи с расследуемым событием.

В чем проявляется эта специфичность взаимосвязи, с одной стороны, между отдельными фактами и, с другой — между ними и расследуемым событием? Это, конечно, практический вопрос. К сожалению, мы не можем дать на него исчерпывающего ответа именно из-за индивидуальности, специфичности каждого расследуемого дела.

Изучение следственной практики позволяет, однако, высказать общее методическое указание. Специфичность дела может характеризоваться, во-первых, тем, что является для нас необычным с учетом конкретных условий места и времени. В одном случае необычным будет то обстоятельство, что налицо имеются определенные факты, которых бы не должно существовать при нормальном ходе событий. Речь идет о так называемых позитивных фактах. В другом случае некоторые факты по делу отсутствуют, хотя с учетом конкретной ситуации они бы должны были быть. Такие факты называются негативными.

В случае смерти Антонина Г. необычностью, например, явилось именно то обстоятельство, что на месте происшествия были установлены признаки рвоты, испражнения, разбросанная постель и нижнее белье, что свидетельствовало о том, что покойный перед смертью испытывал сильные мучения, у него были боли, рвота, и несмотря на это, он не просил о врачебной помощи.

Второе методическое указание состоит, по словам А. А. Старченко[1], в необходимости устанавливать индивидуальный, неповторимый характер отдельных обстоятельств, отдельных действий и связей между фактами (особенно факты поведения лиц, причастных к преступлению) и индивидуальный характер отдельных следов преступления.

В нашем примере это отпечатки пальцев Антонина Г., обнаруженные на бутылочке с динитрофенолом. В других случаях ими являются следы ног, орудий, определенные мазки на предметах и др.

Следственная практика показывает, что упомянутые два указания можно с упехом применять лишь к определенной части расследуемых случаев. В большинстве же случаев эта специфичность в первой или второй форме не бывает такой явной. Что же делать в таких случаях? Особенно внимательный и всесторонний анализ фактического материала является тем следующим, третьим условием раскрытия даже самых тайных связей между отдельными фактами и расследуемым событием и тем самым для правильного выведения следственных версий.

А теперь снова вернемся туда, где мы прервали рассмотрение мыслительного процесса нашего следователя. Он построил версию, что в случае смерти Антонина Г. имело место самоубийство. Однако одновременно следователь установил, что те же факты, если их поставить в другую систему совместно с некоторыми иными фактами, допускают возможность иного объяснения смерти Антонина Г. Не исключено, что смерть наступила в результате несчастного случая. Антонин Г., будучи нетрезвым, мог употребить по ошибке динитрофенол вместо алкоголя или лекарства. Ход мысли примерно такой: об Антонине Г. было известно, что при работе с отравляющими веществами он не соблюдал основных правил безопаснос-

[1] См.: А. А. Старченко, Логика в судебном исследовании, М., 1958, стр. 85.

ти и гигиены. В одном случае он выпил кислоту, приняв ее за сливовицу. В последнее время он приходил домой нетрезвым, мало спал, был расстроен. Что, если опять в нетрезвом состоянии или в расстройстве он по ошибке выпил отравляющее средство, содержащее динитрофенол? Наличие динитрофенола в трупе было установлено совершенно точно. Выпил ли он такое количество отравляющего вещества, которое может вызвать смерть? Если так, то он должен был испытывать сильные боли. Почему же он не обратился за медицинской помощью? Может быть, он звал на помощь, но его не услышали? Не исключена, наконец, возможность, что он потерял сознание. Предположение, что он звал на помощь, но она не была ему оказана, согласуется с тем, что он не оставил никакой предсмертной записки. При самоубийстве подобные записки оставляются в большинстве случаев. Здесь же, наоборот, имеется письмо к родителям, в котором он писал, что навестит их через несколько дней. Его сослуживцы никогда не слышали, чтобы он когда-либо проявлял желание умереть. Правда, они сообщили, что Антонин Г. порвал отношения с девушкой. Но этот разрыв, судя по всему, не мог иметь для него существенного значения.

Почему Антонин Г. использовал именно динитрофенол? Если бы он хотел совершить самоубийство, он мог использовать более сильнодействующий яд, ведь он работал с различными ядами и имел к ним доступ.

Здесь есть еще одно обстоятельство: перед смертью Антонин Г. несколько дней болел, жаловался на головные боли, его рвало, за ночь по нескольку раз буквально бегал в уборную, лицо его было красным, потным, вероятно, у него был жар. Из канцелярии он уходил с намерением снова вернуться. Может быть, он пришел домой, чтобы принять лекарство, и ошибочно выпил динитрофенол? И наконец, после ухода из канцелярии Антонин Г. мог прийти в комнату и там «заняться» водкой; он и раньше говорил сотрудникам, что водка для него — «лучшая медицина». В нетрезвом состоянии он мог допустить роковую ошибку.

В данном случае существовала возможность объяснения смерти и как результата убийства. Но эта версия была возможна лишь теоретически — в практике встречаются случаи убийства, замаскированных инсценировками самоубийств. Возможно, следователь сам расследовал по-

добный случай или читал об этом в криминалистической литературе. Вероятно, ему была знакома статья профессора Эдуарда Кноблоха «Сокрытие преступления»[1], где подобные примеры приводятся и соответственно обосновываются. Но для такого вывода в нашем случае, с учетом конкретной ситуации, не было достаточных оснований. Поэтому следователь такой версии не строил.

Итак, мы пришли к выводу, что в данном случае могла идти речь только о самоубийстве или несчастном случае. Мы правильно построили эти версии, считая, что для других версий конкретные обстоятельства дела не дают оснований.

Построение всех следственных версий принимает здесь форму разделительного (альтернативного) суждения. В нашем случае («Х») речь идет либо о самоубийстве («А»), либо о несчастном случае («Б»). Третья возможность здесь с учетом конкретной ситуации достоверно исключена.

Но здесь мы пришли к следующему весьма значительному вопросу — к вопросу о возможности построения всех следственных версий, заслуживающих внимания.

Одним из основных условий возможности получения достоверного вывода о причине смерти Антонина Г., а значит, и условием возможности установления объективной истины по этому конкретному делу является именно то обстоятельство, что мы построили (и затем проверили) все заслуживающие внимания следственные версии. На вышеприведенном примере можно было убедиться, что без построения всех этих следственных версий невозможно выработать достоверные выводы. Здесь имеет силу требование объективного и всестороннего подхода к построению следственных версий.

Требование построения всех заслуживающих внимания версий имеет прежде всего практическое значение. Построением всех следственных версий следователь одновременно правильно определил границы расследования, что позволяет ему определить и правильный круг мероприятий (следственных, оперативных и других) в интересах быстрой, экономной и действенной проверки каждой из версий.

---

[1] См.: Edvard Knobloch, Zatajováni trestného činu, Knižnice pre kriminalistiku, roč. 1954, str. 336 и след.

Однако в теории данный вопрос до сих пор не имеет единого решения. Встречаются взгляды, согласно которым требование о построении всех следственных версий по делу практически неосуществимо. Этот взгляд подверг критике советский ученый А. А. Старченко[1]. Мы согласны с его критикой таких взглядов. Аргументы, которые он приводит в обоснование возможности и необходимости построения всех следственных версий, убедительны, и поэтому мы считаем, что дополнительные комментарии здесь излишни.

Возникает, однако, вопрос: можно ли осуществить это требование на том этапе, когда мы выводим следственные версии? Для ответа возвратимся снова несколько назад.

Если подвергнуть анализу те возможности, которыми мы располагали на том этапе, то можно убедиться, что исполнение вышеприведенного требования было бы свыше сил следователя.

В нашем случае следователь несознательно построил все следственные версии, которые, на его взгляд, с учетом конкретной ситуации требовали внимания. Но действительно ли это были все возможные версии? Ответ в тот момент мог быть практически лишь предположительным. Почему? Мы видим, что вывод следователя о том, какие следственные версии надо было принимать во внимание, он получил с помощью умозаключения, которое можно выразить примерно так: «Если существуют действия «а», «б», «в», «г» и др., то их причиной будет «А», или «Б», или «В». Мы установили, что действия «а», «б», «в», «г» и др. существуют. Поэтому их причина либо «А», либо «Б», либо «В». Подставим под эти буквы наш пример. Если в трупе Антонина Г. было установлено наличие динитрофенола («а») и если он испытывал перед смертью сильные боли («б») и т. д., то речь может идти о самоубийстве («А») или о несчастном случае («Б»). В трупе установлено наличие динитрофенола («а»). На месте происшествия установлены факты, свидетельствующие о том, что Антонин Г. испытывал перед смертью сильные боли («б»). Значит, в данном случае речь идет о самоубийстве («А») либо о несчастном случае («Б»).

---

[1] См.: А. А. Старченко, Логика в судебном исследовании, М., 1958, стр. 128 и след.

Из этого анализа видно, что наш вывод имеет форму разделительного суждения, потому что большая посылка в нем — гипотетическое суждение. Поэтому и наш вывод имеет лишь вероятностный характер. Но большая, а также и малые посылки здесь не являются лишь чисто логическими аргументами. Это, подобно тому как и при выведении отдельной версии, обусловлено специфическими трудностями, встречающимися при познании причинной связи в начальной стадии расследования. Здесь не только не познана причина, обусловившая возникновение установленных нами следов, но наряду с этим, как правильно подчеркивает А. А. Старченко, обстоятельства, или признаки, характеризующие явление, действие, бывают в тот момент известны следователю лишь отчасти, неполно, отрывочно. В результате этого и наше гипотетическое суждение отражает лишь одно из основных свойств причинной связи — достаточную совокупность действий для познания их причины. Здесь отсутствуют такие свойства причинной связи, как закономерность и однозначность.

С этим обстоятельством связано еще одно положение. Понимание того, что наши выводы на первоначальном этапе могут иметь лишь вероятный характер, не должно отрицательно влиять на наши усилия строить всегда заслуживающие внимания версии и придавать нашему выводу форму разделительного суждения. Его истинность и здесь будет обусловлена тем, в какой мере будут соблюдены условия истинности разделительного суждения, о чем речь шла уже выше. К этому добавляется и такое обстоятельство: если наши выводы о каждом члене деления «А», «Б» носят лишь вероятный характер и имеют форму гипотетического суждения, ибо в их основе лежит материал, полученный вероятностным умозаключением, то можно допустить, что и этот наш вывод может быть как истинным, так и не истинным. Следовательно, мы должны, исходя из данного фактического материала, допустить возможность и причины «К», о которой раньше мы и не думали, поскольку в тот момент фактический материал не позволял это сделать.

Не меньшие трудности встречаются и при решении следующего вопроса: о каких следственных версиях можно сказать, что они заслуживают внимания и потому их надо строить?

Частично ответ на этот вопрос уже дан выше, при аргументировании требования обоснованности каждой отдельной следственной версии.

Если исходить из ранее приведенных аргументов, можно прийти к такому выводу: строить надо все следственные версии, которые с учетом конкретных обстоятельств дела могут быть расценены как реально возможные.

Известно, что по каждому делу принимается во внимание большое число теоретически возможных следственных версий. Осознание разных, теоретически возможных версий никогда не идет во вред делу, но построение их всех, с одной стороны, практически невозможно, а с другой — слишком расширило бы границы расследования и тем излишне затруднило быстрое, полное и объективное расследование дела.

Сказанное относится и к частным следственным версиям (о частных обстоятельствах расследуемого события), и к общим следственным версиям (о расследуемом событии в целом). Данное требование имел в виду и наш следователь, когда при расследовании смерти Антонина Г. он не построил версий об убийстве. Эта следственная версия с учетом конкретной ситуации была возможна лишь теоретически.

Подобным же образом поступил другой следователь при расследовании взрыва в танке, который произошел в одной из воинских частей.

23 мая 1958 года военное подразделение проводило учебную стрельбу из танков. После получения приказа о начале стрельбы из пушки одного из танков раздался выстрел. Снаряд упал примерно в 300 м впереди танка. Из танка повалил серый дым, члены экипажа начали выскакивать из горящего танка. Двоих членов экипажа — командира и заряжающего — вынуждены были из танка вытаскивать. Командир через несколько минут умер, остальные члены экипажа, получившие серьезные ожоги, были немедленно доставлены в гарнизонный госпиталь в О.

Расследование этого чрезвычайного происшествия было поручено следователю военной прокуратуры. При проведении первичных неотложных действий следователь достоверно установил, что в танке взорвался артиллерийский снаряд, которым один член экипажа был убит, а

остальные тяжело ранены. Неясными оставались прежде всего два вопроса: как произошел взрыв снаряда и кто вызвал этот взрыв?

Собранный материал не позволял следователю построить реальную версию и по другому вопросу — о личности преступника, хотя теоретическая возможность для этого здесь была. Поэтому следователь избрал иной путь. Он решил сперва выяснить первый вопрос: по каким причинам, собственно, произошел взрыв? При этом он исходил из того, что выяснение данного вопроса позволит сузить круг заподозренных, что облегчит и выяснение второго вопроса: кто, собственно, виновен во взрыве? Ответ на последний вопрос был бы в принципе ответом по расследуемому делу в целом.

На основе собранного материала следователь построил следующие три следственные версии: первая — снаряд, возможно, был не до конца послан в казенную часть орудия, в результате чего замок закрылся не полностью, а кто-то из членов экипажа пытался дослать снаряд ударом молотка; удар был настолько сильным, что пробил капсюль-взрыватель, отчего и произошел взрыв.

Согласно второй версии — снаряд заклинило и кто-то из экипажа, не выждав определенного времени, открыл орудийный замок. Ввиду позднего воспламенения взрывчатки выстрел произошел в тот момент, когда замок был уже наполовину открыт.

По третьей версии — из-за отсыревшей взрывчатки в снаряде произошел сначала неполный взрыв, которого, однако, оказалось достаточно, чтобы произошла откатка орудия назад, а при подаче его вперед замок открылся. Когда орудие при подаче вперед было примерно на половине своего пути, произошел взрыв оставшейся части взрывчатки, причем капсюль-взрыватель не был до конца послан и при закрывании затвора замок задел за выступавший капсюль-взрыватель, пробил его, отчего и произошел взрыв.

В ходе проверки всех этих следственных версий были исключены последние две версии и подтверждена первая. И только тогда следователь приступил к выяснению второго вопроса: кто, собственно, виновен во взрыве?

Благодаря материалу, собранному в ходе проверки предыдущих следственных версий, он мог этот вопрос

уже больше конкретизировать: кто ударил молотком или другим предметом по основанию снаряда?

С учетом конкретной ситуации были построены соответствующие следственные версии в отношении командира, заряжающего и стрелка. Проверка этих версий показала, что молотком по гильзе ударил заряжающий. Тем самым следователь практически установил и объективную истину по делу: солдат М., будучи заряжающим, после получения приказа к стрельбе послал в казенную часть боевой снаряд. Ввиду того что казенная часть была плохо вычищена, послать в нее снаряд было трудно. Чтобы ускорить стрельбу, он воспользовался молотком, которым ударил по основанию гильзы, причем так сильно, что произошла детонация капсюля-взрывателя и затем взрыв, причинивший тяжелые ранения членам экипажа танка.

Такой подход следователя — последовательное построение версий по отдельным вопросам, насколько это позволял собранный материал, — привел к раскрытию сложного дела. Сложность в данном конкретном случае была особенно велика потому, что командир танка, против которого первоначально свидетельствовали некоторые обстоятельства, погиб, не успев ничего сообщить по делу, а остальные члены экипажа исполняли свои прямые обязанности и потому не следили за действиями других. Действительный же виновник — заряжающий, — опасаясь уголовного преследования, долго не признавался в своем преступлении.

Обязанность строить все реально возможные следственные версии возложена не только на следователя, но и на прокурора, осуществляющего прокурорский надзор за расследованием, причем независимо от того, подтверждает или исключает реально возможная версия совершение преступления, свидетельствует ли она в пользу или против обвиняемого. Эта обязанность вытекает непосредственно из Уголовно-процессуального кодекса ЧССР. Неисполнение ее влечет, как правило, возвращение дела на доследование судом при предварительном рассмотрении обвинения либо в процессе судебного или кассационного разбирательства.

Вот как это происходит на практике. Так, например, 21 мая 1959 года воинское подразделение проводило боевое учение. В ходе учения командир приказал солда-

ту Франтишеку Т. пустить ракету как условный сигнал налета авиации неприятеля. Франтишек Т. отошел метров на 10—15 в сторону от подразделения, стал на правой обочине дороги, повернулся к подразделению боком (на 90°), направил ствол ракетницы вниз, затем в сторону, вставил ракету и начал взводить спусковую пружину. Ракетница вырвалась у него из руки, и произошел выстрел. Зарядом был ранен в правую ногу один солдат.

При расследовании этого чрезвычайного происшествия следователь неправильно исходил только из одной версии. Он полагал, что ранение произошло только в результате прямого попадания. То обстоятельство, что подозреваемый во время выстрела стоял к подразделению боком, он объяснял тем, что по мере того, как взводил курок ракетницы, он постепенно поворачивался лицом по направлению к подразделению.

Свое суждение следователь обосновывал прежде всего показаниями свидетеля Б., который видел, как Франтишек Т. поворачивал ракетницу, причем якобы хотел обратить его внимание на возможность создания им угрозы подразделению, но не успел, потому что тем временем произошел выстрел.

Франтишек Т. в свое оправдание сослался только на то, что он не был знаком со служебной инструкцией обращения с ракетницей и больше того, держал ракетницу повернутой в сторону с наклоном к земле и поэтому не знает, как он мог ранить солдата, находившегося в противоположной стороне.

Односторонне подошел к этому делу и военный окружной прокурор, который составил обвинение против Франтишека Т. Это нарушение социалистической законности исправил уже суд, который направил дело на доследование. Он поступил таким образом потому, что по собранному материалу не были построены и проверены все обоснованные и реально возможные следственные версии. Суд первым пришел к выводу, что ранение солдата могло произойти и оттого, что «...ракета рикошетировала от стенки кювета или от иного предмета».

Эта версия не была построена и детально проверена следователем в ходе первоначального расследования, хотя для ее выдвижения имелись конкретные факты, преж-

де всего показания обвиняемого и отчасти показания свидетеля Б., который в судебном разбирательстве еще больше конкретизировал свои показания. Он сообщил, что «ствол ракетницы во время взведения начал поворачиваться в сторону подразделения, однако в момент выстрела он еще не был направлен на подразделение, повернувшись к нему всего лишь на 45° от первоначальных 90°».

Дополнительное расследование показало, что версия суда вполне соответствует действительности. При повторном осмотре места происшествия было установлено, что в кювете, где стоял обвиняемый, находится большой плоский камень, и именно в том примерно месте, куда была направлена ракетница в момент выстрела.

Судебно-баллистическая экспертиза подтвердила, что на практике возможно рикошетирование сигнальной ракеты при попадании в какой-либо твердый предмет. Следственный эксперимент подтвердил, что ракета рикошетировала от камня, находившегося на месте происшествия. В результате военный окружной прокурор уголовное преследование против Франтишека Т. прекратил. Так подтвердилась версия, которую упустили следователь и прокурор и которую не выдвинул сам обвиняемый.

Какие выводы можно сделать для практической деятельности следователя в вопросе следственной версии вообще и построения всех реально возможных следственных версий в частности?

а) Прежде всего каждая следственная версия должна быть всегда обоснована объективно существующими фактами и обстоятельствами дела. Это значит, что она должна основываться на группе взаимосвязанных фактов, возникших в результате действия одной и той же причины. Эти факты должны быть объективно установлены, и следователь должен иметь достаточные основания, чтобы аргументированно полагать, что они находятся в причинной связи или в иной временной или пространственной зависимости.

Факты, лежащие в основе следственной версии, не должны взаимоисключаться, следственная версия должна из них действительно вытекать и объяснять каждый из этих фактов.

Строить следственные версии можно лишь по тем обстоятельствам, в отношении которых имеется достаточно

материалов, фактов. Поэтому, как правило, сначала строятся следственные версии о частных фактах и лишь затем о расследуемом событии в целом.

Следственная версия выступает в форме гипотетического суждения, в основе которого лежит весь фактический материал, собранный следователем.

б) Требование, чтобы следственные версии были обоснованы объективными фактами и обстоятельствами дела, является только одной из предпосылок правильного построения следственной версии.

Вторая предпосылка состоит в том, что построение следственных версий является, по сути, не чем иным, как подведением объективно существующих и установленных фактов под общие положения криминалистической науки и выведением на этом основании новых вероятных выводов. Этот процесс обусловлен, с одной стороны, уровнем криминалистической науки, с другой — интеллектуальными качествами следователя.

Особенно важно, в какой мере следователь овладел криминалистической наукой, обобщающей данные расследования аналогичных дел, осознает криминалистическо-тактическую ценность отдельных фактов, их познавательное значение. Важно и то, обладает ли следователь достаточным опытом расследования уголовных дел, каковы его познания в других отраслях науки, в особенности в логике, психологии и др., а значит, в какой мере развито его синтетико-аналитическое мышление. Совершенствование этого оружия должно быть в центре внимания как самих следователей, так и органов, ответственных за повышение их политической и профессиональной подготовки.

в) Строить надо все реально возможные следственные версии независимо от того, подтверждает или исключает та или иная версия совершение преступления, свидетельствует ли она в пользу или против обвиняемого. Это — одно из условий получения достоверных выводов.

Построение всех реально возможных обоснованных версий не является самоцелью. Это необходимый метод познания объективной истины по конкретному уголовному делу.

Несоблюдение данного требования заводит следователя на неправильный путь, вызывает напрасные потери сил и драгоценного времени. Такой подход, как правило,

приводит к процессуальным действиям, не имеющим достаточных законных оснований, что излишне компрометирует невиновных граждан и возбуждает у них чувства беспокойства и недоверия к деятельности государственных органов. Поэтому подобные ошибки следователя правильно квалифицируются как нарушение социалистической законности.

11. Проверка следственных версий

К этому этапу мыслительного процесса в форме следственных версий можно отнести, в сущности, весьма обширную мыслительную деятельность следователя: во-первых, выведение до сих пор неизвестных следствий, которые должны бы существовать в случае, если построенная следственная версия истинна; во-вторых, определение основных практических действий, которыми следователь будет проверять, существуют ли эти следствия в действительности, и, наконец, собственно проверку этих следствий.

Построением следственной версии следователь получает вероятный вывод о причине расследуемого события или некоторого частного обстоятельства дела. Ценность данного вывода, даже при его вероятности, состоит в том, что он, с одной стороны, объясняет определенным способом ранее установленные расследованием и теперь уже известные факты (в этом смысле мы говорим, что следственная версия является ступенью познания объективной истины) и, с другой стороны, что не менее важно, позволяет следователю определить, «домыслить» те факты, которые еще не познаны, но которые должны бы существовать, если построенная версия истинна и притом у него имеется возможность проверить существование таких фактов (в этом смысле мы говорим, что следственные версии являются основой планирования, основной движущей силой расследования).

Выведение из фактов следствий является следующим, относительно самостоятельным этапом мыслительного процесса, который следует непосредственно за построе-

нием следственной версии. Ввиду того что путем определения следствий следователь максимально конкретизирует общее направление и границы дальнейшего расследования, можно говорить об этом мыслительном процессе как об основе дальнейшей практической деятельности, об основе планирования расследования.

Определение недостающих звеньев в цепи причинной связи, их обнаружение и установление в соответствующей процессуальной форме дает следователю возможность добиться достоверных выводов, заменить некоторую следственную версию объективно истинными достоверными знаниями. Но этой цели он достигнет при условии, что при выведении следствий он будет соблюдать общеобязательные принципы: будет выводить не только следствия, наличие которых обязательно в случае, если построенная версия истинна; существенны и те следствия, которые логически вытекают из следственной версии и которые связаны с ней как отношением причинности, так и пространственной или временной зависимостью безотносительно, находятся ли они в необходимой или случайной связи с остальными известными или предполагаемыми следствиями.

Следователь должен выводить следствия, которые обусловлены не только самим преступлением, но и те, которые могли предшествовать или последовать за совершением преступления. И такого рода факты важны для быстрого, полного и объективного расследования дела и изобличения преступника. Этот подход в определенной мере предохраняет следователя от игнорирования существенных для дела доказательств. Отдельные следствия он выводит в определенной последовательности: сначала выводятся необходимые следствия и лишь затем возможные следствия.

Мысленное определение следствий — лишь предпосылка к тому, чтобы в дальнейшем доказать их существование либо несуществование. Эта задача решается путем обнаружения следов, оставленных этими следствиями на материальных предметах либо в сознании людей. Поэтому при выделении следствий важно также правильно определить предполагаемые следы, которые должны бы существовать в случае истинности построенной версии. Разумеется, не все таким образом выведенные следствия и следы удается найти следователю, хотя бы они в

действительности и существовали. Ибо его возможности в этом направлении ограничены, например, уровнем развития криминалистической науки.

Продемонстрируем эти положения материалами расследования по уголовному делу Ярмилы Я.

После первоначальных неотложных действий следователь наряду с прочими выдвинул следственную версию о том, что Ярмила Я., заведующая районным табачным складом в Г., постепенно расхитила 1 542 000 сигарет марки «Партизанка» и 80 000 сигарет марки «Липа». Это преступление она пыталась скрыть поджогом склада. Однако пожар был ликвидирован местными жителями в самом начале.

На первых допросах Ярмила Я. представила дело так, будто указанное количество сигарет у нее выманили обманным способом неизвестные преступники, предъявившие распоряжение начальника областного табачного склада. Подробнее она описала это так:

«28 октября 1957 года около 17 часов 30 минут ко мне на квартиру пришел незнакомый мужчина, который предъявил письменное распоряжение начальника областного табачного склада в О. о выдаче подателю этого распоряжения всего запаса сигарет марки «Партизанка» и 80 000 сигарет марки «Липа» для переучета. Вместе с мужем и незнакомым мужчиной я села в грузовую автомашину, которая ожидала возле дома. В машине сидел водитель, которого я видела также в первый раз. Все вместе поехали к табачному складу. Муж вышел на площади с тем, чтобы подождать меня в ближайшем ресторане. На складе я выдала требуемые сигареты. На календаре в конторе склада я записала номер удостоверения личности неизвестного мужчины, предъявившего распоряжение начальника областного склада, и номер грузовика. Распоряжение, однако, незнакомый мужчина забрал обратно. При этом он заверил, что утром 29 октября областной табачный склад возвратит ей все сигареты. Во всем этом я не видела ничего подозрительного, поскольку пересылка сигарет подобным образом раньше проводилась часто».

Ярмила Я. представила также накладную, из которой вытекало, что вышеуказанное количество сигарет получил грузчик Ян Олешны. Муж полностью подтвердил ее показания.

Прежде чем приступить к проверке этой следственной версии, следователь вывел определенные следствия, которые должны были существовать в случае, если Ярмила Я. говорит правду. С учетом конкретной ситуации во внимание были приняты следующие обстоятельства:

1) погрузка такого большого количества сигарет потребовала бы не менее трех четвертей часа. Склад расположен на многолюдной улице. Преступление совершено между 17 часами 30 минутами и 18 часами 30 минутами. Поэтому должны существовать свидетели, которые в то время проходили мимо табачного склада и должны были заметить стоявшую перед складом автомашину, а возможно, и саму погрузку коробок с сигаретами;

2) неизвестные преступники предъявили удостоверение личности. Следовательно, удостоверение было выдано конкретному лицу. Здесь возможны два предположения. В случае если преступником является владелец удостоверения, он не сможет достоверно указать свое алиби или будет стремиться создать ложное алиби с помощью других лиц. Но можно предполагать, что удостоверение личности преступник подделал, либо похитил, либо его кто-то потерял и преступник этим воспользовался;

3) речь идет об относительно большом количестве сигарет. Похитить его сразу очень трудно. Трудно и реализовать такое большое количество сигарет. Если же хищение производилось постепенно, значит, преступник скрывал его весьма изощренными способами. Ревизионные органы до этого не установили никакой недостачи в складе, хотя и провели несколько инвентаризаций. Поэтому должны бы существовать следы этой преступной деятельности в бухгалтерских отчетах;

4) в случае если пожар произошел от взрыва сажи в печи после ее загорания, на дверках печи должны находиться характерные следы (дверки будут выбиты, а рама повреждена и т. д.), и к тому же сажа в дымоходе должна была бы сгореть.

В ходе дальнейшего расследования оказалось, что рассуждения следователя были вполне правильны. Чем можно объяснить такое обстоятельство?

Следователь смог правильно определить следствия (на основании выдвинутой следственной версии) лишь благодаря тому, что уяснил существенные признаки каждого из предполагаемых фактов. Взять, например, пожар,

который мог произойти после того, как были выбиты печные дверки в результате взрыва сажи в дымоходе.

К выводу о случайно возникшем пожаре пришли как органы районной инспекции пожарной охраны, так и сотрудник уголовного розыска. Они основывались на том, что дверки дымохода были приоткрыты, под ними оказался прожженный пол и обгоревшие бумажные коробки, сигареты и т. п. Но при этом были оставлены без внимания другие существенные обстоятельства, которые заметил следователь только при повторном осмотре места пожара. Если бы действительно произошло загорание и затем взрыв сажи, то на месте должны бы находиться соответствующие следы. Прежде всего, учитывая, что дверцы дымохода имели прочный запор, они не могли открыться без повреждения; они были бы выбиты, вероятно, вместе с рамой или иным образом повреждены. Далее, сажа в дымоходе не могла при загорании остаться в прежнем состоянии — она должна была сгореть.

Помощь следователю оказало его знание познавательного значения отдельных фактов, установленных в ходе расследования этого конкретного дела. Это знание было не только необходимым условием для успешного связывания отдельных фактов и построения вывода об их вероятной общей причине, то есть для выдвижения следственной версии, но и для правильного выведения следствий, которые должны были существовать в случае истинности проверяемой версии. В данном случае на первый план выступил вопрос о криминалистических знаниях следователя, о его личном опыте.

Следователь знал, что некоторые расхитители социалистической собственности из числа руководителей предприятий, магазинов, складов, чтобы скрыть преступную деятельность, прибегают к разным махинациям: инсценируют кражи со взломом в складах или магазинах, добиваясь проведения инвентаризации и списания причиненного ущерба, который, однако, в действительности возник в результате их собственных хищений. Разными сложными махинациями они стремятся, например, приплести неизвестного преступника, отвлечь внимание работников безопасности на его обнаружение и тем самым добиться списания причиненного ущерба. Поджогом они ликвидируют доказательства своей преступной деятельности, понимая, что после пожара их трудно будет изобличить, а

причина пожара не будет установлена. Для сокрытия недостач, которые они сами причинили на складе или в магазине, они используют и действительные кражи со взломом, причем искусственно завышают данные об ущербе, причиненном кражей, и тем самым неосновательно обогащаются.

Следователь знал также, что лица, которые инсценируют хищения, например, под видом ограбления или мошенничества, приводят, как правило, невероятно точное описание преступника, подробно описывают все его действия, измышляют разные угрозы, которые якобы применил преступник для их устрашения, при этом они весьма редко ссылаются на свидетелей, на призывы о помощи и т. д. Иногда «потерпевший» называет в качестве свидетелей лиц из числа близких родственников и знакомых, которые осведомлены об инсценировке ограбления и должны подтвердить «правдивость» его показаний. Лица, инсценирующие разбойное нападение, часто причиняют себе легкие видимые ранения, чтобы таким образом подтвердить свои вымышленные показания.

Знание следственной практики помогло следователю и в данном случае. Следователь заметил, что Ярмила Я., с одной стороны, слишком уж подробно и точно описала весь случай. Но когда ей предложили показать среди грузовиков разных типов один, хотя бы приблизительно похожий на автомашину неизвестных преступников, «потерпевшая» была нерешительна, неуверенна, хотя в протоколе привела об этом такие подробности, которые трудно было ожидать. Здесь было и следующее обстоятельство: пожар в складе и якобы имевшее место мошенническое выманивание сигарет последовали непосредственно одно за другим. Возбуждало подозрение и то обстоятельство, что Ярмила Я., опытная заведующая складом, отпустила такое большое количество сигарет незнакомым лицам, не оставив у себя распоряжения начальника областной конторы. Подобных «особенностей» здесь было много.

Не в последнюю очередь следователю помогло знание конкретной ситуации. Именно это дало ему возможность из бесконечного множества следствий выбрать необходимые. Так, следователь не выводил следствий (как это обычно рекомендуется по делам о взломе склада ввиду подозрений на заведующего складом), что похищенные вещи могут находиться в квартире Ярмилы Я. или у ее

знакомых либо родственников. Он исходил из характера и количества товара, а также из того обстоятельства, что преступник дважды пытался замаскировать преступную деятельность. Это свидетельствовало, что табачные изделия были похищены и реализованы задолго до того, как преступник пытался скрыть недостачу.

Следователь мог вывести целый ряд следствий и относительно способа совершения преступлений Ярмилы Я. Он мог предполагать, например, что в данном случае имело место недоброкачественное проведение ревизий, сговор ревизоров с расхитительницей. Тогда бы ему следовало искать следы преступлений именно в материалах ревизии. Но он не сделал этого.

С учетом конкретных установленных к этому времени фактов следователь принялся искать следы преступной деятельности в накладных и счетах на отпущенный товар. И результаты не заставили себя долго ждать. Оказалось, что Ярмила Я. долгое время производила махинации таким способом: она принимала от продавцов частных табачных киосков за отпущенные им в действительности табачные изделия денежные суммы с тем, чтобы потом сдать их на почту. В этих случаях она, как правило, фабриковала новую накладную, в которой изменяла количество полученного товара (касалось это чаще всего сигарет «Партизанка») и созданные таким образом излишки денег она оставляла себе. В итоге бухгалтерские данные областного склада в О. об остатках, имевшихся на складе Ярмилы Я., не соответствовали действительности. При инвентаризациях же Ярмила Я. скрывала недостачу табачных изделий с помощью пустых ящиков, которые она помещала под полными ящиками.

Однажды областной склад ввиду скопления больших запасов «Партизанки» на складе Ярмилы Я. снизил ей лимит, указав, чтобы она сначала израсходовала наличные запасы сигарет. У Ярмилы Я. возникли новые «затруднения». Она оказалась перед дилеммой: сознаться или продолжать маскировать преступную деятельность другим способом. И она избрала второй путь, решив продолжать инсценировку мошеннического похищения сигарет неизвестными преступниками.

На этом примере видно, как дедукция платит за «услуги», оказываемые ей разными типами вероятностного умозаключения, подобными же «встречными услугами»:

поднимает их на качественно высшую ступень. Но это воздействие дедукции заметно не только при проверке следственных версий, когда оно приводит к дополнению или изменению следственных версий или к выдвижению новых следственных версий. С ним можно встретиться и при выведении следствий из следственной версии, то есть еще на этапе, предшествующем проверке в собственном смысле этого слова. И в процессе выведения следствий следователь приходит к определенному уточнению, дополнению следственных версий. Здесь дедукция как бы помогает ему исправить его собственные ошибки, допущенные при логическом анализе и оценке собранного материала и при выдвижении следственных версий.

По делу Ярмилы Я. следователь своевременно выдвинул версию о том, что она похитила сигареты и, чтобы скрыть это, инсценировала мошеннические действия неизвестного преступника. При выведении следствий следователь сначала пришел к выводу, что похищенный товар Ярмила Я. должна была скрыть где-то на квартире, или у своих родственников, или знакомых. Но представив действительное количество коробок, которые преступник якобы увез со склада, следователь с учетом некоторых других обстоятельств исключил это следствие и тем самым еще более конкретизировал прежнюю версию: Ярмила Я. инсценировала мошенническое получение сигарет неизвестным преступником, чтобы скрыть совершенные ранее систематические хищения и реализацию товара.

Подобные взаимодействия мыслительных подходов встречаются уже в ходе построения самой следственной версии. Следователь предполагает определенное объяснение какого-либо обстоятельства, факта. Прежде чем окончательно сформулировать следственную версию, он изучает вопрос о реальной возможности существования необходимых следствий и в зависимости от этого уточняет окончательную формулировку следственной версии.

При изучении логической стороны этого этапа мыслительного процесса можно заметить определенную особенность: тогда как при выдвижении собственно следственных версий мы шли в принципе от отдельного факта (следствия) к расследуемому событию (причине), от отдельных фактов к выводу, сейчас мыслительный процесс как бы поворачивается. Мы идем в обратном направле-

нии — от причины к следствию,— общее утверждение распространяем на новые явления, факты. Если в первом случае следователь опирался на материал, объединенный вероятностным умозаключением, выраженный в соответствующей логической форме, то на этот раз следователь прибегает к дедукции и с ее помощью выводит все необходимые, реально возможные и неизвестные следствия, которые должны бы существовать при условии, что выдвинутая следственная версия является истинной. В этом наиболее выразительно проявляется единство индукции и дедукции. По этому вопросу хорошо известны слова Энгельса: «Вместо того, чтобы односторонне превозносить до небес одну за счет другой (индукцию или дедукцию.— Я. П.), надо стараться применять каждую на своем месте, а этого можно добиться лишь в том случае, если не упускать из виду их связь между собой, их взаимное дополнение друг друга» [1].

Следователь на основе личного опыта и теоретических познаний, как и благодаря знанию конкретной ситуации и установленных к этому времени фактов, предполагает, что с причиной «А» всегда или как правило связаны следствия «а», «б», «в», «г», «д», «е», «ж» и т. д. В конкретном случае, если он допускает, что причина «А» существует, то в силу однозначной объективной причинной связи должны существовать и ее следствия «а», «б», «в», «г», «д», «е», «ж» и т. д. Причем, например, следствия «а», «б», «в», «г» он уже познал. Неизвестными остаются «д», «е», «ж» и т. д. Поэтому он должен проверить их существование. После этого определение следствий принимает форму гипотетического суждения, которое можно выразить так: «Если существует причина «А», то должны существовать и ее следствия «а», «б», «в», «г», «д», «е», «ж» и т. д.».

Так было и в рассматриваемом примере. Следователь на основе материалов, собранных при первоначальных неотложных действиях, обоснованно предположил, что в данном конкретном случае могла быть инсценировка мошеннического получения указанного количества сигарет неизвестными преступниками. Эту инсценировку мошеннического присвоения столь большого количества сигарет обозначим буквой «А». При этом известно, что инсцени-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 542—543.

ровка связана с такими следствиями: указанного количества сигарет должно было действительно недоставать на складе к моменту возбуждения дела (а); Ярмила Я. должна быть неопытным работником, если выдала такое большое количество сигарет без проверки распоряжения начальника областного склада, или здесь должны существовать иные заслуживающие внимания обстоятельства, которые повлияли на это ее решение (б); свидетели не могли видеть в это время стоящий перед складом автомобиль (в); областной склад не выдавал никакого распоряжения (г); должно существовать алиби владельца удостоверения личности и водителя автомашины с указанным номером (д); должны существовать следы систематического расхищения указанного товара (е) и т. д. Это значит, если действительно Ярмила Я. инсценировала выманивание указанного количества сигарет неизвестными преступниками «А», то должны существовать и следствия, которые обязательно или как правило связаны с инсценировкой выманивания.

Проверить существование следствий — значит законным способом отыскать и в надлежащей уголовно-процессуальной форме установить конкретные факты, доказательства, которые подтверждают либо исключают эти следствия. И в этом проявляется тесная связь следственных версий с планированием расследования. Следственные версии создают основу для правильной, планомерной организации труда следователя в интересах самого быстрого раскрытия дела. Какие практические действия и в каком порядке в действительности провести, следователь решает, взвесив всю ситуацию и свои практические возможности в рамках планирования расследования.

В этой связи возникает еще вопрос, будут ли это действия только следователя или же и действия оперативно-розыскных органов. На наш взгляд, это относится как к следственным действиям, так и к оперативно-розыскным — подобно тому как это было при собирании фактического материала для построения следственных версий. Однако здесь есть существенная особенность.

В первом случае мы производили разные действия (следственные, оперативные и иные) с целью установления достаточного количества фактов для выдвижения следственных версий. Но на этот раз ситуация совершенно иная. Наша задача состоит в том, чтобы проверить

следственную версию посредством следственных действий. А эти действия сопряжены, как правило, с существенными ограничениями прав и свобод граждан. Проверить версию — значит найти доказательства, которые достоверно подтверждают истинность выдвинутой следственной версии. Но небезразличны и действия оперативных органов; они действенно помогают следователю в его работе. Однако их помощь на этот раз имеет строго определенные границы; они указывают следователю, какие доказательства можно найти, где их следует искать и с помощью каких следственных действий их можно установить. Иногда в следственной практике можно видеть недостаточное использование помощи оперативных органов; обычно в этих случаях возникают затруднения в расследовании.

Поучителен в этом отношении опыт следователя по расследованию убийства К. С.

28 ноября 1955 года около 11 часов Антонина Я. заметила из окна своего дома, в котором она проживала вместе с мужем, что по противоположной стороне улицы птицы клюют куски мяса. Она пошла посмотреть и, увидев, что это человеческие внутренности, подняла крик.

Органы общественной безопасности, прибыв на место происшествия, обнаружили расчлененный труп пожилого мужчины; присутствующие жители деревни З. опознали в нем ночного сторожа К. С., работавшего на местной ферме государственного хозяйства (госхоза). Отдельные части трупа были спрятаны в ложбине ручья у разрушенного домика на окраине деревни. Само туловище было прикрыто старым зимним пальто. При осмотре отдельных частей тела было установлено, что на голове, кроме раны на передней части, причиненной тупым предметом, имелись большие рубленные раны на затылке с переломом костей черепа. Кроме того, имелось несколько проникающих ран в правой части грудной клетки.

Труп был расчленен на одиннадцать частей, причем отсутствовала правая рука и правая нога ниже колена, а также передняя часть грудной клетки, часть сердца, часть печени и некоторые другие внутренние органы; левая рука значительно обгорела — как будто кто-то пытался сжечь труп.

В разрушенном домике нашли высокие сапоги, принадлежавшие, вероятно, убитому. Детальный осмотр мес-

та происшествия в большом радиусе не дал никаких результатов. При осмотре квартиры, в которой жил К. С., были найдены небольшие следы крови, однако следов мытья пола и мебели не было обнаружено. Между тем прибыл сын убитого. Но и он не сообщил ничего конкретного. Отца он не видел в течение трех последних месяцев, поскольку живет и работает в другой области.

Из оценки материала, полученного при проведении первоначальных неотложных действий, следователь сделал прежде всего следующие выводы: К. С. был убит. Убийство совершено, вероятно, 26 или 27 ноября 1955 года. Место нахождения трупа не является ни местом убийства, ни местом расчленения трупа. Преступник принес или привез расчлененный труп на место его обнаружения, вероятно, в ночное время, чтобы никто его не видел.

После такой оценки следователь приступил к выдвижению следственных версий. Он начал с построения следственных версий о месте совершения убийства и расчленения трупа. При этом он исходил из того, чтобы собранный к тому времени материал не позволял выдвинуть версии о личности преступника.

Криминалистическая наука отмечает, что в таких случаях убийцей может быть лицо, как правило хорошо знакомое с убитым. Однако же собранный следователем материал не давал возможности конкретизировать это общее криминалистическое положение. Преступник обычно знает, что место убийства, а в некоторых случаях и место расчленения могло бы послужить прямой уликой. Поэтому обычно он заинтересован скрывать место преступления. Одной из мер к сокрытию является именно расчленение трупа и попытка сожжения его, а также и перенесение трупа на другое место. На расчленение трупа преступнику требуется относительно длительное время. При этом он должен быть уверенным, что его никто не застигнет.

В данном конкретном случае таким условиям соответствовал одиноко стоявший, развалившийся дом. Это обстоятельство подтверждалось и тем, что преступник пытался сжечь труп. Убийство он совершил топором. Тем же орудием он, вероятно, и производил расчленение. После этого должны были остаться большие следы крови. То обстоятельство, что отсутствуют некоторые части трупа и одна из них имеет признаки горения, свидетельст-

вует о том, что недостающие части были сожжены. Это значит, что должен существовать пепел, возможно, и обугленные остатки костей. Труп был раздет. Недостающие части одежды, за исключением зимнего пальто и сапог, преступник мог также сжечь либо спрятать в своей квартире, но их следы должны, однако, существовать.

С учетом этих соображений следователь выдвинул необходимые следственные версии о месте убийства и месте расчленения трупа: во-первых, убийство могло быть совершено и труп расчленен в доме лиц, которые были хорошо знакомы с К. С.; во-вторых, убийство могло быть совершено и труп расчленен где-то на территории фермы госхоза, где работал К. С.; в-третьих, убийство могло быть совершено и труп расчленен в каком-либо пустующем доме в деревне З. или ее окрестностях; в-четвертых, убийство могло быть совершено в квартире самого К. С., а труп перенесен в какое-то другое место и там расчленен.

В рамках проверки этих версий следователь решил провести в первую очередь такие действия: осмотреть все пустующие дома в деревне З. и ее окрестностях; осмотреть территорию фермы, где работал К. С., назначить судебно-криминалистическую экспертизу следов крови, обнаруженных в квартире К. С.; допросить всех лиц, которые бы могли более подробно охарактеризовать личность и связи К. С. и др.

Перед оперативными работниками возникала задача установить, кто в критическое время в ночные часы появлялся в деревне З. и около места, где был обнаружен расчлененный труп; установить лицо, которое последним видело К. С., а возможно, и было в обществе покойного, установить связи умершего, прежде всего выяснить, не находился ли К. С. с кем-либо в ссоре и т. д.

Осмотр пустующих домов и ферм не дал, по сути, никакого результата. Правда, в одной пустующей гранильной мастерской оказались пепел и уголь, однако уже предварительное исследование показало, что это были остатки горения дерева. Судебно-криминалистическая экспертиза показала, что кровь, найденная в квартире К. С., принадлежит не человеку, а животному. Оперативные органы установили, что около 24 часов ночной сторож в деревне З. видел одиноко проходившую мимо душевнобольную Иозефину Ф.; убитый ни с кем серьезно не ссорил-

ся; жители деревни его уважали; связи у него были преимущественно с продавцом табачных изделий П. Д.; поддерживал половые сношения с некоей Маргитой П., которая 28 ноября 1955 года, то есть в день обнаружения трупа, переехала вместе с детьми и со всем имуществом к своему другому сожителю в отдаленный город П.; убитый К. С. в первой половине дня 27 ноября 1955 года выходил вместе с Г. Б. из табачной лавки П. Д.; с этого момента какие-либо следы К. С. терялись.

Из вышеприведенного видно, что оперативные органы обеспечили следователю достаточно широкое поле для собирания доказательств. Но следователь использовал эту помощь лишь частично. Правда, он решил разыскать и затем допросить Иозефину Ф., но в конце концов, как мы увидим дальше, «забыл» о своем намерении; основное внимание следователь сосредоточил на обысках в квартирах Г. Б. и табачного торговца П. Д. Остальные возможности собирания доказательств он отверг как не заслуживающие внимания.

Осуществление первой задачи было поручено участковым уполномоченным в районах, где, можно было предполагать, скитается Иозефина Ф. Проведение обысков следователь взял на себя.

Результаты обыска в доме Г. Б. были отрицательными. Однако в сенях дома П. Д. следователь установил, что пол был вымыт, но все же там сохранились обширные пятна крови. Кровью были забрызганы также стены и двери. В этом доме следователь нашел и изъял два топора, газету, полотенце, полено, которые были тоже в крови, а в сточной трубе, что была в сенях, он нашел кусочек мышц. Кровь была найдена и на прорезиненном плаще П. Д. Кроме того, на судебную экспертизу были взяты пепел из печи, грязь из-под ногтей П. Д. и его жены, волосы и пр. Продавец табачных изделий П. Д. утверждал, что все следы — это кровь животного — несколько дней назад он резал в сенях барана. Свое участие в убийстве К. С. он решительно отрицал.

Результаты обыска у П. Д., как и некоторые оперативные данные о его личности, настолько повлияли на следователя, что он отказался от проверки других версий и однозначно решил, что убийство К. С. совершено, по всей вероятности, в сенях дома П. Д., где находилась также табачная лавка. На основе этого он выдвинул и вер-

сию о личности преступника: убийство совершил П. Д. совместно с Г. Б. с ведома жены П. Д. Получив санкцию прокурора, следователь арестовал П. Д., его жену и Г. Б.

Заключение криминалистической экспертизы еще более укрепило убеждение следователя в том, что убийцей К. С. является П. Д., его жена и Г. Б. На топорище и на газете была установлена кровь группы «0». Эту группу крови имел и убитый К. С. На остальных предметах оказалась кровь животного. Пепел же был от бурого угля. В пепле оказался обломок правого ребра; судебный эксперт Антропологического института признал в нем ребро мелкого рогатого скота — козы, овцы или серны.

Следователь снова допросил обвиняемых по обстоятельствам, вытекающим из заключения экспертизы. Все они настаивали на своих прежних показаниях. П. Д. сообщил также, что кровь убитого К. С. могла попасть на топорище и на газету, когда К. С. помогал резать барана: К. С. это делал часто, за что получал потроха и немного мяса. Дополнительно он вспомнил, что жена зашла однажды к нему в лавку и попросила бинт, потому что кто-то поранил себя, когда резал барана. Кто тогда поранился, он не знает. В связи с этими показаниями П. Д. была допрошена его жена: показания мужа она полностью подтвердила и сообщила, что в то время она искала бинт для перевязки руки К. С., с тем чтобы тот мог продолжать работать. До перевязки он вытирал кровь на руке газетой и полотенцем.

Следователь этим показаниям не поверил. Он расценил их как новую попытку уклониться от уголовной ответственности, как новое «изощренное выкручивание». Неверие вызывалось тем, что обвиняемые сообщили о таких существенных обстоятельствах уже после того, как судебная экспертиза установила в их сенях кровь той же группы, что и у К. С.; полотенце и газеты были изъяты на месте происшествия в присутствии обвиняемых; совпадение показаний могло быть обусловлено сговором, состоявшимся еще до их задержания.

Однако здесь возникло весьма «неожиданное» для следователя обстоятельство. Участковый уполномоченный, продолжая розыск Иозефины Ф., нашел ее через три недели в деревне Б. соседнего района. Он задержал ее, намереваясь отвести в местный национальный комитет, и, к великому удивлению участкового уполномоченного,

Иозефина Ф. без всякого расспроса сама начала говорить, что знает, за что ее задержали, но она ни в чем не виновата. Тут же она рассказала, что помогала расчленять труп К. С., но к этому ее принудили. На вопрос, кто ее принудил, она назвала Маргиту П.

Эти сведения участковый немедленно сообщил следователю, который позже уже подробно допросил Иозефину Ф. по обстоятельствам убийства. Тщательная проверка данной следственной версии подтвердила правдивость показаний Иозефины Ф.

Действительно, убийцей была Маргита П., женщина легкого поведения, которая жила в деревне З. вплоть до 28 ноября 1955 года. При обыске в ее квартире по новому месту жительства были найдены часы и вельветовые брюки убитого; на мебели также установили следы крови группы «0». В деревне З. перед домом, в котором она проживала раньше, нашли пепел и остатки человеческих костей. Следы крови были установлены и на месте, где, согласно показаниям Иозефины Ф., было совершено убийство К. С. Окно в комнате было по-прежнему разбито. Сначала Маргита П. отпиралась, но после ознакомления с показаниями Иозефины Ф. она призналась в преступлении и описала его в полном соответствии с показаниями Иозефины Ф. следующим образом.

Маргита П. познакомилась с К. С. еще в 1953 году. С этого времени поддерживала с ним половую связь, хотя жила общим хозяйством с В. И. и имела от него троих внебрачных детей. В последнее время они осуществляли интимные связи примерно два раза в неделю как у нее дома (когда другой сожитель уезжал работать в другую область), так и на квартире К. С. За половую связь она требовала от него какого-либо денежного вознаграждения, но К. С. всегда отговаривался, что у него нет денег. 25 ноября 1955 года К. С. снова навестил ее, когда в гостях у нее была Иозефина Ф., и предложил ей «переспать с ним в постели». Маргита П. была согласна, но с условием, что он даст ей 100 крон. К. С. начал снова отговариваться, что у него нет с собой денег. Между ними произошла ссора, в ходе которой Маргита П. подняла над головой топор, желая таким образом напугать К. С. и добиться от него 100 крон. С топором в руках она стала в дверях, чтобы он не мог убежать. Тогда К. С. схватил другой топор, который лежал под кроватью, подско-

чил к окну, разбил его и пытался удрать. Когда он влез на подоконник, Маргита П. ударила его лезвием топора по затылку. После этого удара К. С. опустился вниз, присел на стул, и при этом его голова запрокинулась назад. Тогда Маргита П. ударила его топором по лбу, она уже и не помнит, каким концом: обухом или лезвием. Потом, она помнит, стащила его со стула на пол и еще несколько раз ударила топором в грудь. При этом она позвала присутствующую Иозефину Ф., чтобы та ей помогла. В свою очередь Иозефина Ф. со страху несколько раз ударила К. С. другим топором в грудь. Когда К. С. уже не двигался, они вытащили из кармана его пальто бумажник коричневого цвета. Маргита П. открыла бумажник и пересчитала находившиеся в нем деньги. Там оказалось 750 крон. По просьбе Иозефины Ф. она дала ей 50 крон, чтобы та никому не говорила, что видела, поскольку они обе «замешаны»; остальные деньги она забрала себе. Потом с Иозефиной вместе они решили труп сжечь. Они разрубили труп на части и некоторые из них бросили в печь. Из-за сильного запаха и еще потому, что тело плохо горело, они отказались от дальнейших попыток. Потом Маргита П. принесла из коридора детскую ванну, сложили в нее отдельные части трупа и отнесли ванну в сарай во дворе, прикрыв ее сверху пальто убитого. После этого они привели в порядок квартиру, вымыли пол сначала холодной, потом теплой водой, отчистили и замыли кровавые пятна на белье. В тот же день около 19 часов вечера погрузили ванну на ручную тележку.

Сначала они хотели сбросить труп с моста в воду, но Иозефина Ф. испугалась, что на мосту кто-нибудь их может встретить, и поэтому они свернули с тележкой к пустующему одинокому дому. Там, в ложбине у ручья, они и спрятали части трупа, прикрыв их зимним пальто убитого. Сапоги положили рядом с трупом.

Когда они уже возвратились домой, Маргите П. вдруг пришло в голову, что было бы лучше спрятать сапоги отдельно — в пустующем доме; она считала, что со временем опознать труп будет невозможно, а сапоги узнают. Поэтому она послала Иозефину Ф. к месту, где был спрятан труп, чтобы та где-нибудь перепрятала сапоги. Когда, сделав это дело, Иозефина Ф. уже возвращалась обратно, недалеко от места происшествия ее заметил ночной сторож.

Пепел от сожженных частей тела Маргита П. зарыла в куче камней перед своим домом. Орудия убийства (топор и нож) она бросила в ручей. У убитого она похитила бумажник, документы, 750 крон, часы и брюки. Часы, брюки и деньги она оставила себе, остальное сожгла.

Способ сокрытия трупа Маргита П. объяснила так: «Труп я разрубила так, чтобы можно было его сжечь в печи и чтобы никто об этом ничего не узнал. Однако мясо горело плохо, очень плохо, к тому же оно пахло, чувствовался тяжелый запах горелого, поэтому мы прекратили сожжение и отвезли труп к ручью. Пол мы вымыли, чтобы нас не могли уличить, чтобы не выследили с помощью собаки, которая могла бы почуять кровь. Пальто я выбросила потому, что оно было в крови, а фетровые сапоги — потому, что люди могли их опознать как принадлежавшие К. С.».

Так, несмотря на первоначальные грубые ошибки, следователю все-таки удалось установить лицо, действительно совершившее серьезное преступление. Одностороннее использование оперативных данных и опрометчивая переоценка одной, хотя и весьма «надежной», следственной версии послужили ему хорошим уроком.

Определив круг основных практических действий, которые надо проводить в рамках проверки следствий, мы подошли к «последнему этапу» мыслительного процесса в форме следственных версий — к этапу целеустремленного проведения планомерных практических действий (следственных и других) и на этой основе к проверке выдвинутых следственных версий, что одновременно означает собирание необходимого материала.

Результаты этой деятельности позволяют, с одной стороны, отвергнуть все следственные версии, если следствия, которые мы вывели из них, окажутся в противоречии с объективной действительностью, и, с другой — доказать достоверность, истинность одной-единственной следственной версии. Именно в доказывании истинности одной следственной версии при одновременном исключении всех остальных состоит основная задача проверки следственных версий. Как этот процесс происходит практически, покажем сначала на конкретном примере.

31 июня 1956 года Ладислав П. сообщил органам общественной безопасности, что по дороге на работу в 04 часа 30 минут между городом К. и деревней Р. он за-

метил лужицу крови и следы волочения по жнивью, где и обнаружил обнаженный труп девушки.

По удостоверению личности следователь установил, что это была Мария И. На голове трупа оказалось 5 ран от удара тупым предметом и одно сквозное пулевое ранение, начинавшееся с левой стороны грудной клетки (входное отверстие) и заканчивавшееся под левой грудной железой (выходное отверстие). Однако гильзы на месте происшествия не оказалось. Но там был найден магазин к армейскому пистолету образца 52, калибра 7,62 мм, а на дороге возле следов крови — крышка и пружина магазина. В тот же день в 04 часа 45 минут дворник Ян З. нашел на площади кожаную кобуру от армейского пистолета образца 52, калибра 7,62 мм. В кобуре лежал железный шомпол, а в отделении для магазина — две тряпочки зеленого и серого цвета.

Сослуживцы Марии И. сообщили, что в последний раз видели ее 30 июня 1956 года поздно ночью, когда она возвращалась со станции, с поезда из Г. в сопровождении незнакомого солдата. Еще в 22 часа 55 минут Мария И. стояла с этим солдатом около учреждения, в котором она работала. Другие свидетели видели Марию И. вместе с солдатом на железнодорожной станции в Г. в середине дня. Следователю было известно, что в окрестностях города К. скрывается дезертир Иозеф П., вооруженный армейским пистолетом образца 52, калибра 7,62 мм.

На основе этих и других данных следователь выдвинул такие три версии: во-первых, убийство совершил дезертир Иозеф П.; во-вторых, убийство совершил любовник Марии И., некий Ян Ц., который мог это сделать на почве ревности, если узнал о ее неверности; в-третьих, какой-либо солдат из ближайших воинских гарнизонов изнасиловал и затем убил Марию И., чтобы избавиться от нее как от свидетеля.

После выдвижения этих следственных версий и с учетом конкретной ситуации следователь вывел прежде всего такие следствия: преступник должен был лично находиться на месте преступления; он имел при себе пистолет образца 52, калибра 7,62 мм, у которого отсутствуют магазин и кобура; на костюме преступника либо на его теле могут находиться следы крови, грязи, возможно, следы, которые свидетельствуют, что изнасилованию предшествовала борьба между преступником и его жертвой;

сперма преступника должна совпадать со спермой, извлеченной из половых органов убитой, и др.

В ходе проверки существования упомянутых следствий следователь отверг сперва вторую следственную версию. Удалось достоверно доказать алиби Яна Ц. Оставались неопровергнутыми остальные две следственные версии. Дальнейшее расследование полностью подтвердило истинность первой следственной версии: убийство совершил солдат Иозеф П.

Военный окружной суд признал доказанными следующие обстоятельства деяния: солдат Иозеф П. познакомился с Марией И. 30 июля 1956 года на вокзале в Г. В это время находился в самовольной отлучке из своей воинской части. Он был вооружен армейским пистолетом образца 52, калибра 7,62 мм, который получил в своей части перед отъездом на армейские спортивные соревнования. Вместе с Марией И. он находился в зале ожидания станции около одного часа. Вечером Мария И. возвращалась в город К. пассажирским поездом; тем же поездом решил поехать и Иозеф П., однако у него не было билета, и потому он ехал отдельно от Марии И. В город К. поезд прибыл около 21 часа 03 минут, там он снова встретился с Марией И. и проводил ее до учреждения, где Мария И. работала. Под навесом возле учреждения они задержались примерно до 23 часов, когда Иозеф П. решил проводить Марию И. до ее места жительства — до деревни П., расположенной примерно в 5 километрах от города.

Когда они пришли к месту преступления и Мария И., вероятно, из опасения запачкать платье (незадолго перед этим как раз прошел дождь) не согласилась на половое сношение именно на том месте, где они стояли, он вдруг неожиданно ударил ее рукояткой пистолета по голове. При ударе из пистолета выпала крышка магазина, вместе с патронами. Патроны он собрал, а остальные части не нашел. После такого удара Мария И. упала на землю и потеряла сознание. Тогда преступник оттащил ее на жнивье и начал готовиться к совершению полового акта. Чтобы не испачкать брюки, он сорвал с нее часть одежды и подложил между ее ног под свои колени. При половом акте Мария И. стала приходить в сознание, и он, не прерывая полового акта, схватил пистолет, который держал возле себя, и с большой силой ударил Ма-

рию четыре раза по голове. Мария И. снова потеряла сознание, и преступник закончил половой акт. Ему стало страшно, что Мария сможет рассказать о его преступлении, и поэтому, убедившись, что она еще дышит, вынул магазин, вогнал патрон в патронник, приставил пистолет к левой стороне грудной клетки в области сердца и застрелил ее. После этого он сорвал с нее остальную часть одежды и, удостоверившись, что пуля прошла сквозь тела навылет, ушел с места происшествия в город К. Там на площади, он сел на скамейку и, чтобы не привлекать к себе внимания, решил кобуру выбросить, а пистолет спрятать в кармане брюк. Тогда же, вспомнив, что оставил магазин, по всей вероятности, на месте преступления, он решил возвратиться обратно, чтобы найти магазин. Но свое намерение он не смог осуществить до конца потому, что по дороге к месту преступления он увидел, как к трупу Марии И. подъехал мотоциклист. После отъезда мотоциклиста Иозеф И., убежденный, что тот направился сообщить об убийстве органам общественной безопасности, свернул с дороги и проселками покинул район, где произошло преступление.

Итак, следователь по этому уголовному делу выдвинул на основе собранного фактического материала несколько реально возможных следственных версий. Проверкой существования предполагаемых следствий он доказал в конечном счете истинность одной-единственной версии, причем до этого он последовательно исключил все остальные. Таким способом он практически установил объективную истину по делу. Но он пришел к истине весьма сложным путем.

Следователь получил в свое распоряжение достаточное количество объективно существующих, законным способом проверенных и в надлежащей уголовно-процессуальной форме установленных фактов, образующих в своей совокупности определенную специфическую систему следствий, которая объясняет широкий круг явлений, предсказывает новые, до сих пор неизвестные обстоятельства и существующие следствия и т. д. Затем логическим путем он сделал на основе этого материала вывод о том, какая из выдвинутых следственных версий является истинной и доказанной.

Как на предыдущих, так и на этом этапе мыслительного процесса в форме следственных версий надо соблю-

дать определенные требования, обеспечивающие возможность проверки следственных версий для достижения истины. Эти требования можно свести к следующим группам.

Во-первых, надо подвергнуть всесторонней проверке каждую реально возможную следственную версию, не оставлять в стороне ни одну из них независимо от того, идет ли речь о версии, исключающей либо подтверждающей совершение преступления, свидетельствующей в пользу или против конкретного лица и др. При этом нельзя оставлять в стороне ни одного невыясненного вопроса. Иначе не будет оснований считать, что мы выдвинули все реально возможные следственные версии, а также что мы все выдвинутые версии проверили.

Во-вторых, надо проверять все следственные версии параллельно, сразу, а не последовательно одну за другой независимо от степени вероятности отдельных следственных версий. Это вовсе не означает, что надо и отдельные действия проводить одновременно; это практически невозможно, хотя требование максимально быстрого проведения всех неотложных действий, как известно, является одним из основных условий успешного расследования каждого дела.

Некоторые криминалисты оспаривают возможность параллельной проверки всех версий по делу. Они прежде всего ставят под вопрос, должен ли следователь одновременно проверять все версии без учета их важности, убедительности и обоснованности, без учета, например, надобности быстрого проведения некоторых проверок по тем соображениям, что если промедлить, то проверить некоторые из них практически вообще будет невозможно либо их проверка чрезмерно затруднится.

Мы разделяем мнение, что проверка следственных версий должна проводиться с учетом неотложности некоторых следственных мероприятий. Но одновременно мы считаем правильным и требование одновременной проверки всех следственных версий независимо от степени их важности, убедительности и обоснованности.

На первый взгляд кажется, что между этими требованиями существует какое-то противоречие. Но на самом деле ничего подобного здесь нет. Речь, в сущности, идет о двух разных вопросах. Во втором случае речь идет о так называемых действиях, допускающих промедление, и

о действиях, неотложных при проверке следственных версий.

Следовательно, можно говорить об очередности выполнения следственных действий, но не об очередности проверки версий.

Следственная практика показывает, что прежде всего следует провести запланированные действия по розыску и закреплению доказательств, которые по своему характеру неустойчивы. На втором месте — действия, которыми устанавливаются доказательства, существенные для всех либо для нескольких версий. При этом нельзя отождествлять последовательность действий, проводимых в рамках собственно проверки следственных версий, с порядком действий в рамках выполнения задач расследования в целом, где, как правило, первоначальные действия включают и действия, направленные на пресечение дальнейшей преступной деятельности, а также попыток воспрепятствования судопроизводству, например сокрытия преступника и т. д.

В-третьих, надо установить: а) соответствуют ли объективной действительности следствия, которые мы вывели как необходимые из следственной версии, и в связи с этим, будет ли отношение следственной версии к другим явлениям подобным отношению явлений, освещаемых версией, и б) действительно ли данная следственная версия разъясняет нам расследуемое дело и в связи с этим все ли стороны этого дела (включая и дополнительно установленные факты) соответствуют ей. Наши выводы об истинности или неистинности следственной версии должны опираться только на проверенные факты. Проверка отдельных фактов включает в себя проверку их достоверности, а у фактов, которые косвенно подтверждают расследуемое деяние (так называемые косвенные доказательства),— и проверку их отношения к расследуемому делу. Проверка проводится разными способами: розыском новых подтверждающих фактов, встесторонним изучением отдельного факта и, наконец, изучением его в связи с другими собранными по делу фактами.

В-четвертых, надо вовремя отвергать все следственные версии, кроме одной. Запоздалое исключение следственной версии излишне затягивает срок расследования. К тем же последствиям приводит и преждевременное исключение следственной версии. Здесь к этому присоеди-

няется еще и опасность неполноты и необъективности расследования.

В-пятых, следственную версию, которая осталась после исключения остальных следственных версий, надо законным способом и законными средствами доказать. Отдельные обстоятельства дела, факты (аргументы), которыми доказывается следственная версия (тезис), должны вполне соответствовать объективной действительности, должны быть получены законным путем и установлены в соответствующей уголовно-процессуальной форме. Доказанная следственная версия не может противоречить отдельным фактам, установленным достоверным образом, она должна правильно объяснять их, и все установленные обстоятельства дела должны быть достаточным доказательством следственной версии; истинность следственной версии (тезиса) должна вытекать из фактов (аргументов).

В этой связи мы хотим коснуться еще одного практического вопроса: когда можно отвергнуть следственную версию и когда следственная версия является доказанной?

Для того чтобы можно было отвергнуть, исключить следственную версию, надо получить достоверные факты, доказательства, противоречащие ее необходимым следствиям. При исключении версии не имеет решающего значения, какой характер — позитивный или негативный — имеют установленные нами факты, на основе которых отвергается следственная версия. Исключение следственной версии имеет форму негативного модуса гипотетического категорического умозаключения.

Эту логическую форму использовал следователь и в вышеприведенном примере, когда исключил версию о том, что виновником вышеописанного серьезного преступления является любовник убитой Ян Ц. Следователь в ходе проверки выведенных следствий точно установил, что Ян Ц. в критическое время находился далеко от места преступления и никак не мог попасть на место происшествия; при обыске у него не оказалось никаких следов крови или грязи на одежде; его группа крови совершенно отлична от группы спермы, обнаруженной в половых органах убитой, и т. д. После установления всех указанных обстоятельств следователь умозаключил так: если убийство совершил Ян Ц., то он должен был в

критическое время находиться на месте преступления (а); на его одежде должны бы находиться следы крови или грязи (б); сперма его должна быть той же группы, что и сперма, обнаруженная в половых органах убитой (в). Однако не установлено ни «а», ни «б», ни «в». Поэтому преступником является не Ян Ц.

Этот негативный модус гипотетического категорического умозаключения можно выразить и так: если существует причина «X», то должна существовать совокупность следствий «А». Совокупность следствий «А» не существует. Поэтому не существует и «X».

Как видно, следователь исключил эту версию, когда установил, что Ян Ц. в критическое время неоспоримо находился в другом месте, что он имеет другую группу крови (позитивные факты) и что на его одежде нет следов ни крови, ни грязи с места происшествия (негативные факты).

Но в данном случае следователь мог исключить следственную версию и уже потому, что установил алиби Яна Ц., то есть на основе факта, который не допускает иного толкования. Обвиняемый либо был на месте происшествия, либо не был; иная возможность немыслима.

Это значит, что для исключения версии не требуется, чтобы существовали все факты, противоречащие всем следствиям. Достаточно, чтобы хоть одно из необходимых следствий оказалось в противоречии с достоверно установленным фактом.

Но так обстоит, когда речь идет о следствиях, которые на самом деле абсолютно необходимы и закономерны ввиду конкретной причины, либо когда установленный факт и следствие несовместимы. В случае убийства Марии И. было бы неправильно исключить следственную версию, например, только на том основании, что на одежде Яна Ц. не установлены следы крови и грязи. Ведь такое обстоятельство можно объяснить по-разному: поверхностным проведением осмотра одежды; возможностью тщательного устранения таких следов преступником; тем, что он действительно не запачкался при убийстве ни кровью, ни грязью и т. д.

Существенно здесь и следующее требование. Нельзя исключить следственную версию только потому, что нам не удалось установить факты, которые бы подтверждали выведенные из нее следствия. На вышеприведенном при-

мере убийства Марии И. было видно, что следователь не исключил версию о совершении убийства солдатом Иозефом П., хотя вначале он не установил ничего, что бы подтверждало следствия, выведенные из данной следственной версии: на его одежде не оказалось ни одного следа крови; при проверке его алиби вначале не было установлено ничего, что бы противоречило его показаниям, и др. Он не исключил этой следственной версии и тогда, когда установил, что определенные факты на первый взгляд противоречат выведенным следствиям.

Некоторые свидетели показали, что преступник был в форме мотомеханизированных войск, в брюках, заправленных в сапоги, тогда как солдат Иозеф И. имел погоны инженерно-технических подразделений, был в брюках навыпуск и в ботинках. Дальнейшая проверка этих данных показала, что свидетели вечером не могли хорошо разглядеть, какие у него были погоны, поскольку Иозеф П. с Марией И. вечером стояли не под фонарем, а на неосвещенном месте. То обстоятельство, что на форме Иозефа П. не нашли следов крови и грязи, объясняется тем, что Иозеф П. перед половым актом сорвал с Марии часть одежды, которую положил между ее ног под свои колени, а застрелил ее уже по окончании полового акта, приложив пистолет к левой стороне грудной клетки.

Подобным образом поступает следователь, исключая одну следственную версию за другой. В принципе речь идет об определенной форме редуктивного умозаключения. В ходе его следователь исключает отдельные следственные версии до тех пор, пока не останется одна-единственная.

Этот процесс исключения следственных версий может иметь форму и альтернативного умозаключения, которое можно выразить так: преступление «Х» совершил либо «А», «Б», либо «В». Установлено, что «А» преступления не совершал. Поэтому преступление совершил «Б» или «В». Дальнейшей проверкой удалось нам исключить подозрение против «Б». Альтернативное умозаключение в этом случае приняло бы после этого форму: преступление «Х» не совершил «Б». Поэтому преступление «Х» должен был совершить «В». Таким путем следователь пришел бы к достоверному выводу при условии, что с учетом конкретных обстоятельств дела он выдвинул все реально возможные следственные версии: преступление «Х» мог

совершить или «А», или «Б», или «В», и никто другой. Этот случай при мышлении в форме следственных версий практически не имеет значения, поскольку у нас нет надежного знания о всем круге возможностей.

В ходе проверки мы отвергали как неистинные следственные версии, что преступление «Х» совершил «А» или «Б». Но вывод, что преступление совершил «В», мы не можем строить. И не только ввиду его слишком общего характера, но и потому, что мы получили его косвенным путем: отвержением остальных принятых во внимание следственных версий.

Кроме того, неправилен вывод, который делается от следствий к причине: подтверждение следствий само по себе не является подтверждением их причины. Мы не можем довольствоваться подобным выводом и должны поэтому приступить ко второй стороне проверки следственной версии — к доказыванию истинности этой единственной следственной версии.

Причем процесс исключения отдельных следственных версий не проходит всегда так идеально, как было видно выше. Встречаются, и, надо сказать, нередко, случаи, когда материал, собранный предыдущей проверкой, не всегда позволяет исключить все следственные версии вплоть до одной-единственной. В этих случаях процесс исключения как бы приостанавливается и следователь приступает к доказыванию одной следственной версии, и лишь в ходе доказывания данной версии он исключает и другую следственную версию, которую из-за отсутствия на то основания он не мог еще раньше отвергнуть. Такое положение складывается, как правило, когда имеются следственные версии разной степени конкретности.

Подобное же положение сложилось и в нашем примере убийства Марии И. После исключения следственной версии о совершении убийства Яном Ц. остались две следственные версии: убийство совершил Иозеф П. и убийство совершил какой-то солдат из окружающих воинских гарнизонов, который случайно познакомился с Марией И. на железнодорожной станции Г. Проверка этой последней версии раньше не давала результатов; к тому же ее последовательная проверка требовала очень много времени именно из-за ее чрезмерной неконкретности. Как пример можно привести проверку алиби большого числа солдат из нескольких гарнизонов, которые в критическое

время находились вне расположения частей. С другой стороны, проверка первой следственной версии (убийство совершил Иозеф П.) подтверждала существование некоторых ее следствий. В ходе проверки выяснилось, что именно у Иозефа П. не было алиби. Далее, все свидетельствовало о том, что кобура, найденная на площади в городе К., принадлежит Иозефу П., а значит, Иозеф П. был в критическое время недалеко от места преступления. И описание, которое приводили отдельные свидетели, совпадало с описанием Иозефа П., а поэтому наиболее вероятно, что именно он и есть тот, кто был вместе с Марией И. в 22 часа 50 минут 30 июля 1956 года.

На основе указанных данных следователь приступил к проверке первой следственной версии. Установленные факты не только полностью подтвердили ее истинность, но одновременно на их основе следователь смог исключить следственную версию о совершении убийства кем-то другим. Но, как видно, исключению третьей следственной версии предшествовало доказывание первой следственной версии.

Процесс доказывания истинности единственной следственной версии, оставшейся после исключения всех остальных, более сложен, чем сам процесс исключения версий. Однако данный вопрос меньше всего разработан.

При изучении соответствующей литературы видно, что встречаются попытки решить этот вопрос (по отношению к гипотезе) либо методами теории вероятностей, либо в границах классической формальной логики. Как правильно указывает Л. Б. Баженов [1], лишь одними этими путями нельзя осуществить переход от гипотезы к доказанной теории; речь идет о вопросе, являющемся не только узко логическим, но и теоретико-познавательным.

Основной путь замены следственной версии доказанным достоверным знанием — это проверка следственных версий на практике; собирание такого количества и таких фактов, которые образуют в своей совокупности специфическую необходимую систему следствий, позволяющую нам произвести достоверный и с логической и познавательной точек зрения правильный переход от истинности следствий к истинности их причин.

---

[1] См.: Л. Б. Баженов, Основные вопросы теории гипотезы, М., 1961, стр. 39—60.

Процесс рассуждения проходит с логической точки зрения в форме условно-категорического умозаключения с тем различием, что в этом случае речь идет о его положительном модусе и не об определенной совокупности следствий, а о специфической системе следствий «А», обязательно соответствующих только причине «Х».

Этот процесс рассуждения можно выразить так: если убийство совершил «Х», то должна существовать и определенная специфическая система обязательных следствий «А», которые с убийством необходимо и закономерно связаны. Расследованием было установлено, что такая система следствий «А» существует. Поэтому убийство совершил «Х».

Вопрос об истинности следственной версии решается не количеством найденных фактов, подтверждающих существование следствий, а их единством, конкретностью, определенностью, неповторимостью и взаимообусловленностью, что является не чем иным, как отражением конкретного индивидуального, неповторимого расследуемого события.

Если взять изолированно отдельные факты, например факт, что Иозеф П. имел определенный пистолет образца 52, калибра 7,62 мм, или что свидетели видели его во второй половине дня поздно вечером вместе с Марией И., или что кобура, найденная на площади в городе К., принадлежала его пистолету,— ни один из этих фактов сам по себе еще не подтверждает вывода, что преступником является именно Иозеф П. Факты, взятые изолированно, не замыкают цепи причинной связи; напротив, они допускают разное объяснение своей причины. Так, например, то обстоятельство, что кобура принадлежала Иозефу П., само по себе не может свидетельствовать, что Иозеф П. действительно в критическое время находился на площади в городе К.; кобуру вместе с пистолетом Иозеф П. мог выбросить, чтобы не вызвать к себе подозрений со стороны органов общественной безопасности; действительный преступник мог то и другое найти и убить Марию И.; Иозеф П. на самом деле мог находиться с Марией И. во второй половине дня и поздно вечером, однако он мог с ней расстаться и уйти на площадь в городе К., где спрятал пистолет в карман и выбросил кобуру, и т. д. Все эти «но» и «возможно» отпадут, если установленные факты будут приведены в определенную систему и подвергну-

ты всестороннему логическому анализу и оценке. В таком случае можно будет прийти к однозначному выводу, что преступник — Иозеф П.

Как же обстоит дело с заключительным процессом доказывания?

Следственная практика показывает, что этот процесс проходит всегда в опосредствованной, логической форме. В принципе он заключается в надлежащем обосновании истинности определенного тезиса (следственной версии) истинными и доказанными раньше аргументами (фактами). Поэтому следственную версию мы можем признать доказанной, когда установленные факты являются достаточным основанием для вывода истинности следственной версии. Это достигается только тогда, когда обстоятельства дела (аргументы), которыми доказывается истинность следственной версии (тезиса), сами истинны, когда из них вытекает сам тезис, когда истинность аргументов доказана самостоятельно, независимо от тезиса и т. д. Если вначале можно было сомневаться в истинности существования отдельных фактов, в заключительной фазе доказывания в предварительном следствии нельзя себе позволить подобных «сомнений». Надо отбросить все ложное и несущественное и на основе конкретной системы суждений и умозаключений произвести истинный, достоверный вывод о доказанности единственной следственной версии.

Так было и в случае убийства Марии И. Иозеф П. находился в критическое время в городе К. недалеко от места преступления. Было также установлено, что ему принадлежит кобура, найденная в 04 часа 45 минут дворником Яном З.; это подтвердил старшина роты, который выдавал пистолет Иозефу П. перед отправкой на армейские спортивные соревнования. К тому же в кобуре находились две тряпочки. Криминалистическая экспертиза подтвердила, что одна тряпочка оказалась от кармана брюк Иозефа П., а другая — от платья жены его брата, у которого он находился за пять дней до убийства Марии И. Этот вывод подтверждал в определенном отношении свидетель, нашедший кобуру. Он сообщил, что кобуру мог кто-либо оставить лишь в ночь на 31 июля 1956 года, потому что он нашел ее на видном и бойком месте. То, что Иозеф П. находился в критическое время вместе с Марией И., подтверждается описаниями, сделан-

ными несколькими свидетелями, которые их видели вместе на железнодорожной станции Г., когда они шли от поезда в город К. и когда стояли около учреждения, где работала Мария И. Последний раз Иозефа П. видели вместе с Марией И. еще в 22 часа 50 минут 30 июля 1956 года. Убийство же, по заключению судебно-медицинской экспертизы, совершено между 23 и 24 часами. Утром 31 июля 1956 года в 4 часа 30 минут свидетель Ладислав Р. видел солдата с подобной внешностью, когда последний шел по дороге к месту преступления; другой же свидетель видел, как тот же солдат удалялся в обратном направлении. На месте преступления убийца оставил магазин от пистолета образца 52, калибра 7,62 мм. Когда он обнаружил эту свою «небрежность» и понял, что магазин может оказаться уликой, решил возвратиться на место преступления и найти магазин. Но когда по дороге он заметил, что мотоциклист подъехал к трупу Марии И., то он изменил свое намерение, свернул с дороги и покинул окрестность города К. Он почти уже добрался до С., когда по дороге все-таки украл велосипед, на котором 3 июля 1956 года и приехал к своим родителям в С. Там он и был задержан органами общественной безопасности как дезертир. Но еще раньше он бросил пистолет, чтобы отвести от себя возможное подозрение в убийстве в случае задержания. Когда по поведению родственников он почувствовал, что будет задержан, спрятал стреляную гильзу в кухонном буфете, где позже ее и нашли.

То обстоятельство, что Иозеф П. действительно произвел половой акт с Марией И., подтверждала судебная экспертиза, которая достоверно доказала, что сперма, обнаруженная в ее половых органах, совпадает по группе со спермой Иозефа П. На его форме не оказалось ни одного следа крови и грязи, а на теле — ни одного признака борьбы. Одно это как раз и объясняет способ совершения преступления: Мария И. не могла защищаться, поскольку от внезапного удара пистолетом она потеряла сознание, да она и не ожидала самого удара; преступник перед половым актом уже без всякого сопротивления с ее стороны сорвал с нее часть платья и подложил под свои колени между ее ног, причем уже после полового акта застрелил из пистолета, прижатого к левой стороне грудной клетки, когда она уже беспомощно лежала на земле.

Такой ход событий подтверждается и тем, что после предварительного запирательства он под давлением доказательств в конце концов сознался, подробно и в полном соответствии со всеми достоверно установленными фактами описал свое преступление. К тому же свои показания Иозеф П. детально воспроизвел на незнакомой ему местности. Причем он сообщил и некоторые другие подробности и факты, которые только после этого были обнаружены.

Итак, построенная система отдельных суждений и умозаключений полностью замыкает цепь причинной связи между деянием Иозефа П. и необходимыми и закономерными следствиями этого деяния таким образом, что не допускает никакого сомнения и другого освещения обстоятельств, при которых произошла смерть Марии И.

Вывод об убийстве Марии И. Иозефом П., вытекавший из системы аргументов, выступавших в качестве суждений об отдельных фактах, был единственно возможным и притом достаточно доказанным.

Какие выводы можно было бы сделать для практической деятельности следователей при проверке следственных версий?

а) Прежде всего — это требование выводить все следствия, которые должны бы существовать в случае истинности следственной версии. Соблюдение такого требования дает возможность максимально конкретизировать общее направление и границы дальнейшего расследования.

Предпосылкой правильного выведения следствий является знание существенных признаков, причинных связей между отдельными фактами, знание познавательных возможностей искомых фактов и, наконец, знание конкретной ситуации. Это позволяет следователю в «бесчисленном множестве» найти необходимые и достаточные следствия.

Логическая сторона данного этапа мыслительного процесса проходит в обратном направлении: от причины к действию. Собственно выведение следствий имеет форму гипотетического суждения.

б) Далее, надо правильно определить те практические действия (следственные и иные), которые позволят установить факты, подтверждающие или опровергающие предполагаемые следствия. При этом уже следствия сами по себе подсказывают, какие практические действия нужны.

Доказать следственную версию можно лишь на основе фактов, полученных законным путем и законными средствами. Надо правильно понимать и значение действий оперативных органов: они указывают следователю, какие доказательства можно найти, где их следует искать и с помощью каких следственных действий их можно установить.

в) В ходе проверки следственных версий требуется доказать истинность одной-единственной следственной версии при предварительном исключении всех остальных. С этой целью проверяются все реально возможные следственные версии независимо от того, исключают или подтверждают они совершение преступления, свидетельствуют ли в пользу или против конкретного лица и т. д.

Следственные версии надо проверять параллельно, а не одну за другой и независимо от степени их вероятности. Это требование не противоречит требованию проверять следственные версии с учетом необходимости быстрого проведения неотложных следственных действий по тем основаниям, что позже эту проверку провести было бы практически невозможно или слишком затруднительно.

В ходе проверки надо с помощью фактов, найденных законным способом и полученных в соответствующей уголовно-процессуальной форме, установить, отвечают ли объективной действительности следствия, которые как необходимые выводятся из версии, и действительно ли эта версия представляет единственное объяснение расследуемого дела.

Факты, на основе которых производится вывод о доказанности или опровержении следственной версии, должны быть надлежащим образом проверены. Проверка отдельных фактов включает в себя проверку их достоверности, а применительно к косвенным доказательствам — и проверку их относимости к расследуемому делу.

Надо своевременно отбросить все следственные версии, кроме одной-единственной. Следственную версию, которая осталась после исключения остальных, надо доказать законным способом и законными средствами.

Установленные обстоятельства дела должны быть достаточным основанием признания доказанной следственной версии, следственная версия должна из них вытекать.

г) Исключать следственную версию надо тогда, когда уже установлены достоверные факты, противоречащие ее необходимым следствиям. Негативные или позитивные это факты, значения не имеет.

Исключение следственной версии принимает форму негативного модуса условно-категорического умозаключения. При этом нельзя исключить следственную версию только потому, что еще не удалось установить факты, которые бы подтверждали выведенные из нее следствия.

При исключении отдельных следственных версий, как правило, используется форма редуктивного умозаключения. Этот процесс исключения отдельных следственных версий может принимать и форму альтернативного умозаключения. Но одного процесса исключения следственных версий вплоть до единственной еще недостаточно. И хотя результаты такого процесса исключения версий могут быть вполне достоверными, однако, исходя из всеобщности их характера и способа их получения, надо полученные результаты еще и доказать.

Процесс доказывания истинности единственной версии гораздо сложней, чем процесс исключения следственной версии. В принципе он имеет форму положительного модуса условно-категорического умозаключения.

Следует помнить, что решающим при доказывании является не количество собранных фактов, а их единство, конкретность и взаимообусловленность. При этом должна существовать определенная специфическая система следствий.

Следственную версию можно признать доказанной только тогда, когда установленные факты являются достаточным основанием для вывода об истинности данной следственной версии.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья (автор д-р юрид. наук А. Р. Ратинов) . . . 5

Предисловие автора к русскому изданию . . . 15

1. Предмет исследования . . . 19
2. Состояние разработки вопроса о сущности следственных версий . . . 24
3. Мышление в форме следственных версий — единство познавательного, психического и логического процессов . . . 31
4. Следственные версии как один из путей познания и доказывания объективной истины в уголовном судопроизводстве . . . 57
5. Следственные версии как одна из форм сложного мыслительного процесса . . . 73
6. Интуиция в построении и проверке следственной версии . . . 97
7. Определение понятия «следственная версия» . . . 109
8. Принципы построения и проверки следственных версий . . . 134
9. Собирание фактического материала и его оценка . . . 136
10. Формулировка предположения — выводной части следственной версии . . . 170
11. Проверка следственных версий . . . 194

Ян Пещак

СЛЕДСТВЕННЫЕ ВЕРСИИ

Художник *Ю.И. Трапаков*

Художественный редактор *В.А. Пузанков*

Технический редактор *Е.А. Торгушина*

Корректор *Р. Прицкер*

Сдано в производство 12/VII 1974 г.
Подписано к печати 16/VII 1975 г. Формат 84 × 108 1/32, офсетная № 2.
Бум. л. $3^{5}/_{8}$. Печ. л. 12,18.
Уч.-изд. л. 12,25. Изд. № 18966. Заказ № 269.
Цена 95 коп. Тираж 73000.

Издательство «Прогресс»
Государственного комитета
Совета Министров СССР по делам издательств,
полиграфии и книжной торговли
Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 21

Московская типография № 5 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
Москва, Мало-Московская, 21

Отпечатано на Можайском полиграфкомбинате
„Союзполиграфпрома" при Государственном
комитете Совета Министров СССР по делам
издательств, полиграфии и книжной торговли
Можайск, ул. Мира, д. 93

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ:

ДУГЛАС У. Три столетия войны. Хроника экологического бедствия. Перевод с английского.

Автор книги — известный американский юрист, профессор, член Верховного суда США. Его перу принадлежит более тридцати книг, в том числе и по вопросам охраны природы.

Хорошо зная преступные нарушения законодательства США, регулирующего охрану окружающей серды, У. Дуглас в своей книге дает глубокий анализ тревожного положения дел с охраной природы в США.

Книга насыщена новейшими фактическими данными не только по США, но и по другим странам мира, написана живым языком.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ:

КЛАРК Р. Преступность в США. Перевод с английского.

Автор книги — бывший министр юстиции США.

В его книге, написанной в публицистичной форме, содержится исследование характера и причин преступности в США, проливающее свет на глубокий социально-экономический кризис, который переживает современное общество США. Р. Кларк показывает малоэффективность административных мер борьбы с преступностью, предпринимаемых в настоящее время в США.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

ВЫШЛА ИЗ ПЕЧАТИ:

БУХГОЛЬЦ Э., ХАРТМАН Р. Социалистическая криминология. Теория и методы. Перевод с немецкого.

В книге особое внимание уделяется методике и техническим приемам изучения преступности, критикуются методы, применяемые буржуазной криминологией.

В работе с марксистско-ленинских позиций дается анализ преступности, вскрывается взаимосвязь социального и психологического в личности преступника.

ПРОГРЕСС»

ти:

Р. Социалистиче-
методы. Перевод

еляется методи-
учения преступ-
применяемые

инских позиций
скрывается вза-
ологического в

95к

185
−90

ЯН ПЕШАК • СЛЕДСТВЕННЫЕ ВЕРСИИ

ВСЕГДА не верьте тому что кажется, верьте ТОЛЬКО доказательствам.

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.

PIC•COLLAGE

ЛЮБОВЬ
К СЕБЕ